

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

П.С. Кабытов*

ТРУДЫ ПРОФЕССОРА ЛЮДМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ АРТАМОНОВОЙ ПО ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ И ОТЕЧЕСТВА, КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Исследовательская, педагогическая, организаторская деятельность современного ученого идут рука об руку, взаимодополняют и обогащают друг друга. Чем гармоничнее единение всех сфер профессиональной деятельности, тем очевидней его вклад в развитие науки и высшей школы и тем больше пользы от проделанных трудов для малой и большой Родины исследователя. Пожалуй, Людмиле Михайловне Артамоновой удалось добиться в этих видах работы историка почти оптимального сочетания.

Научное и педагогическое творчество Л.М. Артамоновой связано с двумя вузами Самары. Ее «alma mater» – Самарский государственный университет. Она окончила его в 1975 г. с красным дипломом, там же прошла аспирантуру и докторантуру, в нем начинала трудиться в 1979 г. и работает до сих пор совместителем.

В Самарской государственной академии культуры и искусств Л.М. Артамонова впервые появилась в качестве преподавателя в октябре 1983 г., здесь преодолела нелегкий путь до доцента (1992) и профессора (2007). С марта 1994 г. и по сей день она возглавляет кафедру истории Отечества СГАКИ.

Кроме занятий со студентами, за плечами Л.М. Артамоновой работа в вечерней школе рабочей молодежи, на подготовительных курсах с абитуриентами, в предметной комиссии на вступительных экзаменах, подготовка кадров высшей квалификации из аспирантов, защитивших под ее руководством кандидатские диссертации. Как председатель одного из советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, могу с удовлетворением отметить также обстоятельность отзывов ведущей организации, подготовленных при участии Л.М. Арта-

* © Кабытов П.С. – профессор, зав.кафедрой российской истории Самарского государственного университета

моновой, ее собственных выступлений в качестве официального оппонента на защитах, их несомненную пользу для соискателей.

И все же научному сообществу Л.М. Артамонова известна, прежде всего, своими публикациями. На этой стороне ее деятельности хотелось остановиться особо, поскольку анализ изданных работ позволяет наиболее точно и наглядно показать место ее исследований в современной отечественной историографии, очертить круг поднимаемых ею тем и вопросов.

Число основных публикаций Л.М. Артамоновой достигает 100 работ. Эту круглую цифру можно заметно изменить в сторону увеличения за счет материалов, поданных ею в справочные издания и коллективные монографии, посчитав за отдельные публикации сюжеты на отличающиеся друг от друга темы. Однако условно мы принимаем участие исследователя в каждой коллективной монографии или каждом томе справочного издания за одну публикацию, несмотря на количество написанных им глав, параграфов, словарных статей. Такой подход не исказит принципиальные выводы, а, отталкиваясь от круглого числа, можно сделать нагляднее некоторые подсчеты, которые хотелось привести по ходу изложения.

Прежде всего, отметим многогранность научных интересов Л.М. Артамоновой. Даже основные этапы становления историка (дипломное сочинение, выполненное под руководством М.И. Леонова, кандидатская диссертация – научный руководитель Л.В. Храмков, докторская диссертация, научным консультантом по которой явился П.С. Кабытов) в ее творчестве не имеют прямой тематической связи. В начале каждого этапа научное исследование шло, как говорится, практически «с нуля».

Подготовив дипломное сочинение о либеральных народниках на рубеже XIX–XX вв., Л.М. Артамонова в аспирантуре по совету старейшего в университете профессора-историка Е.И. Медведева полностью переключается на изучение проблем XVIII века, поскольку в тогдашнем г. Куйбышеве не было ни одного специалиста – кандидата наук по отечественной истории ранее 19-го столетия. Итогом стала диссертация «Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767-1769 гг.», защищенная в 1985 г. в совете при Куйбышевском пединституте.

Попытка создания первого в новой истории России представительного законосовещательного органа – Уложенной комиссии является одной из ключевых проблем в истории государственных учреждений Российской империи. Ее изучение потребовало не только знания теории и историографии проблемы, но и хорошей источниковедческой, архивной, палеографической и археографической подготовки. В ходе написания диссертации была проведена длительная и кропотливая работа в архивохранилищах и библиотеках Москвы, Ленинграда, городов Поволжья, позволившая выявить весь комплекс наказов крестьянским депутатам региона, дополнений к ним и выступлений при их обсуждении в Уложенной комиссии.

Помощь своими консультациями при написании диссертации оказали известные советские историки, председатель Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Е.И. Индова (Институт истории СССР АН СССР) и про-

фессор МГУ М.Т. Белявский, выступивший затем лично, несмотря на состояние здоровья, на ее защите в качестве оппонента. Эта работа вызвала большой интерес и других ученых, особенно специалистов по аграрной истории Среднего Поволжья, на конференциях которых докладывались результаты исследований Л.М. Артамоновой, и Южного Урала. Не случайно, что вторым оппонентом на защите ее кандидатской диссертации стал казанский историк И.А. Гилязов, а ведущей организацией выступил Башкирский государственный университет.

Всего теме Уложенной комиссии специально посвящено 20 публикаций Л.М. Артамоновой за 1979-2007 гг. Материалы вышеупомянутых конференций¹ дополняются статьями в сборниках научных работ, вышедших в городах Поволжья и Урала².

Работая над общероссийской и широкой поволжской тематикой, автор одновременно расширяла источниковую базу самарского краеведения, впервые включив в нее наказы и выступления представителей от разных сословий нашего края в Уложенной комиссии³. Она сделала известными имена активных самарских депутатов не только из крестьян, например, купца Д.Ф. Рукавкина⁴. Сейчас эти находки стали широко использоваться даже в популярной и учебно-методической литературе для школ, составители которой, к сожалению, бывает, что не удосуживаются сослаться на использованные ими работы.

Еще во время подготовки кандидатской диссертации Л.М. Артамонова внимательно отслеживала и брала на заметку в архивах и библиотеках все сведения, которые, даже не относясь прямо к теме диссертации, представляли интерес для истории Самарского края. Дело в том, что историки Куйбышевского госуниверситета во второй половине 1970-х гг. начали готовить первый подлинно научный обзор региональной истории с древнейших времен до настоящих дней. В этом деле активным было участие и Л.М. Артамоновой. С тех пор во всех обобщающих трудах по истории нашего края в целом⁵, в ряде очерков о прошлом отдельных его частей и районов⁶ обязательно присутствуют материалы, подготовленные ею, которые в основном посвящены событиям и явлениям XVIII – первой половины XIX вв. Предоставляла она также материалы для справочных (4 тома «Историко-культурной энциклопедии Самарского Края», вышедшие в 1993-1995 гг.) и учебных изданий (3 издания учебного пособия «Самарская область: география и история, экономика и культура» в 1996, 1998, 2001 гг.) Всего за 1987-2007 гг. вышло 16 томов таких коллективных монографий, энциклопедий и прочих подобных изданий с ее участием и в тесном сотрудничестве с историками СамГУ П.С. Кабытовым, Э.Л. Дубманом, М.И. Леоновым, Н.Н. Кабытовой, Л.В. Храмовым, Ю.Н. Смирновым, Г.И. Матвеевой и другими.

Кроме вышеупомянутых коллективных работ, выходили отдельные статьи Л.М. Артамоновой, которые содержали настоящие открытия в области самарского краеведения, рассказывая о важных, но выпавших из поля зрения историков и краеведов событиях. Так, 7 ее публикаций в 1991-2007 гг. были посвящены малоизвестным страницам и новым источникам по истории городов и селений нашей области⁷.

Еще в 4 публикациях ею введены в научный оборот ценные материалы о здравоохранении в Самарском крае, имеющие общероссийское звучание. Дос-

тоянием общественности стали сведения об одной из первых в русской провинции доступных для широких слоев населения больницы в Усольской вотчине конца XVIII – начала XIX вв., не имеющие по подробности аналогов в отечественной историографии. Из довольно неожиданных и не пересекающихся, на первый взгляд, источников (архивных фондов III Отделения и Казанского учебного округа), впервые получены сведения о холерной эпидемии 1830 года в Самаре. Как выяснила Л.М. Артамонова, эта трагедия привела здесь к событиям, которые можно поставить в общий ряд «холерных бунтов» и других волнений, потрясших Россию и некоторые другие страны Европы на исходе первой трети XIX в.⁸

Наиболее весомое значение имеют труды Л.М. Артамоновой за 1996-2007 гг. по истории просвещения и науки. На них приходится самая значительная часть ее публикаций – 40. Они охватывают даже XX век, если иметь в виду монографию «Самарская государственная академия культуры и искусств: год первый», вышедшую в 2006 г. и посвященную 30-летию основания этого вуза. В ней удачно сочетается изучение традиционных, хотя и непривычных именно для данного автора, учитывая эпоху, печатных и архивных источников с современными методиками использования «устной истории» и «истории повседневности».

Все же основной объем публикаций Л.М. Артамоновой затрагивает тему народного образования в русской провинции XVIII – первой половины XIX вв., недостаточно изученную для России в целом, а в истории нашего региона оставшуюся практически неизвестной и слабо отраженной в краеведческой литературе. Благодаря ее трудам, мы теперь обладаем достоверными и подробными сведениями о калмыцкой школе в Ставрополе⁹, самарском малом народном училище конца XVIII века¹⁰ и открытии самарского уездного училища в первой трети XIX века¹¹. В ее трудах также содержатся сведения о развитии просвещения на территориях современной Оренбургской области, Башкирии, Чувашии и других регионов Поволжья¹².

Изучение взаимодействия социальных, политико-административных и культурных явлений, отразившихся в школьном деле России в целом и ее юго-восточных окраин в особенности, привели Л.М. Артамонову к созданию главного на настоящий момент труда в ее жизни. Его результатом стали монография «Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России)», изданная в Самаре в 2001 г., и докторская диссертация «Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России)», защищенная в совете при Самарском государственном университете в 2002 г.

Оппонентами по диссертации выступили крупнейший специалист по эпохе абсолютизма в России, профессор Академии госслужбы при Президенте РФ А.И. Комисаренко, блестящий знаток русского города и источников по его истории, профессор МГУ Н.В. Козлова, видный деятель науки Поволжья и историограф, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия В.А. Юрченков. Отзыв ведущей организации был подготовлен в Санкт-Петербургском институте истории РАН одним из известнейших исследователей проблем XVIII века Е.В. Анисимовым. Высокая оцен-

ка, данная всеми этими яркими представителями разных ведущих научных школ России, причем часто дискутирующими друг с другом по ряду вопросов, дорогого стоит и объективно свидетельствует о качестве труда Л.М. Артамоновой, как и предоставление ей издательского Губернского гранта в области науки и техники № 5Г/2001 для публикации ее монографии по теме диссертации.

Кроме указанных монографии и диссертации, наблюдения и выводы, полученные Л.М. Артамоновой в ходе исследования истории народного образования и научных исследований в России, также были изложены в отдельных статьях¹³. При этом тематика и хронология ряда статей заметно выходит за рамки докторской диссертации¹⁴. Последнее замечание особенно касается истории создания сельских школ в крепостной, удельной и государственной деревне первой половины XIX века, а также отношения церкви к развитию народного образования в дореформенной России¹⁵. Эти сюжеты позволяют по-новому взглянуть на политику Николая I в области образования и роль его царствования в процессе модернизации страны и ее культуры.

К исследованиям по истории здравоохранения, просвещения, науки примыкают изученные Л.М. Артамоновой сюжеты по другим областям культуры нашего региона (книжного дела и архитектуры), отраженные в 7 публикациях 1994-2006 годов. Здесь обращает на себя внимание использование новых как письменных, в т.ч. архивных, так и графических источников, например, гравюры Дж. Кэстля, жившего и служившего в Самаре в 1730-е гг.¹⁶

В завершение тематического обзора укажем 6 публикаций автора по преподаванию и организации научных исследований в высшей школе. Они представляют собой материалы конференций различного уровня и рецензии на работы коллег, изданные в 1990-2006 гг.¹⁷

География мест выхода в свет трудов Л.М. Артамоновой показывает интерес к ее работам, который проявляют коллеги из других регионов, и широту ее контактов с научными центрами в городах за пределами Самарской области, поскольку, как правило, эти публикации стали результатом ее выступлений с докладами на различных конференциях. К числу таких городов относятся Екатеринбург (Свердловск), Йошкар-Ола, Казань, Москва, Нижневартовск, Оренбург, Пенза, Рязань, Саранск, Саратов, Уфа, Чебоксары, Челябинск.

Хронология издания трудов Л.М. Артамоновой демонстрирует все возрастающую публикаторскую активность. Для удобства сравнения разобьем почти 30-летнюю научную карьеру на пятилетки. Тогда окажется, что выпуск ее печатных работ менялся следующим образом:

1979-1982 гг. – 3 публикации в Москве, Саранске, Чебоксарах;

1983-1987 гг. – 6 публикаций в Куйбышеве, Казани, Саратове, Свердловске;

1988-1992 гг. – 11 публикаций в Самаре, Пензе, Уфе, Йошкар-Оле, Саранске;

1993-1997 гг. – 24 публикации в Самаре;

1998-2002 гг. – 24 публикации в Самаре, Москве, Уфе;

2003-2007 гг. – 32 публикации в Самаре, Москве, Рязани, Челябинске, Екатеринбурге, Нижневартовске, Оренбурге, Уфе, Саратове, Саранске, Чебоксарах, Пензе.

Очевиден постоянный количественный рост научной продукции Л.М. Артамоновой и резкое расширение предложений к ней по участию в конференциях и изданиях в других регионах. Учтем, что к списку последнего пятилетия следует добавить города, где также проходили научные форумы, в которых она участвовала, но материалы последних были или изданы в других городах, или еще готовятся к печати, или их издание не планировалось: Санкт-Петербург, Калининград, Сургут, Ханты-Мансийск. К тому же примечательно, что среди публикаций этого пятилетия есть работы буквально по всем тематическим разделам ее научных интересов, перечисленным выше в нашем обзоре.

Все вышеизложенные факты являются объективными показателями не только уже сделанного вклада в науку, но и большого потенциала Л.М. Артамоновой как исследователя, что дает надежду на плодотворное творческое долголетие. Остается только пожелать ей реализовать этот потенциал, представляя научному сообществу все новые и новые труды по истории родного края и Отечества, культуры и просвещения в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Артамонова Л.М. Наказы государственных крестьян Поволжья как источник по истории взаимоотношений разных национальностей // *Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья*. Саранск, 1981; Ее же. Обсуждение наказов государственных крестьян Поволжья в Уложенной комиссии 1767-1768 гг. // *Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма*. Чебоксары, 1982; Ее же. Дополнения к наказам как форма борьбы депутатов государственных крестьян Поволжья в Уложенной комиссии // *Проблемы социально-экономического развития Среднего Поволжья в период феодализма*. Казань, 1986; Ее же. Вопросы отходничества и долговых обязательств в крестьянских наказах Поволжья в Уложенную комиссию // *Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья*. Йошкар-Ола, 1990.

² Артамонова Л.М. Вопрос о торговле в наказах государственных крестьян Поволжья и его обсуждение в Уложенной комиссии // *Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX - начале XX вв.* Куйбышев, 1986; Ее же. Обзор наказов крестьян Ставропольской провинции Оренбургской губернии // *Археография и изучение духовной культуры: III Уральские археографические чтения*. Свердловск, 1987; Ее же. Вопрос о земле в наказах государственных крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // *Социально-экономическое положение трудящихся Среднего Поволжья*. Саранск, 1989; Ее же. Вопрос о налогах и повинностях в наказах государственных крестьян Поволжья и его обсуждение в Уложенной комиссии 1767-1768 гг. // *Классы и сословия России в период абсолютизма*. Куйбышев, 1989; Ее же. Вопросы о лесных и водных угодьях в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию // *Социально-экономическое развитие и народные движения на Южном Урале и в Среднем Поволжье*. Уфа, 1990; Ее же. В.О. Ключевский и историография сословных требований крестьянства в Уложенную комиссию // *В.О. Ключевский и современность*. Пенза, 1991; Ее же. Крестьяне Поволжья и выборы в Уложенную комиссию // *Общественно-политические движения России XVIII-XX вв.* Самара, 1993; Ее же. Отражение социальных конфликтов в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. // *Социальные конфликты в России XVII-XVIII веков*. Саранск, 2005 и др.

³ Артамонова Л.М. Депутаты и указы жителей Самарского края в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. // Алабинские чтения: материалы научно-исследовательской конференции. Самара, 1993; Ее же. Участие жителей Заволжья в подготовке и деятельности Уложенной комиссии накануне восстания 1773-1775 гг. // Идеи свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004; Ее же. Основание селений Самарского края в XVIII веке по крестьянским наказам в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. и по устным преданиям // Самарский земский сборник. 1998. №1.

⁴ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин // Самарский краевед. Ч.1. Самара, 1991.

⁵ История Самарского края. Саратов, 1987; Земля Самарская. Самара, 1990; Самарская летопись. Кн.1: Самарский край с древнейших времен до середины XIX века. Самара, 1993; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI - первая половина XIX века. М., 2000; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. документов и материалов. Самара, 2001; Поволжье - «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв.) Самара, 2007.

⁶ Артамонова Л.М., Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская Лука в XVI - начале XX вв. Самара, 1995; Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Предисловие // Ведерникова Т.И. и др. Этнография Самарской Луки. Самара, 1996; Край Богатовский. (Очерки истории Богатовского района с древности до начала XX века). Самара, 2001

⁷ Артамонова Л.М. История сельских поселений как неотъемлемая часть национальной культуры // Культура. Творчество. Человек: всероссийская научная конференция. Ч.1. Самара, 1991; Ее же. Гаврилова Поляна и ее окрестности в XVIII - начале XX вв. // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995; Ее же. Устные предания в записях священников-краеведов как источник по истории заселения Самарской Луки с конца XVII до середины XVIII веков // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. №1; Ее же. Соответствие письменных источников и устных преданий при изучении вопроса о крестьянском заселении новых земель в XVIII веке (по материалам Самарского края) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007; Ее же. Административные и полицейские органы Самары в первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. Вып. 4. Самара, 1996; Ее же. Городское самоуправление и городской бюджет уездной Самары в первой половине XIX века // Материалы научно-практической конференции "От Земского собрания - к Губернской Думе". Самара, 2005 и др.

⁸ Артамонова Л.М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1994-1995; Ее же. Холера 1830 года в Самаре: действия властей и реакция общества // История и историки в меняющемся мире. Самара, 2003; Ее же. Самарское общество и Церковь во время эпидемии 1830 года // Восьмые Иоанновские чтения: сб. науч. трудов. Самара, 2004.

⁹ Артамонова Л.М. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 2.

¹⁰ Артамонова Л.М. Открытие Самарского малого народного училища и отношение к этому событию местного общества в начале 1790-х гг. // Самарский край в контексте российской истории: сб. статей. Самара, 2002.

¹¹ Артамонова Л.М. Начало школьного образования в Самаре пушкинской поры // А.С.Пушкин и культура: тезисы межд. конференции. Самара, 1999; Ее же. Открытие первой школы в уездной Самаре начала XIX века // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000; Ее же. К 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. № 1; Ее же. Самарское уездное училище и отношение к нему местного общества в начале царствования Николая I // Самарский земский сборник. 2002. № 1; Ее же. Первый учитель и штатный смотритель уездного училища в Самаре XIX века Василий Онуфриевич Барщевский // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: сб.статей. Самара, 2003.

¹² Артамонова Л.М. Осуществление школьной реформы Екатерины II в Уфимской губернии // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002; Ее же. Изучение татарского языка в народных училищах Оренбургской (Уфимской) губернии // Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт. Оренбург, 2003; Ее же. Из истории школьной реформы Екатерины II: Алатырское малое народное училище - первое на территории Чувашии // Служение истории: сб. науч. ст. Чебоксары, 2005; Ее же. Реализация школьной реформы Екатерины II в поволжских губерниях // Поволжский край. Саратов, 2005 и др.

¹³ Артамонова Л.М. Начало осуществления школьной реформы в России при Екатерине II и ее первые результаты // Самарский земский сборник. 2001. № 1; Ее же. Отношение провинциального общества к делу народного просвещения в 90-е годы XVIII века и итоги школьной реформы Екатерины II // Самарский край в контексте российской истории: сб. статей. Самара, 2001; Ее же. Политика государства и позиция общества в отношении общеобразовательных начальных школ Поволжья в конце XVIII в. (на примере училища в г. Алатыре) // Самарский земский сборник. 2005. № 4; Ее же. Отражение идей и практики национальных вариантов европейского просвещения в ходе подготовки школьной реформы Екатерины II // История идей и история общества. Нижнеартовск, 2006; Ее же. Воздействие школьной реформы Екатерины II на формирование провинциальной интеллигенции // Человек в пространстве культуры (центр-провинция, провинция-центр). Челябинск, 2006; Ее же. Зарождение системы общеобразовательных школ как условие формирования интеллектуальной среды в русской провинции конца XVIII века // Самарский земский сборник. 2006. № 1-2; Ее же. Основные комплексы источников по школьной реформе Екатерины II и ее проведению в архивах Санкт-Петербурга // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. Самара, 2003; Ее же. Русская и зарубежная периодика 1780-х годов о школьной реформе Екатерины II // Самарский земский сборник. 2007. № 1 и др.

¹⁴ Артамонова Л.М. Власть, общество и просвещение в России (проблемы реализации и восприятия школьных реформ конца XVIII - первой половины XIX веков) // Вестник Самарского государственного университета. 2002. №1; Ее же. Проблемы взаимоотношений российской власти, общества и просвещения XVIII - первой половины XIX вв. в историографии // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004; Ее же. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 3; Ее же. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996; Ее же. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730-1770-х годов на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч.1. Екатеринбург, 2006.

¹⁵ Артамонова Л.М. Политика создания сельских школ при Николае I и ее реализация в юго-восточных уездах Европейской России // Самарский земский сборник. 1999. № 1; Ее же. Участие духовенства в развитии начальной сельской школы дореформенной России // Четвертые Иоанновские Чтения: сб. научных трудов. Самара, 2000; Ее же. Православное духовенство и возникновение светских школ в российской провинции конца XVIII - первой половины XIX вв. // Христианство и мир. Самара, 2001; Ее же. Переход к политике создания школ для крестьянства в 1830-40-е гг. (по материалам Самарско-Саратовского Поволжья и Заволжья) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004; Ее же. Преподавание Закона Божьего в общеобразовательных школах России и вопрос о его расширении в начале XIX века // Девятые Иоанновские Чтения: сб. научных

трудов. Самара, 2005; Ее же. Благотворительная деятельность провинциального духовенства в сфере народного просвещения в первой четверти XIX века // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном историческом аспекте. Рязань, 2006; Ее же. Священник Иоанн Милордов - ревнитель народного просвещения в первой половине XIX века // Десятые Иоанновские Чтения: сб. научных трудов. Самара, 2006; Ее же. Вклад духовенства в благотворительную поддержку народного просвещения в русской провинции первой трети XIX века // Актуальные проблемы исторической науки. - Вып. 4.- Пенза, 2007; Ее же. Распространение образования среди крестьян в крупной крепостной вотчине Среднего Поволжья конца XVIII - первой половины XIX вв. (на примере владений графов Орловых и их наследников) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005 и др.

¹⁶ Артамонова Л.М. Распространение книги и периодики в самарском обществе в конце XVIII - первой трети XIX вв. // Книга и культура: межд. науч. конференция. Самара, 1994; Ее же. Книга и периодическая печать в уездной Самаре конца XVIII - первой половины XIX вв. // Самарский земский сборник. 1997. № 1; Ее же. Строительство каменных храмов в Усольской вотчине В.Г. Орлова в начале XIX в. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 2-3; Ее же. Древние самарские храмы на старинной гравюре // Духовный собеседник. 1998. № 1; Ее же. Графический источник для реконструкции облика самарских храмов в первой половине XVIII века // Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Самара, 2006 и др.

¹⁷ Артамонова Л.М. Проблемы гуманизма и общечеловеческих ценностей в преподавании курса отечественной истории // Средства гуманитарного развития личности: областная науч. конференция. Куйбышев, 1990; Ее же. Основные методологические подходы в исторических исследованиях по вопросам культуры // Мир культуры: человек, наука, искусство. Самара, 1996; Ее же. Зарубежная история в концепции и стандартах непрофильного исторического образования студентов гуманитарных специальностей // Учебно-образовательные и научно-исследовательские практики в условиях модернизации высшего образования в России. М., 2005; Ее же. Новая литература о музыкальной культуре России (на книгу О.В. Тузовой «Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны») // Телескоп: научный альманах. Вып. 13. Самара, 2006 и др.

Н.П. Салугина***СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ**

Профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, кандидат исторических наук, представитель первой плеяды преподавателей КГУ, автор более 120 научных и научно-методических работ, основатель самарской археологической школы, президент Самарского археологического общества, любимый преподаватель многих поколений студентов университета, добрая обаятельная женщина – все это об одном человеке – Галине Ивановне Матвеевой, чей юбилей мы будем отмечать летом этого года.

Юбилей – это всегда какое-то подведение итогов, хорошие поздравительные речи и грусть, что время идет очень быстро. Я никогда не писала юбилейных статей, но предложение написать статью о Галине Ивановне приняла с удовольствием, поскольку не просто вся жизнь проходит рядом с Галиной Ивановной, а могу с полной уверенностью сказать, что целое поколение самарских археологов создано ею. Галина Ивановна относится к тому удивительному поколению археологов, чье детство совпало с войной. Судьба страны и их судьбы прочно переплетены. Все эти люди имеют внутренний стержень, который помогает им преодолевать все трудности, оставаясь при этом глубоко порядочными людьми.

О творческом пути Галины Ивановны писали многие ее ученики. Напомню только основные его этапы. Она родилась 27 июля 1933 г. в г.Аше Челябинской области. В 1951 г. поступила на историко-филологический факультет Пермского (Молоотовского) государственного университета. Ее научным руководителем стал О.Н.Бадер – крупный ученый, талантливый педагог и прекрасный человек. В университете она получила основные навыки полевой работы и фундаментальные теоретические знания по археологии. В 1956 г. после окончания университета Галина Ивановна была распределена в г.Троицк Челябинской области на должность директора музея. Стать в 23 (!) года директором музея – на это не каждый решится. Галина Ивановна смогла. Наверное, уже тогда в полной мере проявились организаторский талант, ответственность за порученное дело, преданность науке. Ясно, что быть директором музея – это быть хозяйственником, плановиком, в какой-то степени психологом. При этом Галина Ивановна находила время и для археологических исследований. С 1961 по 1969 г. Г.И.Матвеева – преподаватель Башкирского государственного университета. Это плодотворный период деятельности Галины Ивановны. Именно тогда определилось приоритетное направление ее научной деятельности – эпоха раннего средневековья, хотя в сферу ее научных интересов попадали памятники и неолита, и эпохи бронзы. Результатом изучения памятников раннего средневековья Башкирии стала защищенная в 1970 г. в Ученом Совете Института археологии АН СССР кандидатская диссертация. С 1969 г. и по сегодняшний день жизнь Галины Ивановны,

* © Салугина Н.П. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ООО «Институт истории и археологии Поволжья»

ее деятельность, научные интересы связаны с г.Самарой, с Самарским (ранее – Куйбышевским) государственным университетом, куда она была приглашена в августе 1969 г. для преподавания археологии, истории первобытного общества и этнографии. И началась работа.

Куйбышевская (Самарская) область была очень слабо изучена в археологическом плане, поэтому начинать надо было практически с нуля. Надо сказать, что Самаре повезло с женщинами – археологами, организаторами и активными деятелями науки. В 20-е годы – это В.В.Гольмстен, начиная с 1969 г. – Г.И.Матвеева. Именно с изучения наследия В.В.Гольмстен начала Галина Ивановна «археологическое освоение» Самарской области. В 1969 г. ее учеником и верным соратником И.Б.Васильевым были проведены первые археологические разведки, а в 1970 г. была организована Средневожская археологическая экспедиция (САЭ), многочисленные отряды которой работают сегодня во многих районах области и за ее пределами. Что значит организовать в те годы археологическую экспедицию практически на пустом месте? Закупать надо было все: от миллиметровки, карандашей, котлов до лопат и палаток. Нам тогда все это казалось просто, и только спустя годы понимаешь, какой адский труд, энергия, нервы были вложены в организацию первой экспедиции. В середине 70-х годов создана археологическая хоздоговорная лаборатория при НИСе КГУ, куда были приняты ученики Галины Ивановны – первые выпускники истфака. Началась планомерная работа по археологическому изучению Самарской области.

Когда думаешь о Галине Ивановне, то трудно выделить какое-то одно ее качество. Она – добросовестный, дотошный исследователь, трудяга; прекрасный педагог; добрейший, красивый, порядочный человек. Не хочется создавать такой идеальный образ, сусальный портрет. Галина Ивановна – не простой человек, со сложным, иногда неудобным для окружающих характером. Но она никогда не поступает своими принципами. И все же мне хочется прежде всего выделить ее педагогический дар. Ведь не будь она тонким педагогом, не сложилось бы у нас такого крепкого, дружного коллектива. Не приезжали бы в Самару, как домой, ее уфимские ученики, которые стали для самарцев родными.

Вспоминается, как на первом курсе мы ждали первую лекцию по археологии, а двое наших сокурсников – Алла Ватазина (Семенова) и Саша Астахов уже успели побывать в археологической экспедиции у Галины Ивановны и взахлеб рассказывали о раскопках, о жизни в археологическом лагере, о трудностях экспедиционной жизни. Хотелось приобщиться ко всему этому, поскольку о самой археологии было еще весьма смутное представление. И как-то сразу, после первой же лекции, на которой Галина Ивановна объявила, что в университете есть археологический кружок и желающие могут в него записаться, кабинет археологии стал для нас на пять лет учебы, да и на всю остальную жизнь, вторым домом. Сюда мы шли после занятий, и всегда здесь нас встречали доброжелательные наставники – И.Б.Васильев и Г.И.Матвеева, которые очень ненавязчиво, но твердо обучали нас премудростям работы с материалом – основой любых археологических изысканий. Педагогический дар Галины Ивановны проявился прежде всего в том, что нас всех, очень разных по характеру, уровню знаний она смогла увлечь и объединить в одну семью. До сих пор мы, работая в разных организа-

циях, очень ценим друг друга, радуемся встречам, успехам друг друга и, конечно, прислушиваемся к ее мнению. Она ввела нас в мир большой археологии. Начиная со 2, 3-го курсов, мы выезжали на Урало-Поволжские археологические студенческие конференции, откуда всегда приезжали с дипломами и грамотами. И здесь следует отметить, что в то время, в 70-е-80-е годы, преподаватели археологии всегда сами возглавляли делегации на студенческие конференции. Они никогда не жалели собственное время, чтобы квалифицированно, очень доброжелательно, но и принципиально «разобрать по косточкам» студенческий доклад, дать совет. Это дорогого стоит, доклады-то наши были очень разные по уровню. Такое отношение профессионалов очень важно в начале пути, дает основные «опорные точки» для всей будущей научной жизни. Недаром среди учеников Галины Ивановны 25 кандидатов и 4 доктора исторических наук. А сколько людей, не ставших профессиональными археологами, но считающих Галину Ивановну своим учителем! Думаю, что нисколько не преувеличу, если скажу, что все без исключения выпускники истфака СамГУ (КГУ) Галину Ивановну помнят. При встречах всегда интересуются: «Как там Галина Ивановна? Все еще ездит в экспедиции?». И мы с гордостью отвечаем: «Да!». Что уж тут говорить, многие наши ровесники перестали заниматься полевой работой, считая, что это «не по возрасту». Для Галины Ивановны экспедиция – это жизнь. И не потому, что там можно отдохнуть от городской суеты, в экспедициях на ней всегда огромная ответственность за студентов, за раскоп, да и за много чего еще. Мне кажется, Галина Ивановна наделена редким даром – она ощущает ту эпоху, памятники которой изучает, для нее те люди – живые. Это дано очень немногим людям, а только тем, кто по-настоящему увлечен и верит в свое дело. В конце 70-х – начале 80-х годов я работала в экспедициях Галины Ивановны, будучи соруководителем археологической практики студентов. Для меня это – школа жизни, школа не только и не столько в том, как надо организовывать экспедицию, в конце концов этому рано или поздно научишься, это школа общения с людьми. Было много разного в экспедициях, кто-то из студентов совершал неблагоприятные поступки, было очень неприятно, было одно желание – никаких разговоров, выгнать и все. Галина Ивановна всегда старалась разобраться, всегда разговаривала и находила какие-то особые слова, такие, что человек все понимал и осознавал. А атмосфера экспедиции! Праздники, розыгрыши – очень часто именно она становилась их инициатором. Просто Галина Ивановна любит и понимает студентов, и они отвечают ей тем же. Следует отметить совершенно феноменальную память Галины Ивановны – она помнит и может назвать по именам и фамилиям всех выпускников истфака, это проверялось неоднократно. Ясно, что такое свойство памяти может быть только у заинтересованного и не равнодушного человека.

В научной работе Галины Ивановны проявляются ее человеческие качества: дотошность, принципиальность, смелость и ее удивительная интуиция, которая базируется, конечно же на прекрасном знании археологических материалов. Особенно показательна в этом плане дискуссия начала – середины 80-х годов о происхождении именьковской культуры. Вопреки принятым в то время в науке точкам зрения, Галина Ивановна выдвигает собственную гипотезу проис-

хождения народа, оставившего памятники именьковской культуры. Истоки этого народа она находит в районах верхнего Поднепровья, традиционных территориях расселения славянских и балтских народов. Этническая принадлежность населения определяется ею как славянская. Надо обладать энергией Галины Ивановны, упорством и уверенностью в своей правоте, чтобы для обсуждения этой проблемы в 1985 г. в Куйбышеве на базе Куйбышевского государственного университета состоялось выездное заседание Ученого совета Института археологии АН СССР. Это было очень важное событие, поскольку специалисты, изучающие именно культуры Поднепровья, смогли ознакомиться непосредственно с археологическим материалом – предметом дискуссии. Гипотеза Галины Ивановны прошла классический путь от «Этого не может быть!», через «В этом что-то есть» до «Это же очевидно!». Сейчас большинство ученых, занимающихся данной проблематикой, поддерживают ее точку зрения, хотя остались и противники. И здесь надо отметить еще одну черту Галины Ивановны – умение очень корректно вести научные споры. Она никогда не опускается до уровня бытового обсуждения проблемы, всегда только материалы и факты.

Галина Ивановна и сейчас в научном поиске – разрабатывает очень сложную и дискуссионную проблему исторических судеб именьковского населения и их взаимоотношений с пришельцами – болгарами.

Галина Ивановна! Я счастлива, что могу от имени всех Ваших учеников поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам крепкого здоровья, творческого долголетия, неугомонности, новых идей, умных и трудолюбивых учеников. Мы гордимся Вами!

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Л.М. Артамонова*

ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА РОССИИ В 1760–1770-е ГОДЫ

хозяйственные, военные и административные преобразования, начатые при Петре I, было невозможно закрепить только созданием профессиональных школ, университетов и закрытых сословных учебных заведений, как это происходило в течение первой половины XVIII в. Для подавляющего большинства жителей страны доступными продолжали оставаться лишь традиционные формы обучения у русских «мастеров грамоты» из светских лиц или церковнослужителей, в мусульманских или протестантских религиозных школах. Такое образование воспроизводило в новых поколениях традиционные же быт, культуру, ментальность, которые с трудом поддавались изменению даже под сильным воздействием экономических и политических факторов. Только создание новой массовой общеобразовательной школы могло закрепить изменения в русской общественной и хозяйственной жизни и подготовить почву для их продолжения.

Сами по себе утилитарные задачи не могли автоматически вывести школьное дело на более высокий уровень, заставить власти предпринять дополнительные усилия в этом направлении и повернуть российское общество лицом к проблемам народного просвещения. Прорыв в этой области могли обеспечить только новая идеология и новая политика государства в области образования. Закономерно, что принципы и мероприятия первой в истории России масштабной школьной реформы постепенно зарождались под воздействием идей, названных «философией Просвещения», и стали воплощаться в жизнь в рамках политики, вошедшей в анналы под именем «просвещенного абсолютизма».

Вторую половину восемнадцатого столетия в России и начало девятнадцатого часто именуются «Веком Просвещения». Под Просвещением лучшие умы эпохи понимали не просто развитие образования, но освобождение с помощью обуче-

* © Артамонова Л.М. – зав. кафедрой истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств, 2008

ния и воспитания человеческого разума от средневековых догм и суеверий. Даже верховная власть во времена Екатерины II осеяла себя ореолом «просвещенного абсолютизма». Историки спорят о том, насколько соответствует практика «просвещенного абсолютизма» философии Просвещения. Однако, не вдаваясь в эти споры, должно признать, что принятие просветительских идей в любой форме и с любой степенью глубины неизбежно должно было обратить внимание верховной власти на само народное просвещение в широком значении образования или школьного дела.

Взгляды Екатерины II на образование как законодателя, как политического деятеля и мыслителя не были застывшими. Их нельзя рассматривать в статике, а также в отрыве от развития общественной и педагогической мысли как России, так и Западной Европы.

В наследство от предшественников на российском троне Екатерина II получила школу, которая не являлась новой в полном смысле этого слова. Она опиралась на элементарную подготовку учащихся в средневековой традиции, сводившуюся к чтению религиозных текстов. Преподавание современных наук и специальных предметов также зачастую велось в традиционной форме зубрежки. Имевшиеся учебные заведения не были никак сопряжены друг с другом по учебным программам, не обладали преемственностью. Эти недостатки уже существовавших учреждений не только церковного, но и светского образования прежде всего были связаны с отсутствием профессиональной педагогической подготовки будущих учителей, незнания и неприменения более рациональных и эффективных методик, катастрофической нехватки учебников и школьных пособий.

Исправление указанных недостатков по привычному со времени Петра I пути устройства и развития ведомственных или сословных школ оставляло за рамками государственной образовательной политики основную массу населения, не предназначенную к военной, гражданской или церковной службе. Обучение в такой среде, если и имело место, то носило, как уже говорилось, элементарный и сугубо традиционный характер.

В канун воцарения Екатерины II, один из основателей и куратор Московского университета И.И. Шувалов вышел с представлением в Сенат об устройстве единой системы образования (школы грамотности в малых городах – гимназии в больших городах – университет или кадетский корпус в столицах), но предназначенной только для дворян¹. К обсуждению вопроса были подключены другие учреждения, в том числе Академия наук. В предложениях ее членов прозвучала мысль о допуске в эти школы и гимназии наряду с дворянами также представителей «чиновных людей и знатнейшего купечества» (С.К. Котельников), купцов и зажиточных мещан (А.П. Протасов) или об устройстве наряду с дворянскими особых училищ для других сословий (И. Фишер). И.А. Браун и И.Е. Цейгер ничего не говорили про сословный состав учеников, но явно не считали, что в школах и гимназиях дворяне окажутся единственной сословной группой, поскольку давали рекомендации о наборе предметов для тех, кто готовится стать художниками, ремесленниками, купцами².

Особенно следует остановиться на позиции Ф.У. Эпинуса, которому предстояло в будущем сыграть особую роль в реформе русской школы. Он не подготовил

тогда развернутого ответа, а присоединился к мнениям Брауна и Цейгера, предлагавших систему построенных на преемственности обучения школ разного уровня или ступеней единой школы. Однако Эпинусом делалась оговорка, может быть, тогда выглядевшая незаметной, но носившая, как оказалось, принципиальный характер. В отличие от подавляющего большинства своих немецких и русских коллег по академии, не представлявших образование даже на начальном уровне без изучения латыни, Эпинус полагал «в нижних школах латинский язык или совсем отставить или оному только тех обучать, кои со временем учеными быть должны»³.

Солидарным с предложением Эпинуса преподавать латынь только тем, «которые предпринимаяют жизнь свою посвятить наукам» оказался только И. Фишер, хотя как профессору «истории и древностей», казалось, именно ему следовало бы ратовать за этот учебный предмет. Без сомнения такая позиция напрямую была связана с тем, что из всех авторов академических проектов только Фишер прямо высказал мнение о несоответствии благим пожеланиям расширения учебного курса реальных возможностей для этого.

И. Фишер предупреждал, что общество, особенно за пределами столиц, не готово к полномасштабной реформе образования: «Если бы науки в российском государстве большее приращение получили и если бы подданным совершенно было известно, на какой конец учреждаемы бывают училища, то бы я советовал стараться без упущения времени о заведении во всех главных городах каждой провинции новых школ и гимназий. Но понеже подданные не подлинно еще ведают, сколь великие и полезные плоды науки приносят государству, то я за благо рассуждаю не вдруг сие дело приводить в действие, но сперва в некоторых только городах учинить тому опыт. . . Тогда помалу можно оные гимназии разводить и в других городах Российской Империи». Фишер обратил внимание на то, что «учителей надлежит избирать с великим рассмотрением», требуя от них знания не только своих предметов, но и порядка обучения. Он предлагал обязательно экзаменовывать учителей «в публичном академическом собрании»⁴.

Практических результатов обсуждение вопроса, поднятого Шуваловым, тогда не дало, видимо, по причинам чисто политическим. Смерть Елизаветы Петровны привела к удалению ее фаворита от государственных дел. Однако мнение немногочисленного, но авторитетного ученого сообщества не прошло бесследно. Настоящим и будущим правителям, при наличии у тех воли к реформе образования, Академия наук выразила заранее свою готовность к участию в этом деле. Она же указала на необходимость улучшений в обучении не только дворянства, обратила внимание на качество подготовки учителей, предупредила об утопичности планов разом охватить школьной сетью не готовую к такому повороту провинцию. Прозвучали также дальновидные предложения по устранению возможного препятствия для массового вовлечения детей в школу, каким могла стать обязательность усвоения латыни, живой для тогдашней науки, но мертвой для практической жизни.

Вместе с тем начало царствования Екатерины не предвещало принципиального изменения государственной политики в направлении кардинального расширения сферы народного образования по сравнению с предшествующим пе-

риодом. Разве что проявлялась дополнительная активность в поисках новых школьных форм (в дополнение и к без того весьма многочисленным) и развитию старых. При этом стремление опереться на университетскую или академическую науку, имевшее место при выдвижении школьного проекта Шуваловым и при его обсуждении, оказалось в забвении.

На Россию накатила мощная волна французского влияния, пригасив на время авторитет немецко-русской по национальному составу Петербургской Академии наук. Интеллектуальной опорой И.И. Шувалова были М.В. Ломоносов и замечательная плеяда немцев-академиков, не всегда ладившие друг с другом, но воспитанные в одной германской университетской традиции и неизбежно ориентировавшиеся на школьные образцы Северной и Центральной Европы. Другие образованные вельможи-дилетанты, чье возвышение пришлось на начало екатерининского царствования, предпочитали иметь в советниках остроумных и блестящих французов, не имевших опыта, знаний, и обстоятельности, заложенных в академической «республике ученых».

В 1760-е гг. торжествуют принципы закрытого сословного образования, проводившиеся теперь в жизнь не только под давлением прямых дворянских интересов, но и под влиянием перетолкованной на российский лад просветительской идеи «воспитания новой породы людей». Воплощением этих принципов стала государственная и педагогическая деятельность И.И. Бецкого. Ее безусловно положительным итогом следует признать создание учебных заведений для новых контингентов учащихся: сирот-разночинцев (Воспитательный дом в Москве, 1763) и девочек (Смольный институт в Петербурге, 1764). Однако рост числа учащихся был невелик и наблюдался только в столицах. Также эта политика не привела к коренному улучшению существующих государственных и ведомственных школ. Например, современники и историки критически оценивали управление И.И. Бецкого Шляхетским (Сухопутным) кадетским корпусом, подгонявшего военное по своей сути учебное заведение под те же принципы, что были реализованы в институте для благородных девиц⁵.

Идти напрямую против любимцев новой императрицы никто не решался. Спустя 20 лет, в изменившейся обстановке А.Л. Шлёцер не преминул вспомнить прошлое с точки зрения, сложившейся в академической среде: «Планы, собственно, были хорошими; но исполнение планов вследствие благосклонности, давления или случая часто доверялось людям, разум и чувства которых они в то время (около 1764 г. и т.д.) не затрагивали: а мудрая монархиня ничего не узнавала об этом!» Особое неприятие академиков вызывали французы, «из которых один прежде был известен в Петербурге как цирюльник, другой – как маркёр в бильярде и т.д.», назначенные Бецким «смотрителями этих просветительских учреждений, которые должны были создать для Российской Империи новые поколения». «Это был период прожектирования в России, – продолжал Шлёцер, – тут появлялись вещи, ... проектируемые камердинерами, от которых каждому, кто имел какое-либо представление о тех вещах и был честен в отношении России, должно было стать страшно и жутко». Хотя «почти изо всего ничего не вышло», но по поводу состояния этих учебных заведений посылались «за границу бурные похвалы; немецкие, голландские и французские неосведомленные или даже

оплаченные газетчики под звон труб печатали их: и сотни других писателей повторяли, и даже заносили это легкомыслие в компендиумы. . . »⁶

Знаменитый поэт и драматург А.П. Сумароков в середине 1760-х гг. примерно в тех же выражениях отзывался о помощнике Бецкого по воспитательному училищу при Академии Художеств некоем Кювильи, называя его бестией и невежей, предлагая вымести с занимаемого им места метлой. Отметим Сумароков и неприязнь между Бецким и руководством Академии наук, когда Бецкой высмеивал обучение, основанное на немецком языке, а академическое начальство – обучение на французском. Тогда же писатель Ф.А. Эмин написал сатиру на самого Бецкого, где зло издевался по поводу того, что вельможа был незаконнорожденным и насаждал иностранное воспитание потому, что, мол, не зная «числа своих отцов» и следуя моде, предполагал в своем рождении «большое участие» чужеземцев⁷.

Несмотря на критику, до поры до времени у Екатерины II продолжалось прежнее увлечение идеями Бецкого. Возник даже план открытия «воспитательных академий» или «государственных гимназий» в каждом губернском или крупном городе по опыту училища при Академии Художеств. В эти заведения дети должны были поступать 5-6 лет и оставаться там до 18-летия⁸. План был совершенно невыполним, показывая весь утопизм «воспитания новой породы людей» по Бецкому в масштабах страны.

Екатерина II даже попыталась тому пренебрежению, в котором оказались предположения о создании массовой общеобразовательной школы, дать обоснование. Она писала в своем Наказе Уложенной комиссии, созванной в 1767 г. из депутатов от различных учреждений и сословий для выработки нового свода законов, что «невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах», а потому ограничила все свои предложения в области народного просвещения несколькими статьями о домашнем воспитании⁹. Так, именно на семью возлагалась ответственность за воспитание детей в страхе божьем и знании основ православного вероучения, а также обязанность «вперяти в них любовь к отечеству и повадить их иметь почтение к установленным гражданским законам, и почитать правительства своего отечества. . . »

При подготовке и в ходе работы Уложенной комиссии представители разных сословий, территорий, учреждений все же не могли игнорировать развитие школьного дела, хотя вопрос о нем занимал в этой комиссии далеко не первостепенное, и даже не второстепенное место по сравнению с материальными и социально-правовыми проблемами. Из 158 наказов дворянским депутатам в 35 так или иначе затрагивался этот вопрос. В основном речь шла о государственной поддержке образования самого дворянства, особенно его бедной части, не имевшей средств для обучения детей домашними учителями или в пансионах. Однако в некоторых дворянских наказах речь шла и о школах для других сословий, в т.ч. крестьян. В ряде наказов депутатам от городов звучали мнения о создании училищ для купечества и других их жителей. О необходимости создания школ, в том числе и в провинции говорилось в наказах Сената, Главного магистрата, Синода и других органов государственного управления¹⁰.

Неожиданно на заседаниях Комиссии Уложения в мае 1768 г. вопрос о школах был поднят даже депутатами, казалось, самого малообразованного сословия – крестьян. О необходимости открытия таких школ для своих собратий заговорили выходцы из Поволжья, депутаты пахотных солдат (одной из категорий государственных крестьян – Л.А.) Нижегородской провинции и г. Пензы. Их поддержали два дворянских депутата Серпейского и Клинского уездов. Один был подвигнут на это собственным примером, поскольку завел школу для крестьянских детей в своем имении, другой руководствовался утилитарными соображениями, полагая, что образованные крепостные не будут покушаться на убийство своих господ. В отличие от них против права крестьян на образование выступили другие депутаты ведущих сословий русской провинции. Городской депутат Пензы заявил, что пахотные солдаты и без школ выучивают грамоту, становятся приказными служителями и взяточниками, забрасывая отведенные им земли. Дворянский депутат Обоянского уезда считал содержание школ отягощением для народа. Он предлагал обучать, как и прежде, детей при церквях, но только не из крестьян, об образовании которых пусть заботятся, если хотят, их владельцы¹¹.

Представляется, что споры о крестьянских училищах в собрании Комиссии не должны привести к переоценке активности крестьянства в этом вопросе. В наказах, которые государственные крестьяне Поволжья дали своим депутатам, вопрос о школах никак не поднимался. Таким образом, он был инициирован лично депутатами, которые уже в силу выбора от своих братьев, явно были люди незаурядные и выделявшиеся из общей массы сельских жителей, в том числе и своими знаниями. Некоторые из них в ходе работы в Уложенной комиссии расширяли свой кругозор настолько, что могли перейти от самых насущных нужд к пониманию дальних перспектив, в том числе и пользы просвещения. Так, в качестве дополнения к наказу новокрещеных мордовских крестьян Пензенской провинции их депутат Федор Сараев внес предложение уничтожить по селам и деревням питейные дома, а вместо них построить школы для обучения детей грамоте¹².

Впрочем, указы и выступления депутатов от дворянского или купеческого сословия, от центральных и местных государственных учреждений также не рисовали цельной системы народного образования. В подавляющем большинстве из них трудно было понять, какой хотят видеть школу составители наказов и депутаты, да вряд ли они сами в большинстве своем представляли это.

В апреле того же года было решено создать при большой Уложенной комиссии специальную (или «частную», по терминологии того времени, – Л.А.) «Комиссию об училищах и призрения требующих», поставив перед ней задачу разработки проекта по устройству низших (начальных) училищ, средних училищ (гимназий), высших училищ (университетов). Результаты обсуждения этих вопросов и варианты проектов, которые частная училищная комиссия или отдельные ее члены выдвинули и представили за все время ее деятельности с мая 1768 г. по октябрь 1771 гг., включали предложения по созданию начальных школ как в городах, так и деревнях, училищ для инородцев, средних школ¹³.

Предложения, вышедшие из частной комиссии 1768-1771 гг., были более систематизированы и детализированы, чем разрозненные высказывания отдель-

ных наказов и депутатов. Однако прямых доказательств того, что императрица как-то учла эти предложения при разработке дальнейших школьных реформ, не имеется. Одни исследователи полагали, «что Императрица не видела работ комиссии (частной – Л.А.) и не слыхала о них; иначе было бы невероятно, чтобы... не воспользовалась тем, что у нее было под рукой». Другие, наоборот, считали, что к тому времени у Екатерины II собралась «целая коллекция записок о низших, средних и высших школах», среди которых предложения данной комиссии не привлекли ее особого внимания¹⁴.

Думается, что и работа Уложенной комиссии в целом, и деятельность частной «Комиссии об училищах и призрения требующих», и проекты, которые попадали иными путями к Екатерине от других лиц и учреждений, все же сыграли свою роль, пусть даже не очевидную. С одной стороны, императрица убедилась, что стремление к образованию было вовсе не редкостью в русском обществе. В вышедшем в 1770 г. «Антидоте» Екатерина убеждала европейского читателя, «что у нас почлось бы стыдом не учить грамоте своих детей», а также, что нельзя отвергать «в нашем народе большого желанья просвещаться и еще большего – просвещать своих детей»¹⁵. С другой стороны, различные общественные группы, не исключая представителей провинции и даже крестьянства, вынуждали верховную власть не оставлять без рассмотрения проблему создания массовой школы, выходящей за границы столичных городов, не сводить эту проблему к привычному развитию сословных и профессиональных школ, не подменять ее реальное решение благими утопиями.

Не стоит при этом преувеличивать указанную общественную активность, что можно заметить в работах некоторых современных исследователей. Так, А.Е. Чекунова подвергла критике мнения Б.Н. Миронова и автора данной статьи о низкой потребности основной массы населения России в образовании, о невозможности перестройки русской школы в более современные формы по инициативе «снизу», о неизбежности в связи с этим исполнения ведущей роли в реформировании народного просвещения верховной властью. В качестве аргументов были представлены проекты создания гимназии и «малых школ», выдвинутые в 1764 г. передовыми представителями купечества и посадских людей Архангельска, прежде всего, видным историком и публицистом В.В. Крестининым¹⁶. Возразить на эти замечания можно по двум позициям. Во-первых, само архангелогородское общество не предприняло никаких реальных попыток воплотить эти предложения. Во-вторых, и это нам кажется главным, что в том виде, как их предполагалось устроить, гимназия в городе несомненно стала бы очередным закрытым сословным учебным заведением для купеческих детей, а «малые» школы очень незначительно отличались бы от традиционных училищ «мастеров грамоты» по набору предметов, который по-прежнему сводился к умению читать религиозные тексты, и по способам обучения. Полагаем, что выдвинутые коллегой аргументы не опровергают, а, наоборот, подтверждают нашу позицию в том, что даже яркие представители российского общества рассматриваемого времени не могли предложить новые формы частных или общественных учебных заведений, более соответствующие «веку Просвещения», поскольку находились под влиянием представлений о школе, устоявшихся в предшествующую эпоху.

Впрочем, до 1780-х гг. и правительственные мероприятия в этой области не отличалась продуманностью и эффективностью. Кроме конкретных педагогических и кадровых ошибок, одностороннее увлечение воспитанием «новой породы людей» из ограниченного круга избранных в ущерб массовому образованию несло угрозу крайнего усугубления культурного отчуждения между сословиями, между столицей и провинцией. Гибельность такого отчуждения стала особенно очевидной во время восстания 1773-1775 гг. Это событие потребовало обратить внимание на многие как социальные, так и административные вопросы, которые в свою очередь повлекли за собой разработку новых подходов верховной власти к образовательной политике.

В середине 1770-х гг. государство приходит к решению стимулировать и поддерживать создание начальных и средних школ в городах, включая провинциальные. Это было принципиальное решение, означавшее отказ от прежней политики спонтанного развития отдельных учебных заведений исключительно в утилитарных видах государства и привилегированных сословий. Законодательно такой поворот был зафиксирован в «Учреждении о губерниях» от 7 ноября 1775 года, т.е. в первом же акте в серии новых государственных преобразований, который стал прямым ответом на только что пережитые страной потрясения¹⁷.

Осведомленные современники писали: «Екатерина II, по случаю возникших в Низовом краю России (...) возмущений, извлекла все опыты из внутреннего, тогдашнего управления губерний и воеводств (живо, ясно и), и со сродным ей благоразумием усмотреть соизволила, ... чтоб оне в пределах своих не были столь обширны, что и сделано по усмирении в Низовом краю (Пугачевского бунта, поколебавшего большую часть России именем императора Петра III) и окончании Первой турецкой войны [1768-1774 гг. – Л.А.]»¹⁸. Пересмотр административных единиц сопровождался перестройкой управления и самоуправления на местах, призванной укрепить органы власти на местах и роль в них дворянства.

Среди новых учреждений губернского уровня, появившихся по областной реформе 1775 года, особого внимания в свете нашей темы заслуживают Приказы общественного призрения. Им посвящены статьи 378-394 «Учреждения о губерниях», составлявшие его отдельную XXV главу под названием «О Приказе общественного призрения и его должности».

Впервые в России появлялся орган местного управления, ответственный за развитие образования, а также социального призрения и здравоохранения: «Приказу общественного призрения поручается попечение и надзирание о установлении на прочном основании 1. народных школ, 2. установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужеского и женского пола оставшихся после родителей без пропитания, 3. установление и надзирание гошпиталей, или больниц для излечения больных, 4. установление и надзирание богаделен» (Ст.380). Председателем Приказа общественного призрения являлся губернатор, а его членами назначались представители различных групп русского общества в лице заседателей сословных судов (по два от каждого): верхнего земского суда для дворян, губернского магистрата для купцов и мещан, верхней расправы для государственных крестьян (Ст.379).

Финансирование всей деятельности Приказа осуществлялось путем единовременной выдачи ему 15000 руб. из доходов губернии с тем, чтобы эта сумма была роздана под проценты, получение которых и покрывало текущие расходы. Доходы и расходы Приказа могли быть увеличены «принятием от доброхотных людей к благим установлениям доброхотного подаяния, что кому разсудится, и для которого установления кто за благо разсудит назначить, то так и употреблять» (Ст.382).

Еще одним источником финансирования Приказов общественного призрения и школ, который упомянут не в XXV-й, а в иных главах «Учреждения о губерниях», должны были стать некоторые судебные и административные штрафы (Ст.131, 179 и др.) Список таких штрафов расширился в «Жалованной грамоте городам», изданной десять лет спустя. В ней же появилось требование использовать часть городских доходов на «содержание городских школ и других заведений, Приказу общественного призрения предписанных»¹⁹.

Общественная инициатива и личная благотворительность поощрялись не только при поддержке учреждений, устроенных Приказами, но и при создании таковых самостоятельно, «буде же случится, что частный человек, или какое общество, или город, или селение захотят установить какое-нибудь» учебное, медицинское или иное заведение. Также «Приказ общественного призрения везде оказывать долженствует доброхотство к роду человеческому и споспешествовать по всюду делам основанным на человеколюбии; дворянские же предводители и градские главы обязаны по благотворительным предметам, о коих попечение возложено на Приказ общественного призрения, сделать по своим местам примечания и представления в Приказ общественного призрения, что к общей пользе их мест им покажется быть нужным» (Ст.392).

В «Учреждении о губерниях» впервые не только содержались общие пожелания законодателя по развитию народного образования, но детализировался сам механизм функционирования школ под ведением Приказа. Школам придавался общесословный характер, они предназначались «для всех тех, кои добровольно пожелают обучаться в оных». Предполагалось их открытие «по всем городам» и наиболее многолюдным селениям государственных крестьян, «кои подсудны верхней расправе». Принцип обязательности обучения не вводился: «... Не чинить никому принуждения, но отдать на волю родителей отдавать детей в школу, или оставлять их дома». Оплата обучения устанавливалась дифференцированно, «чтоб неимущие могли учиться без платежа, а имущие за умеренную плату». Общеобразовательный тип школ определялся списком учебных предметов, в который включалось «на первый случай» обучение «грамоте, рисовать, писать, арифметике, детей же греко-российского исповедания учить катихизису для познания оснований православной веры, толкованию десяти заповедей божиих, для вкоренения нравоучения всеобщего». Устанавливались общие нормы санитарного содержания школьных помещений и распределения занятий, чтобы дети «не претерпели в здоровье своем повреждения». Категорически запрещалось «наказывать детей телесным наказанием». Приказ общественного призрения нес ответственность за исправное снабжение школ и учителей всем не-

обходимым, за работу педагогов с правом заменять «не радивых же и не исправных учителей», если будут жалобы на них, на «радетельных и исправных» (Ст.384).

В общих формулировках на Приказы общественного призрения возлагались заботы об обучении и воспитании сирот (Ст.385). При этом из ведения Приказов общественного призрения были изъяты практически все уже существующие высшие, профессиональные, ведомственные и закрытые учебные заведения, «кои особыми привилегиями или жалованными грамотами снабжены, или особым правлениям духовным, или светским поручены повелением императорского величества» (Ст.381). Таким образом, в момент создания Приказов общественно-го призрения, особенно вне столичных губерний, под их управлением не оказалось никаких уже действующих училищ. Школы, упомянутые в «Учреждении о губерниях», предстояло еще создать.

Практическое воплощение законодательных норм 1775 года, относящихся к школьному делу, было отложено на несколько лет. Думается, причина состояла не в том, как считают некоторые авторы, что нормы «Учреждения» были непродуманными или демагогическими, что они представляли собой «бюрократический обрывок многосложного законодательства о губерниях, вошедший в него как бы мимоходом, для вида и приличия...»²⁰.

Екатерина II явно не считала возможным внедрять в качестве массовой школы ни один из имевшихся в России типов учебных заведений. На эту роль по разным причинам не подходили ни традиционное религиозное по сути элементарное обучение, ни какие-либо закрытые сословные училища, ни университетские гимназии. Именно поэтому императрица не поддерживала почин отдельных территориальных общин и корпораций, хотевших воспользоваться позволением «Учреждения», чтобы открыть школу, копировавшую уже какой-нибудь известный, но малоудачный пример. Так, в ответ на предложение допустить в гарнизонную школу в Астрахани «учеников из купеческих и разночинских сирот» и выделить на это средства «из процентных денег учреждаемого для купечества в Астрахани банка» она наложила резолюцию: «Обождать до генерального положения о школах во всех губерниях»²¹.

Само по себе «Учреждение о губерниях» вовсе не рисует цельной картины системы образования. Речь в нем идет о низшем школьном звене, которое остается не связанным по вертикали со средней и высшей школой, а по горизонтали с уже имеющимися способами начальной подготовки. Оставалось пока неясным, какие преимущества предъявит будущая школа в споре с традиционным способом обучения, который сложился в течение веков.

Однако все более очевидным становилось, что предполагаемая массовая школа должна была стать не только общеобразовательной и всесословной, но и оснащенной самой современной методикой обучения. Только это позволяло надеяться как на успешное внедрение ее самой, так и на использование разработанных для нее программ, руководств, учебников в закрытых и ведомственных училищах, в уже прижившихся видах обучения (домашнего, церковного, частного, публичного), чтобы не отказывать ни одному из них в праве на существование и не упразднять имеющиеся учебные заведения, а встроить их все постепенно или по мере возможности в общегосударственную систему.

Мысль законодателя и реформатора не стояла на месте. Школьная реформа разрабатывалась после 1775 года еще несколько лет, прежде чем явилась в облике первой в России планомерной попытки создать сеть общеобразовательных учебных заведений в масштабах страны, законодательно закреплённой в «Уставе народным училищам в Российской Империи» 1786 года²².

До конца 1770-х гг. Екатерина II пребывала в растерянности относительно дальнейшего развития школьного дела. К колебаниям разного толка добавлялось осознаваемое ею отсутствие собственного жизненного опыта человека, никогда не учившегося в публичном учебном заведении и вообще не получившего регулярного образования, талантливого и одаренного самоучки.

Долгие ожидания практической помощи от обожаемых французских писателей и философов не приносили результата. Екатерина II не без иронии и какой-то обиды писала своему самому доверенному корреспонденту барону М. Гримму в начале 1775 года: «Но послушайте, господа философы, не составляющие секты: вы были бы милые и превосходные люди, если б сделали благодеяние и выработали план обучения молодых людей от азбуки до университета включительно. Вы скажете мне, что нескромно просить вас об этом; но мне говорят, что надо три разряда училищ (низшие, средние, высшие – Л.А.), и я, которая не училась и не была в Париже, конечно бедная сведениями и умом, и поэтому не знаю, чему следует учиться, или даже чему можно учиться и где все это почерпнуть, как не у удобных вам... Я очень затрудняюсь составить себе идею об университете, о его управлении гимназиями, школами и т.д.»²³

Слабой стороной педагогических идей и проектов французских просветителей была их умозрительность, отсутствие практического опыта их применения. Они имели мало общего с реальными образовательными учреждениями, существовавшими в тогдашней Франции. Эти учреждения и их воспитанники в качестве учителей отвергались императрицей прежде всего по причине влияния на них католического духовенства: «Всякий мыслящий русский признает за наилучших наставников для своих детей тех, которые будут дрессированы на это звание Сорбонною или всякой иной религиозною конгрегациею Римской церкви; ибо, по всей вероятности, это были бы совратители по ремеслу, или люди исполненные начал весьма противных учению Православной церкви, исповедуемому в России»²⁴.

Для Екатерины II все более привлекательным становился опыт, накопленный в немецкой школе как протестантских государств Германии, так и католической по вероисповеданию, но заметно секуляризованной Австрийской империи. Гримм отличался от других друзей императрицы из Франции именно тем, что за ним стояли немецкое происхождение, немецкий университет, и «он соединял с преимуществами французской ловкости германскую ученость и основательность». Даже Д. Дидро, поделившийся с Екатериной II планом образовательной реформы, предложил ввести трехступенную систему образования на немецкий манер и назвал предполагаемого исполнителя замысла – педагога, профессора классической литературы Эрнести. Последний был когда-то университетским преподавателем Гримма, что дает основание предполагать влияние Гримма и на проект Дидро²⁵.

Впрочем, проект Дидро был отправлен в долгий ящик. Екатерина II выразила благодарность автору, но сказала, что займется его предложениями, когда придет очередь реформирования университетского образования²⁶, а до этого в ее царствование дело так и не дошло.

Когда Гримм приехал в Россию в феврале 1777 г., ему было предложено «принять управление училищами, которые Императрица намеревалась учредить и оставить под своим непосредственным заведованием». По словам Гримма, Екатерина поднимала этот вопрос не раз, но ему «не трудно было доказать», и это свидетельствует о серьезности его подхода к делу образования, что «незнание русского языка» делало его «окончательно неспособным» к данному заданию²⁷.

Собрание проектов продолжало пополняться. Императрица не могла остановить свой выбор ни на одном и уже высказывалась то ли в шутку, то ли всерьез, что принятая за произведение чего-либо из накопленного в действо не придется очень и очень долго. В 1778 г. она писала Гримму по поводу очередной рукописи, пришедшей из-за рубежа и написанной бароном Дальбергом: «Я тотчас спрятала... , не читавши ее, в ящик, где покоится коллекция доставляемых мне записок о школах, гимназиях и университетах, ... в свое время все это можно употребить в дело, особенно если Господь Бог даст мне дожить до возраста покойного слуги его Мафусаила»²⁸. В феврале 1780 г. она все еще оправдывала свою медлительность в решении школьного вопроса: «Но перед Господом Богом тысяча лет – как одно мгновенье; для государства один лишний год безделица; надо, чтобы яблоко созрело. Правда, что это скучно, но иначе нельзя, ибо для меня самой нужен по крайней мере год, чтобы ознакомиться с каждым делом»²⁹.

Однако именно в этот год и месяц начали разворачиваться события, с которых наметился перелом в решении данного вопроса. Все началось с не совсем обычного сообщения из Вены русского посла Д.М. Голицына о том, что к нему домой во время своей прогулки в коляске заехал австрийский император Иосиф II и поинтересовался, правду ли пишут газеты о предстоящем путешествии Екатерины II в Белоруссию и не сможет ли она принять его, императора, на российской территории частным образом. Екатерина II не стала пренебрегать личным знакомством с могущественным соседом и назначила местом свидания Могилев³⁰.

25 мая 1780 г. она писала оттуда Гримму, что одной из главных тем беседы с императором стали австрийские «нормальные» (образцовые – Л.А.) школы, которые представлялись Екатерине II замечательным изобретением, к ним следует только добавить «нормальных» учителей (Normalschulmeister)³¹.

Разговор об австрийских школах возник явно не случайно. Конечно, цель визита императора была далеко не просветительская, но он знал, чем угодить и чем привлечь внимание своей собеседницы, чтобы расположить ее к себе и сделать для нее более привлекательной австрийскую политику в целом.

Иосиф срочно потребовал прислать из Вены в Могилев с первым же курьером по два экземпляра всех книг, выпущенных для нормальных школ, в самых лучших переплетах³². Подарок был принят Екатериной с радостью³³.

Сообщение о результатах встречи в Могилеве было воспринято западноевропейскими корреспондентами русской императрицы с интересом и удовлетворе-

нием. Барон Дальберг заявил, что «именно к образованию нормальных школьных учителей был направлен» его проект. Он и Гримм тут же стали называть Екатерину II на смешанном французско-немецком жаргоне божественной или бессмертной «нормальной школьной учительницей» (*divine, immortelle Normalschulmeisterin*)³⁴. Я.К. Грот ошибался, относя появление этого прозвища к 1784 году³⁵.

В своем ответе Гримм попытался оправдаться в том, что не первым обратил ее внимание на австрийский опыт. По его словам, идея нормальных школ все равно родилась в Германии, а оттуда попала в Австрию. Он утверждал, что его собственные проекты эту идею учитывали. Гримм напоминал о том, что говорил про австрийскую школьную реформу с императрицей еще в 1777 г., когда было не известно, что из этой затеи получится, а теперь император Иосиф осведомлен о ее результатах гораздо лучше. Гримм выражал надежду, что император не ошибается в успехах школьного дела: «Впрочем из этого выйдет великое благо: народы станут образованнее, смысленнее, разумнее; только большие негодяи или презренные плуты боятся таких народов; те же кто рожден повелевать, предпочитают повелевать людям, а не зверям»³⁶.

Беседа с Иосифом воодушевила императрицу. Реформа образования явно заняла место среди первоочередных задач. Екатерина II сочла необходимым сформулировать свое кредо по этому вопросу и отречься от упомянутых Гриммом «плутов и негодяев», заявив, что ее никогда не испугает образованность народов³⁷.

Хотя мнения Гримма, Дальберга и прочих западноевропейских корреспондентов об австрийской реформе были учтены, теперь Екатерине II более надежными экспертами казались представители российских центров ученого сообщества, Московского университета и Петербургской академии наук. Так, императрице была представлена записка ректора гимназии при Московском университете Б.Б. Шадена, возглавлявшего ее с основания до середины 1770-х гг., а затем организовавшего один из лучших частных пансионов Москвы. Видный ученый и педагог, среди учеников которого в разное время были Д.И. Фонвизин и Н.М. Карамзин, однозначно призвал перенять австрийские учебные методики и руководства³⁸.

Самое сильное влияние на разработку проекта школьной реформы оказало мнение Ф.У. Эпинуса, изложенное в его известной записке³⁹ и в личной беседе с Екатериной II⁴⁰. Однако его предложения выходят за хронологические рамки 1760-1770-х гг. и их следует рассматривать уже как составную часть школьной реформы, а не подготовительного к ней этапа обсуждения проектов преобразования учебного дела, чему посвящена данная статья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой, Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. С.16-17.

² Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 3. СПб., 1877. С.55, 88, 329, 331, 334.

³ Там же. С.330.

- ⁴ Там же. С.333, 335.
- ⁵ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть. С.33.
- ⁶ Перевод с нем. по: Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.ХLI. № 2. СПб., 1886. С.133.
- ⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. М., 1994. С.542, 549.
- ⁸ Материалы для истории учебных реформ в России // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. Ч.ХСVI. Вып.1. СПб., 1910. С.104.
- ⁹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. СПб., 1907. Гл.ХIV. О воспитании.
- ¹⁰ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т.1 // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. Ч. CIV. СПб., 1912. С.283-289.
- ¹¹ Сборник РИО. Т. 32. СПб., 1881. С.52,55,66,73-74,101,113,398,411,412,430-432,457,520-522,533-534.
- ¹² РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.227. Ч.1. Л.97.
- ¹³ См.: Материалы для истории учебных реформ. С.144-257.
- ¹⁴ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть. С.75; Рождественский С.В. Очерки по истории. С.306.
- ¹⁵ Антидот (Противоядие) // Оснадцатый век. Кн.4. М., 1869. С.392-393.
- ¹⁶ Чекунова А.Е. В.В. Крестинин и его проект создания «малых» школ//Вопросы истории. 2007. № 7. С. 121-129.
- ¹⁷ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т.5. М., 1987. С.167-321.
- ¹⁸ Рунич П.С. Заметки Рунича о царствовании Екатерины II // Русская старина. 1870. Т.2 (Изд. 3-е). С.168.
- ¹⁹ Российское законодательство X-XX веков. Т.5. С.124.
- ²⁰ Толстой Д.А. Городские училища. С.3.
- ²¹ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.435а. Л.1 и об.
- ²² ПСЗ. Т. XXII. № 16421.
- ²³ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // Сборник РИО. Т.23. СПб., 1878. С.19.
- ²⁴ Антидот. С.335.
- ²⁵ Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. XX. СПб., 1880. С.18, 20.
- ²⁶ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.38, 42.
- ²⁷ Гримм М. Историческая записка о происхождении и последствиях моей преданности императрице Екатерине II до кончины ее величества // Сборник РИО. Т.2. СПб., 1868. С.333-334.
- ²⁸ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.115.
- ²⁹ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.173.
- ³⁰ Донесение князя Дмитрия Михайловича Голицына императрице Екатерине Второй. Ответ императрицы Екатерины II к князю Голицыну // Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке. М., 1872. Ст.992-997.
- ³¹ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.181.
- ³² Толстой Д.А. Городские училища. С.34.
- ³³ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.183.
- ³⁴ Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II // Сборник РИО. Т.33.

СПб., 1881. С.42, 68.

³⁵ Грот Я.К. Заботы Екатерины II. С.27.

³⁶ Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II. С.68-69.

³⁷ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.193.

³⁸ Толстой Д.А. Городские училища. С.6-7.

³⁹ АСПБИИ РАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.577-589об.; Russische Schul Projecte // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. № 2. СПб., 1886. С.132-134.

⁴⁰ РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.1-2.

М.М.Леонов*

**«ДЕМОНСТРАТИВНАЯ ДРУЖБА»:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В САЛОНЕ В.П.МЕЩЕРСКОГО**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект №06-01-00445а*

хиллесовой пятой любого министра эпохи Николая II была неуверенность в завтрашнем дне; правительственный чиновник мог пасть жертвой интриг, проистекавших из закулисной сферы. Император избегал выражать недовольство в лицо, однако министр мог потерять свое место вскоре после доклада Николаю, оставившего впечатление полной поддержки всех его инициатив. Поэтому многие чиновники стремились заручиться поддержкой тех фигур, чья дружба обещала ощущение стабильности. Предметом изучения данной статьи станут неформальные отношения, пронизывавшие бюрократическую верхушку конца XIX – начала XX вв.¹ Они будут рассмотрены на примере политического салона князя В.П.Мещерского.

Посетителей салона связывали узы «демонстративной дружбы»². Хозяин салона поддерживал приятельские отношения с широким кругом должностных лиц. С.Ю.Витте запросто приезжал к нему на дачу, Д.С.Сипягин общался с ним на «ты», В.К.Плеве чутко отзывался на просьбы и «всем его ублажал»³. Их переписка не скупилась на сердечный тон и пылкие признания. Опираясь на классификацию И.Н.Кона, мы можем усмотреть в их отношениях внешние признаки романтической дружбы. По мнению Кона, «язык романтической дружбы, с ее повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, практически неотличим от любовного языка»⁴. Письма наглядно подтверждают этот тезис: Мещерский «всей душой полюбил» С.Ю.Витте, признавался в «прочной любви» к В.К.Плеве, и называл Д.С.Сипягина «главным интересом» своей жизни⁵.

Историки неоднократно обращались к сюжетам, иллюстрирующим участие Мещерского в процессе замещения должностей на государственной службе. Значительный вклад в разработку проблемы «вневедомственного влияния» внес петербургский исследователь А.С.Карцов⁶. В числе лучших следует также назвать публикации И.Е.Дронова, Н.В.Черниковой, Х.Вилана⁷. Благодаря этим исследованиям был очерчен круг высокопоставленных лиц, которые поддерживали отношения с Мещерским, продвигались при его содействии по карьерной лестнице, чем-либо помогали ему или людям из его окружения. В свете названных работ, внешняя сторона «вневедомственного влияния» к настоящему моменту представляется достаточно хорошо изученной, и это дает возможность обратиться к анализу тайных нитей, связывавших Мещерского и правительственных чи-

* © Леонов М.М. – канд. ист. наук, доцент Самарского муниципального института управления

новников. При описании «кухни» их взаимоотношений я буду опираться на корреспонденцию посетителей салона, относящуюся к рубежу веков, а также на мемуары и дневники той эпохи.

Князь В.П.Мещерский не занимал значительных постов, однако благодаря своим способностям и связям сумел освоить нишу посредника в столичном бюрократическом мире. Его дом посещали как рядовые чиновники, жаждавшие карьеры, так и министры, искавшие неформальной поддержки. Издававшийся Мещерским «Гражданин» считался одним из самых осведомленных и влиятельных печатных органов в России. Ориентируясь на его публикации, современники строили прогнозы о предстоящем возвышении или падении должностных лиц. Салон Мещерского открыл новые горизонты для целой плеяды общественных деятелей. Так, с его помощью на политический Олимп взобрался С.Ю.Витте. По версии, изложенной в мемуарах Витте, он свел знакомство с Мещерским будучи министром, в связи с выплатой правительственных субсидий «Гражданину», – однако хорошо известно, что их встречи начались намного раньше. Витте регулярно посещал салон Мещерского⁸. Сохранившиеся письма позволяют оценить содержание их дружбы на разных ее этапах.

В государственном деятеле любого ранга Мещерский умел разглядеть человека. Более того, зачастую он находил возможным обнаружить перед собеседником свое чутье. В письмах к министрам он легко перешагивал через барьер официальности, настраивая тем самым на атмосферу доверия и предлагая более демократичный формат переписки, в рамках которого допускались рассуждения о заботах и душевном состоянии корреспондента, а также саморепрезентация в образе ранимого человека, «со своими идеальными мечтаниями и со своими страданиями»⁹. Вязкие «мечтания» и «страдания» на первый взгляд кажутся пустыми, скучными длиннотами, разбавляющими содержательную часть письма. Не секрет, что историки зачастую пренебрегают таким «второсортным» материалом, отдавая предпочтение конструктивным сведениям, которые хорошо вписываются в конкретно-исторические исследования. Однако при ближайшем рассмотрении длинноты обретают смысл и по-новому освещают характер отношений Мещерского с высшей бюрократией. Растянутые на многие страницы рассказы о душевных терзаниях превращали деловое письмо в исповедь, и тем самым подчеркивали самые тесные и доверительные отношения с корреспондентом.

Дружба оставила след во многих деталях, например, в подписи: если формальные письма к посторонним лицам заканчивались шаблонами «Ваш покорный слуга князь Мещерский», «Кн.В.Мещерский» и т.п., то послания к Витте сопровождала дружеская подпись в духе: «Ваш В.М.», «Ваш всегда», «Сердечно Ваш В.Мещерский»¹⁰. Примечательно, однако, что при подчеркнуто близких, и равных в целом отношениях, Мещерский охотно льстил Витте. Он без обиняков писал об уникальности министра, его гении и бескорыстных трудах на благо России. «Скажу с благоговением к Вашей деятельности, что по сочетанию в одном лице гениального творчества с каторгою чернорабочего и борца – второго Витте не запомню», – утверждал Мещерский¹¹. По его словам, если бы у России была еще «пара Витте», страна развивалась бы семимильными шагами.

Отмечалось, что самоотверженный труд и успехи Витте вызвали к жизни множество завистников и врагов. Мещерский видел Витте «окруженного врагами и мнимыми друзьями», «непонятым одними, обманываемым другими, травимым третьими»¹². В письмах отнюдь не всегда «враги» назывались поименно; как правило, эксплуатировался собирательный образ. Зато о целях «врагов» говорилось прямо: «врагам России и Государя нужно прежде всего Вас обессилить»¹³. Обозначив угрозу, Мещерский подводил к мысли, что Витте всецело погружен в государственные дела, и не имеет времени и сил на закулисную возню, а следовательно, рискует налететь на рифы, которые нагромоздили на его фарватере «враги». Результатом возможной катастрофы стала бы утрата доверия императора и влияния на положение дел в стране. Наперекор «врагам», издатель «Гражданина» действовал в интересах «моего старого Витте», и предлагал себя в качестве лодчмана, способного указать правильный путь в мутной воде российской политики. Пожалуй, было бы опрометчиво принимать за чистую монету заверения Мещерского в том, что он пошел в советчики лишь ради Витте и «всецело думая» о нем. Похоже, что и сам Витте не заблуждался на этот счет; во всяком случае, в мемуарах он заочно обвинял Мещерского в умении «поддельваться». Объяснение декларациям дружбы и бескорыстной помощи надо искать, по-видимому, в том, что они делали общение более комфортным: вмешательство посредника в служебные дела министра, оформленное как забота о судьбе последнего, не выглядело оскорбительным.

Издатель «Гражданина» щедро давал советы. Он пытался наставлять Витте по широкому кругу вопросов, включая перспективы золотого рубля и политику в отношении дворянства¹⁴, но первое место принадлежало все же теме различных интриг, и, в частности, проведения протеза на доходные должности. Несомненно, что Витте сначала на посту министра путей сообщения, а затем министра финансов, представлял для Мещерского колоссальный интерес. Пользуясь плодами «дружбы», посредник мог расширять свою личную сеть, подыскивая в ведомстве «друга» места для протеза. Продвижение «своих людей» во власть представлялось ему целесообразным по ряду причин. Во-первых, бюрократические институты пополнялись людьми, если не принадлежавшими к единомышленникам князя Мещерского, то во всяком случае проявлявшими лояльность к консервативному мировоззрению. Во-вторых, люди, получившие места с его подачи, имели перед ним некоторые обязательства, и, следовательно, так же, как и Витте, могли вовлекаться в дальнейшие сделки. В-третьих, молва об этих назначениях молниеносно распространялась в столичном, а следом и в провинциальном образованном обществе, наращивая, таким образом, символический капитал посредника.

Отталкиваясь от тезиса о враждебном окружении, Мещерский объяснял свои протекции стремлением подыскать для Витте надежных и верных сотрудников. Так, расхваливая своего «духовного сына» И.И.Колышко, Мещерский подчеркивал: «Он достоин Вашего сердечного внимания, ибо он один из немногих глубоко и правдиво преданных Вам людей и в то же время хороший и честный человек»¹⁵. Как консерватор, Мещерский мог бы указать и на другие достоинства своего протеза, будь то патриотизм, верность долгу или охранительные убежде-

ния, однако в деле борьбы за «сердечное внимание» Витте ставка была сделана именно на личную преданность. Витте прислушался к его словам, и Колышко получил место чиновника особых поручений в министерстве путей сообщения. Надо отметить, что министр был осведомлен об интимных связях Колышко и Мещерского¹⁶, поэтому оказывал личное покровительство любимцу своего друга. Письма Колышко к Витте чем-то напоминали корреспонденцию Мещерского. Колышко клялся в «искренней любви», называл Витте другом, восторгался им и предсказывал, что благодарные потомки поставят ему памятник¹⁷. В изданной впоследствии (уже в эмиграции) книге Колышко, содержится один примечательный эпизод, характеризующий человеческую сторону его отношений с Витте:

«На даче, в Вашем крошечном кабинете, помните, Вы расстегнули, рванули рубаху и показали мне Ваше покрытое черными пятнами тело.

Я ахнул.

- Вот чего мне стоит Николай.

Вы упали в кресло. Я бросился к Вам. Но Вы строго отстранились»¹⁸.

Если эта сцена действительно имела место, она может свидетельствовать, что дистанция между Витте и Колышко со временем стала короткой, хотя, конечно, и не исчезла вовсе. На эмоциональный шаг визави Колышко ответил столь же эмоционально, с тем горячим сочувствием, которое, как правило, присуще близким людям. Можно утверждать, что взаимодействие Витте с Колышко, а равно и с Мещерским, выходило далеко за деловые рамки. Регулярные встречи в салоне Мещерского, застолья, доверительные беседы с глазу на глаз, – все это позволяет заключить, что их дружба базировалась на живом человеческом общении.

Развивая отношения в подобном доверительном, «домашнем» формате, Мещерский охотно рассуждал о душевном мире своих корреспондентов. Он находил, что в Витте уживались два разных существа: «духовный человек» и функционер, исполняющий предписанную роль. Огромные возможности министра вели к обольщению властью и доминированию второй ипостаси над первой: «решительно все, что Вы выигрываете в славе и в успехе... как государственный человек, гнетет Вас как духовного человека, гложет Вас и жжет и потачивает в Вас жизнь человека»¹⁹. Мещерский считал себя союзником «духовного человека», иначе говоря, отводил себе место во внутреннем мире Витте, потаенном от тех, кто соприкасался с ним по службе. Описывая в романтических тонах свою привязанность, издатель «Гражданина» утверждал, что «официальный мир» полон «гадости и подлости людей», которые своим «духовным ядом» разрушают «духовный организм»; в отличие от прочих он стремится лишь к бескорыстной роли «душевного собеседника» и надеется, что Витте оценит в нем друга²⁰.

Общение в схожем ключе Мещерский практиковал и с другими корреспондентами, например, с Д.С.Сипягиным. Как известно, Сипягин приходился ему дальним родственником²¹. Однако когда Мещерский обращался к нему на «ты», он апеллировал скорее к дружеским чувствам, чем кровному родству. В письме 1900 года слышны отголоски знакомых фраз о двух мирах: «духовном» и «общественном». Мещерский сообщал, что в нем «создался культ» к «общественной личности» Сипягина²². Этот культ окрасил переписку в сентиментальные тона:

«пока я для тебя был далеким приятелем, ты для меня, ничего не зная о моем духовном мире, в котором я жил, был одним из самых близких существ»²³. Интимный настрой, излучаемый письмом Мещерского, гармонично сочетался с признанием, передававшим суть его стремлений:

«То, к чему я рвусь, не есть местечко в твоей гостиной, или в твоей столовой, или в твоём кабинете, а тихая услада, когда никого нет, кроме Бога над тобою, и твоего доброго гения при тебе, находить местечко в твоей душе, чтобы говорить о том, что правдиво и вовремя сказанное, может тебе пригодиться!»²⁴

Разумеется, такое деликатное признание нельзя было сделать вдруг, без предварительной подготовки. Мещерский кропотливо трудился над созданием нужной атмосферы, преодолевая отчужденность и настороженность партнера. В случае с Сипягиным, он начал с хвалебных отзывов в «Гражданине», настолько пышных, что министр назвал их «пересолом». Негативная реакция Сипягина не остудила пыла князя. Он поступательно прокладывал дорогу к сердцу чиновника, и его труды увенчались успехом. Дмитрий Сипягин стал для него «любезным другом» и просто «Митей». При его содействии Мещерскому удалось вернуться ко двору и добиться внимания Николая II.

Основываясь на приведенных примерах, здесь будет уместно высказать несколько соображений о способе строительства каналов коммуникации и вербовки союзников²⁵. Мещерский умел быстро сойтись с интересным ему человеком, причем их отношения не были равными. По выражению И.Виноградова, они менялись как температура у больного лихорадкой: начинались с обычных, затем подскакивали до возвышенных, а через некоторое время резко шли на спад²⁶. На стадии подъема Мещерский не слишком церемонился с нормами общения, принятыми в чиновном мире. Его действия могут быть интерпретированы как нарушение границ индивидуального пространства и вторжение в «духовную» сферу корреспондента. Главные усилия направлялись на преодоление барьера «официальности», с тем, чтобы раскрепостить партнера и перевести отношения на дружеские – если не сказать интимные – рельсы²⁷. Эта ювелирная операция требовала тонкого чутья, поскольку излишнее давление могло вызвать в собеседнике раздражение и спровоцировать отпор. Сглаживая острые углы и избегая возможных недоразумений, Мещерский делал ставку на пространные письма, в которых тщательно обосновывал свои тезисы и ссылался на благовидные предложения, чтобы по возможности минимизировать риск упреков в корыстных намерениях или домогательстве. Так, «культ» Сипягина он объяснял тем, что разглядел в нем «очень ценного слугу Государя и Государства»²⁸. Оговорки помогали ему сохранять образ борца за государственные интересы, пекущегося не о частных выгодах, а о нуждах страны. Сочетание этой риторики с задушевым тоном порою плохо согласовывалось, и придавало письму двусмысленности. Так, Мещерский сообщал Сипягину: «ты для меня был предметом самых ярко розовых мечтаний для тебя политической роли»²⁹.

Фокусируя внимание на тактике Мещерского, важно иметь в виду, что «демонстративная дружба» была немислима как односторонний процесс. Если один из участников отношений не позволял перейти границы официального общения, дружба не клеилась. Следовательно, правительственные чиновники, сбли-

жившиеся с Мещерским так же, как Витте и Сипягин, не были пассивными объектами воздействия, но предпринимали встречные шаги, сигнализирувавшие об их готовности к сотрудничеству. Что же толкало представителей бюрократии в гостиную князя Мещерского?

Рациональным основанием для дружбы со стороны чиновников было желание сделать свое нынешнее положение устойчивым, а перспективу карьерного роста – более явной. Неопределенность ситуации, и, в частности, непрозрачность процедуры селекции кандидатур на высокие должности заставляли искать поддержку у тех, кто имел возможность влиять на принятие решений. В руках князя Мещерского были ресурсы двух видов. К первому надо отнести «Гражданин». Хотя эта газета и не обладала всенародной любовью, зато внимательно изучалась при дворе, поэтому статьи о том или ином общественном деятеле, как правило, имели резонанс среди целевой аудитории. Едва ли можно утверждать, что похвала «Гражданина» разом обеспечивала будущность чиновника, но несомненно, что критики с его страниц боялись. Вторым, и наиболее важным ресурсом в руках посредника были каналы коммуникации с царем и должностными лицами. Манипулируя своими социальными связями, Мещерский мог добиваться впечатляющих результатов, поскольку действовал не в одиночку, а совместно с «друзьями». Чем больше влиятельных «друзей» завоевывал князь, тем больше был его кредит посредника, и тем большую силу он обретал в мире неформальных отношений. Видимость этого могущества и привлекала на его сторону новых знакомых, стремившихся добиться своих целей при его поддержке. Воспользовавшись услугами Мещерского, чиновник превращался, в некотором смысле, в его должника, и тем самым увеличивал потенциал его личной сети. Такие, коррупционные по сути³⁰, связи несли в себе определенные угрозы для репутации, но вместе с тем облегчали доступ к важной информации и гарантировали известную поддержку.

За эту поддержку приходилось платить, хотя не сразу, и лишь в редких случаях деньгами. Мещерский атаковал своих высокопоставленных друзей просьбами, как по серьезным, так и по сравнительно ничтожным поводам; исполнение этих просьб не только позволяло облагодетельствовать очередного протеже, но и попросту поддерживало канал коммуникации с министром в рабочем состоянии.

Очень часто обращения апеллировали к эмоциональной сфере. Например, в письме к министру А.В.Кривошеину Мещерский хлопотал о пособии для Н.Н.Набоковой: «я умоляю Вас именем Христа милосердного прийти на помощь несчастной в эту драматическую минуту». Просьба прозвучала как крик души, хотя речь шла всего-навсего о сумме в сто рублей³¹. Не менее красочно издатель «Гражданина» описывал тяготы собственной жизни. Так, в 1899 году он живописал С.Ю.Витте свою нужду: «уже начинаю чувствовать укусы наступающего кризиса: должен отказываться от дачи, от поездки за границу и лечения, от четвертого блюда за трапезою»³². Отказ от четвертого блюда как непозволительной роскоши, конечно, еще не являлся свидетельством недоедания, но в то же время этот яркий образ выглядел более веским, чем шаблонные фразы о недостатке денег. Отметим ради справедливости, что бедственное положение Мещерского было

несколько преувеличено. В 1892 году он приобрел в собственность пятиэтажное здание в Гродненском переулке, и получал регулярную прибыль от сдачи внаем квартир³³. Возможно, ему было выгодно представить свое положение как отчаянное именно для того, чтобы мотивировать корреспондента на деятельную помощь. Недаром письмо венчала фраза «кончаю свое предисловие, в ожидании сегодняшней беседы в 3 часа дня», дававшая понять, что от Витте ждут конкретных предложений по исправлению ситуации. Можно предположить, что придавая своим обращениям особую чувственность, Мещерский рассчитывал сыграть на человечески качествах, а возможно, и слабостях адресата. Если в случае с пособием и четвертым блюдом он побуждал к состраданию, то в письме к В.К.Плеве он делал ставку на самолюбие министра, равнодушного к своему авторитету среди подчиненных. Пристраивая к месту Н.Ф.Бурдукова, Мещерский просил: «Пока Бурдуков боится Вас. Когда он будет представляться, будьте к нему любезны и ободрительны, как Вы умеете быть когда хотите»³⁴.

Положительный ответ на просьбу вызывал горячую благодарность в самых изысканных выражениях. В самом начале 1905 года министр народного просвещения В.Г.Глазов удовлетворил ходатайство Мещерского и «озарил счастьем» его протезе. До этого момента «Гражданин» критически отзывался о деятельности министра, но любезность последнего в корне изменила расклад. «Примите глубокую благодарность от меня старика, – писал Мещерский, – и верьте, что эта благодарность исходит от души, чувствующей и понимающей, что этому старику Вы воздали добром за зло»³⁵. Издатель «Гражданина» дал понять, что оценил великодушие корреспондента, и даже сделал попытку оправдать свои прежние выпады. По словам Мещерского, он не кривил душой, «открыто и честно ратуя против Вас», в то время как другие «в глаза Вам кадят, а за глаза Вас бранят». По сути дела, письмо не только выражало признательность за благодеяние, но и сигнализировало, что издатель «Гражданина» готов пересмотреть отношения с Глазовым, стоит тому лишь протянуть руку дружбы.

Думается, что благодарность можно рассматривать не только как эффективный способ сообщения корреспонденту положительных эмоций. Мещерский не скупился на слова признательности еще и потому, что они подчеркивали факт сделанного одолжения, а следовательно, указывали на возникшую неформальную связь. Как отмечалось выше, он открывал и укреплял каналы коммуникации с чиновниками, оказывая им посильные услуги; точно также и услуга со стороны чиновника могла расцениваться как хорошая возможность завязать или упрочить долговременные отношения. Пожалуй, этим можно объяснить бурную реакцию на пустяковые любезности. Однажды Плеве подарил Мещерскому книгу, и тот, «после наружного осмотра», восторженно отзывался о «чудесном и великолепном» издании, и горячо благодарил за дар: «восклицаю: спасибо», «честь Вам и хвала!»³⁶

Довольно эмоционально Мещерский реагировал и в случае, когда получал отказ или сталкивался с невниманием. Поскольку капитал посредника состоял из неформальных личных связей, для уверенной работы ему постоянно требовалось подтверждение лояльности «друзей», в частности, в форме удовлетворения просьб. Как показывают материалы переписки, его постоянно терзали сомне-

ния на этот счет. Рекомендую С.Ю.Витте очередного протеже, он добавлял «пари держу, что вы его не возьмете», и сетовал, что Витте мало ценит преданных людей³⁷. Вообще, корреспонденция Мещерского полна жалоб: одного «духовного сына» обвинили в казнокрадстве³⁸, с другим не желают разговаривать³⁹, с ним самим переписываются неохотно. «Получил Ваше письмо, или вернее Ваше письмоце. – Язвительно сообщал он С.Ю.Витте. – Его размеры выразили подуманные Вами слова: набросаю несколько строк, на, и отвяжитесь. А когда я выругаюсь в письме к Вам, то получаю длинное письмо»⁴⁰.

Действительно, для опасений были основания, и корень их лежал, по-видимому, в том, что при всех внешних атрибутах задушевности «демонстративная дружба» основывалась скорее на прагматическом расчете, чем на искренних симпатиях. Есть мнение, что В.К.Плеве на личном уровне вообще воспринимал Мещерского негативно⁴¹. Следовательно, если интересы сторон в каком-либо важном вопросе входили в противоречие, появлялся существенный риск конфликта. Так, поводом для ссоры с Плеве, по мнению Б.В.Ананьича, стала задержка с редактированием составленного Мещерским манифеста 26 февраля 1903 г.⁴² Не исключено, что на ситуацию повлияли и другие обстоятельства, например, разногласия во взглядах на линию дальневосточной политики (издатель «Гражданина» был убежденным противником войны с Японией). Как известно, в июле 1903 года был составлен заговор, с целью сместить министра внутренних дел и назначить Витте на его место⁴³. Заговорщикам не удалось сохранить план в тайне, и это, вероятно, стало одной из главных причин его провала. После краха интриги Мещерский получил в лице Плеве непримиримого врага⁴⁴.

После разрыва дружеских уз Плеве позволял себе высказываться резко: «Мещерский как человек, собственно говоря, дрянь... но к его голосу, как выразительно известной партии общества необходимо прислушиваться». Эта короткая фраза говорила об отношении к издателю «Гражданина» не меньше, чем витиеватый обмен любезностями в корреспонденции. Наставляя министра народного просвещения В.Г.Глазова, Плеве советовал не ссориться с Мещерским, а задобрить его, «выхлопотав ему какой-нибудь крестик, какое-нибудь пожалование»⁴⁵. Из этих слов ясно, что высокопоставленные лица прекрасно понимали стремление посредника к расширению личной сети, и видели возможность для использования этого стремления в собственных целях. Потенциально, это позволяло манипулировать Мещерским. Перспективный чиновник мог наладить теплые отношения, воспользоваться его поддержкой, а затем, добившись нужного поста, порвать с ним. Инвестируя в будущее того или иного человека, Мещерский рисковал столкнуться с отказом платить по счетам⁴⁶. Злостные неплательщики, правда, были редкостью, и каждый такой случай крайне раздражал посредника. Иллюстрацией может послужить возвышение П.Д.Святополк-Мирского. По свидетельству А.В.Богданович, сначала Мирский играл роль союзника, и сулил Мещерскому «золотые горы» и «всякие почести»⁴⁷. Их отношения оставались вполне приемлемыми и после назначения на пост министра внутренних дел. Мирский создал некоторую дистанцию, заявив, что он существенно расходится с Мещерским «по многим вопросам», но издатель «Гражданина» уверял его в ответ, что «не по многим», и снабжал министра своими рекомендациями⁴⁸. Ситуация

изменилась внезапно. Мещерский получил записку, извещавшую его о невозможности продолжать контакты. Такой поворот, похоже, застал издателя «Гражданина» врасплох. Он негодовал: «в ответ на мое особенно внимательное к Мирскому отношение, человек самым грубым образом мне проявляет сознательное неуважение, и этот человек Мирский!»⁴⁹ Мещерский попытался прояснить и по возможности исправить ситуацию⁵⁰, но дело кончилось разрывом. Уязвленный посредник открыл кампанию против министра в «Гражданине» и письмах к царю, вынашивая планы замены Мирского на С.Ю.Витте⁵¹. Окончание «эпохи доверия» вызвало искреннюю радость князя⁵².

Самым скандальным оказался кризис в отношениях с Витте. В годы первой русской революции позиции Витте ослабли, и Мещерский быстро сориентировался в новой ситуации. «Гражданин» сменил милость на гнев: если в прежние годы газета с чувством отзывалась об «умном и восприимчивом министре»⁵³, то теперь обреченный чиновник стал объектом жесткой критики. Такая перемена породила недовольство Витте, на что Мещерский отозвался примечательным письмом:

«Я ни одной минуты не чувствовал себя нравственно обязанным порядочностью Вас не осуждать в газете, ибо считал Вас не лежачим, а сошедшим со сцены государственным человеком... И будь Вы мой сын, или мой брат, я совершенно также, не переставая любить, беспощадно бранил бы Вас за то, что по моему разумению в Ваших политических действиях я признавал заслуживающим осуждения. Обдумайте слова старика, которого 15 лет Вы называли другом, и Вы согласитесь со мною, что я в праве считать повод Вами признанный для ссоры со мною основательным – неосновательным. И если я был порядочным человеком 67 лет, и 15 лет относительно Вас, то мыслимо ли допустить, что я перестал им быть после Вашего ухода с должности Предс. Сов. Министров!

(...) У Вас есть дурные и слабые стороны, и у меня: но есть и хорошие: простим друг другу все вины, и вернемся под веянием к добрым отношениям, – с правом как государственного человека Вас бранить сколько угодно»⁵⁴.

Итак, смена конъюнктуры могла побудить князя Мещерского целиком или частично перекрыть канал коммуникации с должностным лицом⁵⁵. Однако разрыв отношений был чреват серьезным осложнением: посредник рисковал потерять лицо. Помимо деловых контактов, со старым союзником его связывали моральные обязательства. Мещерскому было попросту невыгодно производить впечатление ненадежного человека, легко раздающего уверения в безграничной преданности и столь же легко забывающего о них. Поэтому, на мой взгляд, приведенную выше цитату можно рассматривать как попытку оправдаться. В пользу такой трактовки говорят, во-первых, декларация собственной порядочности и, во-вторых, знакомое разграничение двух ипостасей Витте («государственного человека» и «друга»). Как следует из письма, Мещерский «не переставал любить» в министре своего друга; уколы «Гражданина» адресовались исключительно «государственному человеку», взявшему ошибочный курс. Согласно логике Мещерского, он не изменял Витте, как, впрочем, не изменял и своей роли блюстителя интересов государства; Витте сам провоцировал конфликты. Рассуждение имеет несомненный привкус демагогии в той части, где призывает вер-

нуться к добрым отношениям и не обращать внимания на брань «Гражданина». Витте не устраивал такой расклад, и адресованное ему предложение смириться с критикой, после многолетней дружбы и плодотворного сотрудничества, могло вызвать только раздражение. Фактически, лукавое письмо Мещерского передавало очередь хода корреспонденту: шаг к разрыву должен был сделать он. Это позволило бы сохранить кредит посредника, и возложить всю вину на Витте.

С той поры на страницах «Гражданина» периодически появлялись неприглядные истории из эпохи министерства Витте. Например, в 1913 году в разделе «Дневники» был придан огласке следующий эпизод: «Граф Витте, например, будучи министром финансов, признавал «Новое время» единственным органом, достойным печатать банковские объявления, и за эти тысячи и тысячи рублей, подносимые газете, ожидал от нее милостивой протекции. Тот же граф Витте, будучи председателем Совета министров, ездил на поклонение к старику Суворину всякий раз, когда нуждался в поддержке этой продажной газеты, а в своем кабинете называл ее подлою»⁵⁶. Витте не остался в долгу, дискредитировав Мещерского в своих воспоминаниях. «Старый развратник», «грязный» человек, достигший совершенства в умении «клянчить и унижаться», – едкие эпитеты, которыми Витте награждал бывшего друга, служат свидетельством обиды, не утихшей за долгие годы⁵⁷. Скандал отпечатался и в других работах, например, памфлете И.И.Колышко с говорящим названием «Ложь Витте». Вообще, разрыв переживался тяжело, и это говорит о степени сближения сторон в ту пору, когда отношения находились в зените. За спинами партнеров были годы успешного сотрудничества, общие тайны и по меньшей мере видимость доверия. «Дружба» пускала глубокие корни. Неудивительно, что расставание сопровождалось скандалами, обидами и мезьью, похожими на те, что иногда встречаются при разводе супругов.

Подводя итог, считаю нужным отметить, что «демонстративная дружба», связывавшая Мещерского с правительственными чиновниками, обладала набором типовых характеристик; конкретные случаи различались между собою лишь незначительными вариациями. Следовательно, формат отношений задавался посредником. Перевод взаимодействия в дружескую плоскость позволял эффективно преодолевать должностную броню: к министру проще было подступиться как к человеку, нежели как к должностному лицу. В свою очередь, представители бюрократической верхушки, принимавшие такие правила коммуникации, получали возможность в облегченном режиме, по-приятельски, добиваться желаемого от посредника и связанных с ним людей. «Демонстративная дружба» предполагала постоянный контакт, как на личном уровне, посредством салонных встреч и переписки, так и на деловом, в виде оказания взаимных услуг. Тем самым «друзья» подтверждали свою лояльность.

Исследование сюжетов «демонстративной дружбы» позволяет несколько иначе взглянуть на устоявшийся в историографии тезис о «влиянии» Мещерского. Прежде всего, думается, что правильнее говорить не об одностороннем влиянии, а о достаточно сложном взаимодействии с многочисленными партнерами. Отличительным признаком этого взаимодействия была добровольность: посредник не мог насильно вовлекать людей в свою неформальную сеть, не мог при-

нуждать их к выполнению просьб, или удерживать в орбите своего салона тех, кто рвался прочь, как Мирский. На практике Мещерскому приходилось мириться с отказами и невниманием. В вопросах назначения на солидные должности его голос мог быть совещательным, но не решающим. Все это – издержки положения посредника, действующего через третьих лиц и призванного внушать и уговаривать, но не повелевать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К настоящему моменту в историографии сложилась традиция изучения неформальных отношений, патроната и клиентелы в России. Прежде всего, следует указать на новое исследование Сюзанны Шаттенберг о патронате в чиновном мире XIX столетия: Schattenberg, S. Beamte in der Russischen Provinz. Ehre und Patronage im 19. Jahrhundert. Habilitationsschrift. / S.Schattenberg – Berlin, 2006. Тезисы этой работы опубликованы также на русском языке: Шаттенберг, С. Культура коррупции, или к истории российских чиновников / С.Шаттенберг // Неприкосновенный запас. М., 2005. – №4 (42). Вклад в развитие темы внесли и другие авторы: Афанасьев, М.Н. Клиентелизм: историко-социологический очерк / М.Н.Афанасьев // Полис. М., 1996. – №6; Orlovsky, D. Political clientelism in Russia: the historical perspective/ D.Orlovsky // Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia. – London, Boston, Sydney, 1983; Rancel, D. Character and style of patron-client relations in Russia / D.Rancel // Klientelsysteme im Europa der Fruehen Neuzeit. – Muenchen, 1988; Bennett, H.A. Evolution of the meanings of chin: an introduction to the Russian institution of rank ordering and niche assignment from the time of Peter the Great's Table of ranks to the Bolshevik revolution / H.A.Bennett // California Slavic Studies. 1977. – Vol.10.

² Слово сочетание «демонстративная дружба» употреблялось В.П.Мещерским для характеристики специфических отношений, подразумевавших как «задушевность», так и обмен услугами: чиновники содействовали карьере и финансовым предприятиям протеже Мещерского, получая в награду его поддержку (в том числе, и на страницах «Гражданина»).

³ Витте, С.Ю. Воспоминания. В 3 т. / С.Ю.Витте. Т.3. – Таллинн-Москва, 1994. – С.555.

⁴ Кон, И.С. Дружба. / И.С.Кон. – СПб., 2005. – С.276, 83-89.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.450. – Л.1, 4 об. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 19 мая 1895 года; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф.586. – Оп.1. – Ед.Хр.904. – Л.17. Письмо В.П.Мещерского В.К.Плеве, 9 октября 1903 года; РГИА. Ф.721. – Оп.1. – Ед.Хр.65. – Л.6. Письмо В.П.Мещерского Д.С.Сипягину, 1900 год.

⁶ Карцов, А.С. «Общественно-политическая деятельность кн. В.П.Мещерского». Дисс... канд. ист. наук / А.С.Карцов. – СПб, 2000. Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В.П.Мещерский)/ А.С.Карцов. – СПб, 2004.

⁷ Черникова, Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский в общественной жизни России. Последняя треть XIX – начало XX века. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. / Н.В.Черникова – М., 2001; Дронов, И.Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В.П. Мещерского (вторая половина XIX – начало XX вв.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. / И.Е.Дронов – М., 2007. См. также: Дронов, И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский /И.Е.Дронов // Вопросы истории. – М., 2001. – №10; Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) / Н.В.Черникова // Отечественная история. –М., 2001.- №4; Mosse, W.E. Imperial favourite: V.P.Meshchersky

and the Grazhdanin / W.E.Mosse // The Slavic and East European review. – 1981. – Vol.59. – N4.; Whelan, H.W. Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter reform in late imperial Russia / H.W.Whelan. – New Jersey, 1982 (третья глава касается политического влияния Мещерского в эпоху контрреформ). В настоящее время Н.В.Черникова готовит к печати памятники эпистолярного наследия В.П.Мещерского.

⁸ Первые визиты С.Ю.Витте в салон Мещерского живо и язвительно описал И.И.Колышко: Баян (И.И.Колышко). Ложь Витте. «Ящик Пандоры»/ И.И.Колышко. – Берлин, б.д. – С.5-12. Встречи на даче, куда Витте заезжал со своим «верным псом», упомянуты в одном из писем Мещерского (РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.450. – Л.1).

⁹ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.450. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 19 мая 1895 года.

¹⁰ Изучение корреспонденции Мещерского убеждает в том, что он уделял много внимания оттенкам смысла, вкладываемым в подпись, выражение преданности и прочие формальности. Он намеренно уклонялся от принятых шаблонов: заключительные строки письма сигнализировали, насколько налажена коммуникация с корреспондентом. Чтобы подчеркнуть градус своих симпатий, он прибегал к цветастым фразам, как, например, в письме Святополк-Мирскому: «бесконечно глубоко Вас уважающий и от всей души преданный Вам». ГАРФ. – Ф.1729. – Оп.1. – Ед.Хр.1086. – Л.1 об. Письмо В.П.Мещерского П.Д.Святополк-Мирскому, 20 сентября 1904 года.

¹¹ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.434. – Л.1. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 30 августа 1902 года.

¹² РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.450. – Л.2. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 19 мая 1895 года.

¹³ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.433. – Л.2. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 2 октября 1901 года.

¹⁴ Рассматривая советы и предложения Мещерского, С.Ю.Витте далеко не всегда находил их дельными. Однако скепсис или ирония Витте не создавали непреодолимой преграды для его корреспондента; Мещерский зачастую возвращался к теме снова, доказывая ее значимость и мотивируя свой шаг дружеской заботой. Так случилось, например, в 1897 году при обсуждении дворянского вопроса: «Вы иронией ответили мне на мое послание. Напрасно! Я не претендовал Вам предлагать проект спасения дворянства; я только всецело думая о Вас, давал Вам совет друга воспользоваться дворянским вопросом, как историческою минутою, взять его в руки, взять в нем инициативу и направлять его так, чтобы Вам сопутствовала любовь дворянства, а не ненависть как теперь». РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.446. – Л.1. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 9 мая 1897 года.

¹⁵ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.439. – Л.1. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 4 сентября 1906 года.

¹⁶ По словам С.Ю.Витте, Мещерский и Колышко сошлись «на почве противоестественных грязных страстей», то есть содомии. См.: Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. – Т.1. Рассказы в стенографической записи. – Кн.1. – СПб, 2003. – С.266.

¹⁷ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.426. – Л.1-3. Письмо И.И.Колышко С.Ю.Витте, 30 января 1911 года.

¹⁸ Баян (И.И.Колышко). Указ. соч. – С.26.

¹⁹ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.450. – Л.1 об. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 19 мая 1895 года.

²⁰ Там же. – Л.2, 2 об.

²¹ О связях с Сипягиным см. подробнее: Дронов И.Е. Путь консерватора.. (Раздел 7 «Князь Мещерский и Николай II»).

²² РГИА. – Ф.721. – Оп.1. – Ед.Хр.65. – Л.2 об. Письмо В.П.Мещерского Д.С.Сипягину, 1900 год.

²³ Там же.

²⁴ Там же. – Л.1 об.

²⁵ Здесь и далее термин «канал коммуникации» (communication channel) используется в трактовке, предложенной Дж.Бойссвейном. Согласно его взглядам на механизмы социальной манипуляции, посредник (broker) оперирует доступными ему каналами коммуникации, которые и составляют его капитал. Открытый канал предполагает готовность лица, вовлеченного в отношения, оказывать посреднику ответные услуги. Boissevain, J. Friends of friends: networks, manipulators and coalitions / J.Boissevain. – Oxford, 1987. – P. 158-159.

²⁶ Vinogradoff, I. Some Russian imperial letters to prince V.P.Meshchersky (1839-1914)/ I.Vinogradoff // Oxford Slavonic papers. – Oxford, 1962. – Vol.X. – P.105.

²⁷ И.Зораб в своей работе поставила вопрос о влиянии сексуальной ориентации Мещерского на его поведенческую модель. Zohrab, I. Dostoevsky and Meschersky and "homosexual consciousness"/ I.Zohrab // Australian Slavonic and East European studies. – 1998. – Vol. 12. – №1. – P.122-123. Догадки из этой области сложно подтвердить документально, хотя, конечно, не исключено, что гомосексуальность позволяла Мещерскому чувствовать себя менее скованно с высокопоставленными лицами и быстро переходить к общению в неформальном ключе.

²⁸ РГИА. – Ф.721. – Оп.1. – Ед.Хр.65. – Л. 2 об. Письмо В.П.Мещерского Д.С.Сипягину, 1900 год.

²⁹ Там же. Л.3.

³⁰ В работах Сюзанны Шаттенберг высказаны сомнения в том, что современные (то есть основанные на модели «идеального чиновника» М.Вебера) представления о коррупции применимы к оценке деятельности российских чиновников XIX века. С.Шаттенберг определяет российских служащих как «патримониальных чиновников», которые не проводили водораздела между частной и служебной сферами, но рассматривали должность в рамках старой системы «кормления», то есть традиционно использовали служебное положение для добычи средств к существованию. С такой точки зрения коррупция выглядит «не отклонением от нормы, а самой нормой». См.: Шаттенберг, С. Культура коррупции... По словам С.Шаттенберг, «существенное различие состоит в том, что в Западной Европе система патрон-клиент к концу 18 века сошла на нет, а в России она еще в первой половине 19 века формировала конъюнктуру и определяла повседневность служащих. Это ни в коем случае нельзя связывать с тезой об отсталости. Это просто показывает, что в России до 1860-х годов была другая культура управления. Служащие и государственные институты были в значительно большей степени пронизаны и монополизированы персональными сетями, чем это было в Англии и Франции 19 столетия». Schattenberg, S. Beamte in der Russischen Provinz. – S.29.

³¹ РГИА. – Ф.1571. – Оп.1. – Ед.Хр.287. – Л.3. Письмо В.П.Мещерского А.В.Кривошеину, 12 марта 1910 года.

³² РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.449. – Л.3. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, б/д.

³³ Центральный городской исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф.515. – Оп.1. – Ед.Хр.2866. – Л. 145. Дело правления Санкт-Петербургского городского кредитного общества.

³⁴ ГАРФ. – Ф.586. – Оп.1. – Ед.Хр.904. – Л.27 об. Письмо В.П.Мещерского В.К.Плеве, 12 мая 1904 года.

³⁵ РГИА. – Ф.922. – Оп.1. – Ед.Хр.548. – Л.11-11об. Письмо В.П.Мещерского В.Г.Глазову, 4 января 1905 года.

³⁶ ГАРФ. – Ф.586. – Оп.1. – Ед.Хр.904. – Л.3. Письмо В.П.Мещерского В.К.Плеве, 30 мая 1901 года.

³⁷ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.446. – Л.3. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 9 мая 1897 года.

³⁸ ГАРФ. – Ф.1099. – Оп.1. – Ед.Хр.2187. – Л.12. Письмо В.П.Мещерского Т.И.Филиппову, 23 февраля 1897 года.

³⁹ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.439. – Л.1 об. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 4 сентября 1906 года.

⁴⁰ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.434. – Л.1 об. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 30 августа 1902 года.

⁴¹ См. подробнее: Judge, E.M. *Repression and reform in imperial Russia, 1902-1904* / Judge, E.M. – New York, 1983. – P.152.

⁴² Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л., 1984. – С.133.

⁴³ Это предприятие не ускользнуло от внимания заинтересованных лиц; А.В.Богданович записала слова А.С.Суворина: «Витте и Мещерский крепко работают, чтобы провалить Плеве», А.Е.Кауфман вспоминал, что Мещерский «стоял горой» за министра финансов. См.: Богданович, А.В. Три последних самодержца / А.В.Богданович. – М., 1990. – С.285; Кауфман, А.Е. Черты из жизни графа С.Ю. Витте / А.Е.Кауфман // Исторический вестник. – СПб., 1915. – Т.140. – С.225. В доносе, поступившем в министерство внутренних дел уже после смерти Плеве, Мещерский обвинялся в стремлении опутать коррупционными сетями все правительство: «Мещерский хочет поставить во главе правительства своих губернаторов и своего содержателя Витте, а всем известно, как вся Россия ненавидит кн. Мещерского; разумеется, умный, хотя деспотичный Плеве не мог согласиться с Мещерским...» ГАРФ. – Ф.1729. – Оп.1. – Ед.Хр.720. – Л.1-2.

⁴⁴ Кавторин В.В. Первый шаг к катастрофе / В.В.Кавторин. – Л., 1992. – С.219-221; См. также: Tidmarsh, K. *The Zubatov idea* / K.Tidmarsh // *The American Slavic and East European review*. – 1960. – Vol.XIX. – №3. – P.339; Judge, E.M. *Op.cit.* – P.202.

⁴⁵ Цит. по: Иванов, А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905-1907 годов / А.Е.Иванов // Отечественная история. – М., 1995. – №6. – С.103. В свою очередь, Мещерский также критически отзывался о бывшем друге: «Плеве возбуждал аппетиты, но не умел оные удовлетворять». ГАРФ. – Ф.1729. – Оп.1. – Ед.Хр.1086. – Л.6. Письмо В.П.Мещерского П.Д.Святополк-Мирскому, 1904 год.

⁴⁶ О типичных рисках посредника и «инвестировании в будущее» («investment in the future») см.: Boissevain, J. *Op.cit.* – P. 161.

⁴⁷ Богданович А.В. Указ. соч. – С.299.

⁴⁸ ГАРФ. – Ф.1729. – Оп.1. – Ед.Хр.1086. – Л.1 об., 3. Письма В.П.Мещерского П.Д.Святополк-Мирскому, 20 сентября и 11 октября 1904 года. В письме от 11 октября Мещерский советовал собрать редакторов столичных газет и призвать их к порядку, используя «чары Вашей личности».

⁴⁹ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр. 435. – Л.1 – 1 об. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 8 ноября 1904 года.

⁵⁰ В ответном письме Мещерский выразил надежду, что «Вы не придавали того смысла Вашей последней записке, какой я ей придал, что ничего не случилось, что изменило бы благоприятные отношения между двумя честными слугами престола и России». ГАРФ. – Ф.1729. – Оп.1. – Ед.Хр.1086. – Л.5. Письмо В.П.Мещерского П.Д.Святополк-Мирскому, 5 ноября 1904 года.

⁵¹ Turnbull, D. *The defeat of popular representation, December 1904: prince Mirskii, Witte, and the imperial family* / D.Turnbull // *Slavic review*. – 1989. – Vol.48. – №1. – P.63.

⁵² Реакция Мещерского бросилась в глаза современникам. См. напр.: Русское богатство. – 1904. – №12. – С.166-167.

⁵³ Гражданин. – 1896. – №34. – С.13.

⁵⁴ РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.439. – Л.2 – 2 об. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 4 сентября 1906 года.

⁵⁵ Обрыв канала коммуникации снижал кредит посредника, поэтому должен был иметь под собой серьезные основания. Обыкновенно Мещерский критиковал своих союзников уже после того, как они сошли с политической арены. Этому феномену посвящена специальная статья В.Г.Короленко. Знаменитый публицист «Русского богатства» саркастически отмечал, что «беспристрастно» характеризуя деятельность своих «друзей-министров», князь проявлял гораздо больше «беспристрастности», чем «дружбы». Короленко, Вл. Кн.Мещерский и покойные министры/ Вл.Короленко// Русское богатство. – 1904. – №12. -С.156-157. Конфликт с С.Ю.Витте выходит из ряда обыденных примеров. В начале 1906 года Мещерский информировал Витте: «я и большим, чем отношением к Вам, способен пожертвовать за свободу и самостоятельность своего мнения». РГИА. – Ф.1622. – Оп.1. – Ед.Хр.437. – Л.1. Письмо В.П.Мещерского С.Ю.Витте, 21 февраля 1906 года.

⁵⁶ Гражданин. – 1913. – №16. – С.12.

⁵⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. – Т.3. – С.547-551.

А.А. Дорошенко*

**КОНСЕРВАТИВНО-КОНСТИТУЦИОННАЯ ФРАКЦИЯ ЦЕНТРА
В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Консервативно – конституционная фракция центра, которую возглавлял самарский помещик Владимир Николаевич Львов, несмотря на свою малочисленность (33 человека перед началом первой сессии IV Думы, являясь как бы связующим звеном между октябристами и фракцией русских националистов и умеренно-правых, сыграла существенную роль в деятельности Государственной Думы Российской империи. Ее роль в формировании блока умеренно-правых и октябристов, а затем и в формирование Прогрессивного блока, была значительной. Вместе с тем исследователи ее как бы не замечают. Ее работа затрагивается в контексте деятельности либо октябристов, либо националистов, вместе с тем игнорируется факт самостоятельности этой фракции.

Целью данного исследования является доказать то, что фракция центра являла собой фракцию с определенной политической идеологией, называемой самими лидерами этих фракции как консервативный конституционализм, а также выявить основные направления деятельности этой фракции, ее социальную базу.

Предпосылки подобной фракции образовались в конце работы Третьей Государственной Думы, когда от фракции умеренно-правых и русских националистов отпочковалась т.н. фракция независимых националистов, основу которой составили крупные помещики (10 из 16). Это отличало данную фракцию от Фракций крайне правых, а так же фракции умеренно-правых и русских националистов, в которых число помещиков не превышало одной трети от общего состава. Вторым отличительным признаком данной фракции было то, что если процент «инородческих» элементов у правых фракций не превышал 7%, то у независимых националистов их было 5 из 15¹. Поэтому, национализм у фракции независимых националистов ограничивался юдофобией.

Главой данной фракции являлся бессарабский помещик П. Н. Крупенский, туда же из фракции октябристов пришел крупный самарский помещик (св. 4000 дес. земли) В.Н. Львов, который в отличие от большинства членов Союза 17 октября выступал за сохранение господства Православной церкви. Еще в 1907 году, выступая на заседаниях самарского отделения партии октябристов, он выдвинул идею конституционализма, противопоставив ее идее либерализма. Конституционализм по мысли В.Н. Львова – это прежде всего принцип подчинения личности (любой, даже императора) законам, выраженным в коллективном мнении всего общества сконцентрированном в представительном собрании². Такая идеология не противоречила уваровской триаде, т.к. Самодержавие было там подчинено Православию и, в свою очередь, опиралась на Народность. По мысли

* © Дорошенко А.А. – кандидат исторических наук

В.Н. Львова закон должен был отражать мнение общества и явиться истинным воплощением Народности.

Нужно сказать, что конституционалисты составляли значительную часть правого крыла Государственной Думы Российской империи. Их отличительной чертой было признание конституционной монархии при сохранении доминирующего положения Православной церкви и русской нации как идеального типа общественного устройства³.

Когда в С.-Петербурге в 1912 году стали съезжаться депутаты IV Думы, В.Н. Львов, П.Н. и А.Н. Крупенские начали организацию новой фракции – консервативно-конституционной фракции Центра. От других правых фракций ее отличал отказ от «окраинного» национализма. Фракция составила 33 депутата. Главным образом это были дворяне-помещики (23 человека)⁴.

Создатели фракции видели ее очередную задачу в том, чтобы дать поддержку правительству, которое, по их мысли, должно действовать в согласии с представительным органом. Так, П.Н. Крупенский заявлял, что «партия центра-это партия правительства вообще и Коковцова в особенности»⁵.

Стремление дать опору правительству независимо от того, кто является премьером, отличало фракцию и в дальнейшем.

Так, несмотря на свое участие в Прогрессивном блоке, фракция заявляла о поддержке правительства, не исключая возможность сотрудничества с ним даже при сохранении поста премьера за И.Л. Горемыкиным⁶.

Что касается конкретных законодательных предложений фракции, то прежде всего следует выделить ее участие в деле выдвижения законопроектов об увеличении экономической самостоятельности земств, что отвечало планам землевладельческого дворянства. Это был законопроект о создании земских банков, где подписи депутатов фракции центра стояли рядом с подписями октябристов и левых националистов⁷.

Во время войны совместно с октябристами был выдвинут законопроект о кооперативных товариществах, при этом особенно подчеркивалось, что «для образования кооперативного товарищества разрешения и утверждения правительственной власти не требуется»⁸. В союзе с октябристами был выдвинут законопроект и о съездах представителей кооперативных учреждений, которые, как в нем говорилось, «состоят в ведение торговли и промышленности»⁹.

Указанные выше законопроекты были признаны Думой желательными, но дальнейшего движения не получили.

Таким образом, главным в деятельности думской фракции центра была поддержка правительства при увеличении, прежде всего, экономической самостоятельности общественных организаций, которые, однако, должны, при этом находиться под «крылышком» министерств. Таким образом, общественный капитал должен находиться под опекой государственной власти и служить надежной опорой этой власти.

Мысль о том, что власти нужна новая опора и послужила основной причиной вступления депутатов фракции центра в Прогрессивный блок.

В.Н. Львов говорил на съезде Объединенного дворянства: «Требовалось соглашение между правительством и партиями Думы, и во что в конце концов,

после этого соглашения вылилась бы программа блока – неизвестно»¹⁰. Нужно сказать, что во многом благодаря коммуникабельности П.Н. Крупенского было ускорено само образование Прогрессивного блока. По воспоминаниям В.И. Гурко «главным инициатором этого блока был П.Н. Крупенский, «переговорив с наиболее видными представителями думских фракций... он предложил им собраться вместе за общей трапезой»¹¹. По мысли В.Н. Львова «все, кто имел достаточно государственного разума... соединились в конкретную организацию, чтобы дать устоя власти»¹².

Но ни император, ни правительство, ни Прогрессивный блок (внутри которого никогда не было единства) не могли между собой договориться.

Все это закончилось штурмом власти в кон.1916- нач.17гг., который поддержал В.Н. Львов и не поддержал П.Н. Крупенский. Начавшаяся вскоре февральская революция

положила конец деятельности Государственной Думы, а октябрь 1917 года открыл новую страницу в истории России.

В.Н. Львов и П.Н. Крупенский выдвинули идею создания новой опоры самодержавия в виде его поддержки самим обществом, которая осуществляется путем как создания представительного органа выражающего мнение народа, так и путем создания хозяйственных структур на основе местных органов самоуправления. В последнем их поддерживали левые националисты и земцы–октябристы. Центровики действовали, в свою очередь, в рамках триады «Православие. Самодержавие. Народность», что отличало их от октябристов, выступавших за равные права старообрядческой и никонианской церкви.

Таким образом, в лице депутатов фракции центра мы видим сформировавшиеся, но не успевшие до конца раскрыться политическое течение – консервативный–конституционализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв III. Сессия 5, СПб1912

² Львов В.Н. Программные статьи и речи в самарском отделе «Союза 17 октября»М., 1907.

³ Дорошенко А.А. Правые в Государственных Думах Российской империи.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2002.

⁴ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам .Созыв IV. Сессия 1. СПб1913.

⁵ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы декабрь 1911 –февраль 1917 года // Вопросы истории 1999, № 1 .С.9.

⁶ Прогрессивный блок в 1915-1916 гг.// Красный архив 1932N1-2..С.144.

⁷ Государственная Дума. Созыв IV. Приложение к стенографическим отчетам. Сессия 2.СПб 1913. № 183 .С.1-2.

⁸ Государственная Дума. СозывIV. Приложение к стенографическим отчетам. Сессия 2. СПб 1915 Т.1 . №225 .С.1.

⁹ Государственная Дума. Созыв IV. Приложение к стенографическим отчетам. Сессия 2. СПб 1913. № Т.3 №169 С.1.

¹⁰ Совет Объединенного дворянства. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. М., 2002.т.3.С.625..

¹¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая I в изображении современника. М., 2000.С.685-686.

¹² Совет Объединенного дворянства. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ.т.3. С.625.

Д.А. Старков*

**КАДРЫ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на материалах Среднего Поволжья)**

роблемы кадрового аппарата коронной администрации Российской империи на рубеже XIX – XX веков затрагивались в трудах различных исследователей¹. Однако внимание историков обращалось в основном на высший уровень чиновничества, исследования в малой степени затрагивали ситуацию в регионах. Из комплексных работ, освещающих статус провинциальных служащих, следует отметить труды Г.В. Гарбуза и С.В. Любичанковского². В то же время до сих пор в историографии не освещен такой вопрос как положение чиновничества местных администраций в годы Первой мировой войны. Априорно полагается, что ситуация в регионах ухудшалась в связи с общим развитием кризиса власти в Российской империи, что не может быть достаточным основанием для подобных выводов.

Первая мировая война породила трудности, отразившиеся на кадровом аппарате местной администрации. Основными проблемами на местах стали призыв чиновников в действующую армию и отставание их денежного содержания от стремительного роста цен и стоимости жизни.

В начале XX века в Российской империи действовала всеобщая воинская повинность. При мобилизации в случае войны из запаса призывались все категории населения, независимо от их рода деятельности, что распространялось и на чиновников МВД. Это негативно отразилось на штатах местной администрации. Например, уже в августе 1914 г. пензенское губернское присутствие доложило о факте призыва девяти чиновников в шести из десяти уездных съездов³.

Для того, чтобы сохранить штаты учреждений, губернаторам было необходимо регулярно подавать ходатайства об отсрочках от призыва в Управление по воинской повинности МВД. Отсрочки могли быть даны на время исполнения обязанностей или до определенного срока, после которого было необходимо подавать новое ходатайство, чтобы продлить отсрочку⁴. На запросы в МВД о категориях чиновников, которым можно было предоставлять отсрочки без запроса в центр, приходил ответ, что не могут быть призваны в армию лишь негодные по состоянию здоровья⁵.

Губернаторы неоднократно, но безуспешно обращались в МВД с ходатайствами предоставить им право отсрочки для наиболее ценных чиновников в подведомственных им губернских и уездных учреждениях. Лишь в сентябре 1916 г. был издан циркуляр, который давал право на отсрочку некоторым категориям чиновников – белобилетникам призыва 1902 г. и старше в канцелярии губернатора, губернском правлении, губернском присутствии и земским начальникам⁶. Однако это не могло существенно поправить дело, поскольку к тому времени

* © Старков Д.А. – аспирант кафедры экономической истории Самарского государственного экономического университета

была широко распространена практика лишь временного исполнения должностей без официального назначения. Например, кандидат на должность в земские начальники формально не подпадал под действие отсрочки, хотя и заменял земского начальника или даже заведовал сразу несколькими участками⁷.

К концу 1916 г. ситуация с кадрами в провинции сложилась критическая. В декабре 1916 г. пензенский губернатор А.А. Евреинов докладывал в МВД, что в течение двух с половиной лет войны почти весь состав его канцелярии, губернского правления и полиции был призван на военную службу, а кандидатов на вакантные должности не находилось⁸. Аналогичная ситуация была и в Симбирской губернии. Губернатор А.С. Ключарев констатировал, что в конце 1916 г. «из 47 земских начальников моей губернии непризванных осталось только 17 человек, из 13 старослужащих моей канцелярии 11 уже взято в армию»⁹. В других губернских учреждениях МВД была похожая обстановка.

Следует заметить, что часть чиновников, особенно из бывших военных, не уклонялась от призыва, поскольку правительство сохраняло за ними денежное содержание, а также доплачивало и за военную службу¹⁰. Негативную роль сыграл закон 6 декабря 1915 г. о предоставлении отсрочек военнообязанным всех категорий, работающим на оборону, в число которых входили работники Земских и Городских союзов, а также Военно-промышленных комитетов¹¹. Это вызывало возмущение провинциальных администраторов. Например, симбирский губернатор А.С. Ключарев высказывался: «Отдавая в войска опытных, десятками лет подготовлявшихся чиновников, мы настолько разрушаем свои самые важные административные учреждения, что возможны опасения даже в неизбежном закрытии таковых. А наряду с столь суровым и, я решаюсь даже сказать, нерасчетливым отношением к самым ценным работникам наших учреждений, замечается опять таки непонятно-благожелательное отношение к земским и городским учреждениям»¹². В результате служба в городских и земских учреждениях оказывалась более привлекательной для способных и образованных чиновников.

Другим болезненным вопросом в годы войны стал вопрос о денежном содержании чиновников. Последний раз до войны оплата труда чиновников повышалась в 1912 г., что позволило несколько улучшить условия службы. Однако за годы войны дороговизна и инфляция обесценили жалование чиновников. Местные администраторы признавали, что к концу 1916 г. рубль обесценился в четыре раза, цены выросли на 400-600%¹³.

Правительство озаботилось положением чиновничества слишком поздно, 11 мая 1916 г. было издано положение «О добавочном довольствии чинов правительственной службы по случаю вздорожания жизни», согласно которому содержание чиновников повышалось с 1 января 1916 г.¹⁴ Согласно положению все губернии Российской империи делились на два района – с повышенным процентным увеличением и с пониженным. Разница в процентных прибавках между районами составляла 5%. Губернии Среднего Поволжья относились ко второй категории, то есть чиновники получили более низкие прибавки.

Лицам, получающим до 600 рублей в год, полагалась прибавка в 25%, от 600 до 1200 – 20%, от 1200 до 1800 – 15%, от 1800 до 2400 – 12,5%. Также процентные

прибавки следовало сделать низшим чинам в размере не менее 72 рублей в год, а всем остальным – не менее 144 рублей. Правительство пыталось поступить справедливо, сделав выше процент для низкооплачиваемых служащих, однако реальная инфляция была гораздо выше и свела на нет все усилия государства. Губернатор А.С. Ключарев открыто называл эти прибавки «наивно ничтожными» и предлагал ввести более крупные доплаты, до 100%, а также издать более «благожелательный» закон о пенсиях, изменив размеры и сроки выслуги чиновников¹⁵.

Интересным является сравнение реального прожиточного минимума и содержания чиновников. Довоенный минимальный прожиточный уровень провинциального чиновника составлял 600 рублей в год, что нашло отражение как в исторической литературе, так и публицистике того времени¹⁶. То есть накануне войны как минимум треть чиновников жила ниже приемлемого уровня. В феврале 1917 г. свои расчеты по стоимости жизни представил в МВД пензенский губернатор. Согласно им, среднестатистическому чиновнику для содержания себя и своей семьи, состоящей из родителей, жены и 4-6 детей, требовалось не менее 185 рублей в месяц. Это включало 20-25 рублей в месяц для найма квартиры, 40 рублей – на отопление, 45 рублей – на еду, но не включало расходов на прислугу и одежду¹⁷. Эти расчеты вполне согласуются с приведенными цифрами роста цен и инфляции в годы войны. Таким образом, после повышения окладов весной 1916 г. достаточное содержание было лишь у малой части чиновников, которые относились к верхушке губернской и уездной администрации.

Губернатор А.С. Ключарев пытался обратить внимание МВД на бедственное положение чиновников и указывал, что служащие городских и земских учреждений находились в лучшем положении, их труд оплачивался выше, поэтому чиновники коронной администрации имели соблазн перейти в них¹⁸. Подобное неравенство в оплате труда наблюдалось еще до начала войны. Например, в 1914 г. секретарь пензенской городской управы получал 2100 рублей в год, самарской губернской земской управы – 3000 рублей в год, а секретари губернского правления и присутствия – 1300 и 1500 рублей в год соответственно. Делопроизводитель в губернской земской управе получал 1500 рублей, делопроизводитель в губернном правлении – 1300 рублей. Однако менее значимые должности в губернской администрации оплачивались лучше. Например, регистраторы в городской и земской управе получали 672 и 600 рублей соответственно, а в губернном правлении – 1200 рублей.¹⁹

В годы войны так же, как и МВД, повышали содержание своих служащих городские и земские учреждения. Например, пензенская городская управа в 1916 г. установила прибавки в 60% получающим до 480 рублей в год, 50% – до 600 рублей, 40% – до 1000 рублей, 30% – свыше 1000 рублей²⁰. В 1916 г. в самарской губернской земской управе служащим, получающим менее 900 рублей в год, выплачивался разовый дополнительный оклад, а также прибавка в 25% получающим до 600 рублей в год, 15% – до 900 рублей, 10% – до 1200 рублей²¹. В целом прибавки выходили выше, чем в учреждениях коронной администрации, тем не менее и они не удовлетворяли реальной стоимости жизни. Поэтому право-

мерно говорить лишь о том, что с точки зрения материального обеспечения служба в органах МВД для рядовых служащих стала менее привлекательной с начала 1916 г.

Законодательство не предусматривало каких-либо отсрочек от призыва для служащих МВД, включая полицию. Поэтому с началом мобилизации штаты полиции поредели. Например, уже в конце июля 1914 г. пензенский губернатор доложил в МВД о том, что 15 классных чинов (приставы и их помощники) оказалось призвано на военную службу²². Это привело к тому, что уездным исправникам был разослан циркуляр с рекомендацией замещать должности из числа нижестоящих сотрудников, то есть стантовые приставы должны были замещаться полицейскими надзирателями, надзиратели – секретарями, секретари – столоначальниками, столоначальники – урядниками²³. Таким образом, решение проблемы предполагалось за счет качественного ухудшения работы учреждений, поскольку нижестоящие сотрудники не всегда могли обладать должной квалификацией для выполнения возложенных на них новых обязанностей.

Однако правительство достаточно быстро одумалось и в августе 1914 г. был разослано распоряжение, согласно которому чинам полиции и урядникам предоставлялась отсрочка²⁴. Тем не менее в циркуляре ничего не говорилось о том, чтобы вернуть из армии тех, кого уже успели призвать. То есть с самого начала войны мобилизация нанесла урон штатам полиции. В связи с этим циркуляр МВД предписывал не раздувать штат и распределить обязанности между оставшимися чиновниками²⁵.

Впоследствии каждый новый призыв все более обескровливал и без того скудные штаты полиции. Например, в Курмышском уездном полицейском управлении Симбирской губернии из четырех служащих канцелярии в июле 1914 г. первым был призван канцелярский служащий А.П. Фокин, затем в сентябре 1915 г. – столоначальник А.И. Грубенко, чуть позже в ноябре 1915 г. – столоначальник А.Н. Степанов. В итоге к концу 1915 г. за четверых работал один 24-летний регистратор А.С. Хромин, который находился на службе в структуре МВД меньше двух лет и едва ли обладал достаточным опытом для выполнения всех возложенных на него обязанностей²⁶.

В первый год войны МВД не очень беспокоилось о штатах полиции, и даже напротив старалось пресечь возможные злоупотребления в связи с отсрочками, которые, например, полагались частной полицейской страже. Также МВД запрещало принимать на службу в полицию казаков без согласования с воинскими начальниками. В связи с этим в апреле и июне 1915 г. были разосланы специальные циркуляры²⁷.

Неудачи на фронте и недостаток обученных солдат толкали правительство на различные попытки пополнить войска за счет полицейских служащих. Так, в конце 1915 г. в Государственной думе был подготовлен проект при поддержке военного министра о призыве в войска конно-полицейской стражи. Эта новость встревожила местные власти. В декабре 1915 г. симбирский губернатор А.С. Ключарев в письме в МВД высказал свою озабоченность, указав на то, что этот проект вызывает у него изумление и тревогу. Начальник губернии находил немыслимым заменить стражников ополченцами второго разряда, «недисциплиниро-

ванными вчерашними рабочими»²⁸. Остаться в такой момент «с голыми руками» для губернских властей было крайне рискованно, поскольку в случае народных волнений было невозможно рассчитывать на содействие войск, которые комплектовались новобранцами. Бурная реакция на местах и здравый смысл чиновников министерства позволили избежать реализации проекта.

К 1916 г. проблема кадрового комплектования полиции стала для МВД одной из острейших. В этой связи показателен рапорт самарского полицмейстера в губернское правление, доложившего в июле 1916 г., что в Самаре нет ни одного кандидата ни в стражники, ни в городовые из-за низких окладов, на которые при крайней дороговизне существовать было очень трудно²⁹. Поэтому 23 октября 1916 г., благодаря усилиям министра внутренних дел, Совет министров принял постановление «Об усилении полиции в 50-ти губерниях России и об улучшении служебного и материального положения полицейских чиновников». В постановлении устанавливалось соотношение численности полиции с численностью населения городов и уездов, увеличивались штаты полиции. Принимая во внимание нехватку мужчин из-за их призыва в армию и отправки на фронт, постановление разрешало принимать на службу женщин. Но правительство и МВД уже не успели реализовать это на практике. Например, в Пензенской губернии при введении новых штатов полиции, некоторые должности не были замещены даже спустя несколько месяцев после начала действия постановления³⁰.

На совещании губернаторов, проведенном МВД в 1916 г., отмечалось, что работа местных учреждений при ослаблении личного состава почти на три четверти является непосильной задачей. Каждый из оставшихся чиновников работал за троих. Меры, о которых просили губернаторы, были те же: увеличение финансирования административного аппарата, повысить оклады служащих, предоставить им отсрочки на все время службы. Это показывает, что все перечисленные проблемы кадрового аппарата были общими не только для губерний Среднего Поволжья, но и для всей Российской империи в целом³¹.

Таким образом, Первая мировая война породила трудности, отразившиеся на кадровом аппарате местной администрации. Отсутствие отсрочек для чиновников привело к их массовому призыву. Бывшие военные возвращались к армейской службе, поскольку получали двойное содержание. Оставшиеся чиновники выполняли работу за себя и за своих призванных коллег, что увеличило нагрузку на них. Губернаторы били тревогу, однако МВД реагировало слабо и предлагало неэффективные способы решения проблемы.

Повышение окладов чиновников не соответствовало росту цен и увелившейся в разы стоимости жизни. Только высшие должности в местном аппарате обеспечивались в достаточной степени. Служба в органах коронной администрации стала менее привлекательной, чем в земских и городских учреждениях, где служащие получали отсрочки от призыва и более высокую оплату труда. Кандидатов для занятия новых должностей в органах полиции практически не было. Те меры, которые предлагало правительство, являлись «догоняющими» и не могли улучшить положение чиновников. Таким образом, кадровую ситуацию в местных органах МВД накануне 1917 г. можно охарактеризовать как кризисную, причем явные черты кризиса обнаружались уже в 1915-1916 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX века. СПб., 1999; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999.

² Гарбуз Г.В. Кадровый состав административного аппарата Министерства внутренних дел в Поволжье в начале XX в. // Государство и общество. Вып. 2. Пенза, 2004; Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позд-неимперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.). Самара-Оренбург, 2007;

³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.6. Оп.1А. Д.568. Л.41.

⁴ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.3. Оп.132. Д.1. Л.27.

⁵ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.5907. Л.32.

⁶ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.76. Оп.1. Д.1213. Л.1.

⁷ ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.1217. Л.4.

⁸ ГАПО. Ф.6. Оп.1А. Д.568. Л.82.

⁹ ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.1217. Л.3Об.

¹⁰ Лемке. М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С.517; ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.1497. Л.11Об.

¹¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001. С.105.

¹² ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.1497. Л.11.

¹³ ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.10871. Л.29; ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.1217. Л.3.

¹⁴ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914-1916 гг. Пг., 1915. Т.4. С. 263.

¹⁵ ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.1217. Л.3Об; ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.1493. Л.9Об.

¹⁶ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позд-неимперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.). Самара-Оренбург, 2007. С.154; Вестник чиновника. 1912. №33. С.7.

¹⁷ ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.10871. Л.29.

¹⁸ ГАУО. Ф.76. Оп.1. Д.1217. Л.3Об.

¹⁹ ГАПО. Ф.109. Оп.1. Д.1140. Л.3-4; Журналы Самарского губернского земского собрания 49-й очередной сессии с приложением сметы доходов и расходов, сметы по дорожным и специальным капиталам и докладов управы. Самара, 1914. С.3.

²⁰ ГАПО. Ф.108. Оп.1. Д.737. Л.232.

²¹ Журналы Самарского губернского земского собрания 51-й очередной сессии с приложением сметы доходов и расходов, сметы по дорожным и специальным капиталам и докладов управы. Самара, 1916. С.67.

²² ГАПО. Ф.6. Оп.1А. Д.568. Л.4.

²³ Там же. Л.5.

²⁴ Там же. Л.7.

²⁵ ГАУО. Ф.76. Оп.2. Д.1943. Л.13.

²⁶ ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.1494. Л.8-75.

²⁷ ГАУО. Ф.88. Оп.1. Д.2053. Л.24,34.

²⁸ ГАУО. Ф.76. Оп.6. Д.819. Л.1-2.

²⁹ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.5907. Л.44.

³⁰ ГАПО. Ф.6. Оп.1А. Д.568. Л.82.

³¹ Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. Т.2. М-Л., 1929. С.160.

Н.А. Санникова*

**УПРАВЛЕНИЕ ОСОБОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НКВД СССР.
СОЗДАНИЕ, СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

настоящее время с большой группы документов конца 1930-х гг., военного периода и первых послевоенных лет снимается гриф секретности. Еще полтора десятка лет назад трудно было вообразить, что для исследователей будет открыт фонд Р-2064 Государственного архива Самарской области, в котором сосредоточены документы, появившиеся в период образования и деятельности Управления Особого строительства НКВД СССР, т.е. в 1939-1946 гг.

Фонд имеет две описи. В первой содержится перечень документов общего делопроизводства, во второй – документов постоянного хранения секретного делопроизводства. Основная масса документов относится к периоду Великой Отечественной войны. Информационный потенциал фонда многообразен и требует детального изучения. Он позволяет, безусловно, открыть новые грани в понимании проблем экономики страны предвоенного и военного времени, оснащения Красной Армии, в изучении проблем тыла, важным центром которого являлся г. Куйбышев. Отдельно стоит вопрос о том, какое место в решении всех названных проблем принадлежит системе организаций, учреждений и ведомств НКВД СССР.

Лагерь принудительных работ (концентрационные лагеря), возникшие в 1919 г., поначалу принадлежали НКВД РСФСР формально, фактически ими руководили чекисты. Лишь в октябре 1934 г. вновь образованный наркомат внутренних дел поглотил ОГПУ, а, значит, и окрепший к тому времени ГУЛАГ. Планы форсированной индустриализации экономики страны и коллективизации сельского хозяйства к концу 1920 – началу 1930-х гг. стали полностью определять направленность репрессивной политики и дали мощный импульс для реализации идеи широкого использования труда заключенных. Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. в руки ОГПУ передавались все осужденные к лишению свободы на срок от 3-х лет и выше. Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛАГ) ОГПУ, созданное в апреле 1930 г., уже с 1 октября того же года получило статус Главного управления. Многочисленные армии арестованных, в качестве почти бесплатной рабочей силы, направлялись на стройки, рытье каналов, добычу полезных ископаемых. Использование труда заключенных стало реальным фактором экономического развития страны. Среди объектов, построенных руками заключенных, числятся, наряду с каналами Москва-Волга, Беломоро-Балтийским и Волго-Донским, и такие объекты, как здание Московского государственного университета, высотное здание на Котельнической набережной и здание, где сейчас находится Государственный архив Российской Федерации, хранящий основную часть документации Гулага (1). К 1930 г. относится

* © Санникова Н.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, 2008

появление такой категории наказанных советской властью, как спецпереселенцы: сначала раскулаченные, затем, в годы Второй мировой войны, и целые народы – поляки, эстонцы, калмыки, крымские татары и др.

Следует определить, что представляла собой система УОС НКВД СССР, находившаяся на территории Куйбышева и Куйбышевской области. В предвоенный период наблюдался взрывной рост количества Управлений ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) на местах. Все большее число новых строителей поручается системе НКВД. В результате из аппарата ГУЛАГа уже в 1940 г., наряду с уже существовавшим Главным управлением строительства на Дальнем Севере, были выделены самостоятельные производственные главки, использовавшие труд заключенных.

Перед СССР стояла задача оснащения армии новейшим вооружением, ставшая особенно актуальной с началом Второй мировой войны. Составной частью ее являлось развитие ускоренными темпами авиастроения.

В связи с этим, постановлением Комитета Обороны при СНК СССР № 343 от 6 августа 1940 г. (и специальными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР), Народному комиссариату внутренних дел СССР было поручено строительство группы авиационных заводов в районе г. Куйбышева. Этим же постановлением Наркомату внутренних дел СССР было разрешено организовать специальное управление по строительству авиационных заводов на правах Главка (2).

28 августа 1940г. приказом Наркомата внутренних дел СССР № 001060с было создано Управление Особого строительства НКВД СССР (УОС НКВД СССР) с дислокацией на станции Безымянка, находившейся в то время в 18 км от г. Куйбышева.

На Управление Особого строительства возлагалось строительство авиационных заводов № 122, 295, моторного завода № 337, аэродрома, жилгородка для этих заводов, а также достройка Безымянской ТЭЦ и кирпичного комбината, строительство которых было начато строительством Куйбышевского гидроузла НКВД СССР (3). Объемы строительно-монтажных работ на тот период являлись *самыми крупными* из всех строек Советского Союза. Впоследствии, на основании постановления СНК СССР от 26 декабря 1940 года, на Управление Особого строительства было возложено также строительство карбюраторного завода № 281.

Для обеспечения строительства рабочей силой был создан, на основании приказа Наркомата внутренних дел СССР № 001203 от 25.09.1940г., Безымянский исправительно-трудовой лагерь, который к концу 1940 года был переименован в Управление лагерей по строительству Куйбышевских заводов.

Возглавлялось Управление Особого строительства начальником, который подчинялся непосредственно особому уполномоченному наркома внутренних дел по строительству авиационных заводов (4). С 26 февраля 1941 г. и до 20 декабря 1945 г., практически весь период существования Особстро, начальником Управления лагерей НКВД по строительству Куйбышевских заводов являлся старший майор госбезопасности, а с 23 февраля 1943 г. – генерал-майор инженерно-технической службы Александр Павлович Лепилов (5).

УОС НКВД СССР развернуло работы широким фронтом. Однако начало войны внесло существенные коррективы в производственные планы НКВД. Ряд строи-

тельство был остановлен, а обеспечивающие их рабочей силой управления исправительно-трудовых лагерей расформированы. Рост системы лагерей вновь начался лишь после окончания войны. УОС НКВД СССР и Безымянлаг, поставивший заключенных в качестве рабочей силы, были сохранены, хотя объемы работ и число заключенных, как свидетельствуют документы, постепенно сокращались, что и привело к закрытию системы в 1946 г. Таким образом, Великая Отечественная в значительной степени усложнила задачи, поставленные перед данным строительством. Вместо первоначально запланированных строителств заводов, уже в IV квартале 1941 года встала необходимость дать производственные площади 6-ти эвакуированным авиазаводам – № 1, 18, 24, 305, 35, 165, обеспечив их одновременно электроэнергией и жильём для рабочих. Кроме того, возник ряд новых, ранее не запланированных, объектов: №15 и объект А. Несмотря на колоссальные трудности, Управление Особого строительства обеспечило производственными площадями эвакуированные предприятия, что позволило им в конце 1941 года и в первые месяцы 1942 года вступить в строй действующих производств.

В 1942 году был досрочно построен и сдан в эксплуатацию Наркомату авиационной промышленности карбидный завод, закончены строительством и введены в эксплуатацию трамвайные пути протяжением 8,7 км, соединяющие г. Куйбышев с Безымянкой. Закончено сооружение Черновской автомагистрали, протяжением 10,6 км (ныне ул. Гагарина).

В следующем году было закончено строительство для наркомата связи объекта № 15 в районе Ново-Семейкино, самой мощной на тот момент в мире радиостанции, способной осуществлять не только внутрисоюзное радиовещание, но и зарубежные трансляции. Учитывая военное время, она имела бомбозащитное укрытие (б). Основной же задачей, стоявшей перед Управлением Особого строительства в 1943 году, стали подготовительные работы по строительству нефтеперегонного завода на новой площадке в районе станции Кряж.

В 1944 году Управление Особого строительства вело работы по строительству первой очереди нефтеперегонного завода. В конце года, для выполнения строительно-монтажных работ по объектам Куйбышевского нефтекомбината, был создан Самаро-Лукский район УОС, в задачи которого входило строительство и обустройство 3-х нефтепромыслов.

До конца 1945 года Управление Особого строительства продолжало работы по строительству нефтеперегонного завода и сооружений на нефтепромыслах Куйбышевского нефтекомбината.

В I квартале 1946 года большинство подразделений управления были переданы Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) УМВД по Куйбышевской области, часть подразделений – на баланс заказчиков, а само управление было передано из системы Министерства внутренних дел в ведение Главного Управления по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности (Главнефтегазстрой) Министерства строительства топливных предприятий СССР. Функции и структура его были изменены.

Что же представляла собой структура управления Особого строительства НКВД СССР?

Структура УОС и его подразделений была определена приказом по Управлению от 25 марта 1941 года и введена в действие с 1 апреля 1941 года (7).

Согласно данному приказу, в структуре управления были выделены 30 служб и отделов: Руководство, Отдел кадров, Центральная бухгалтерия, Секретариат, Мобинспекция, Фотослужба, Юридическое бюро, Планово-финансовый отдел, Секретная часть, Отдел связи, Административно-хозяйственный отдел, Санитарный отдел, Ветеринарная инспекция, Хозяйственно-жилищный отдел, Бюро технического контроля, Бюро рационализации и изобретательства, Отдел организации труда и зарплаты, Отдел главного диспетчера, Бюро техники безопасности, Контрольно-сметный отдел, Отдел организации строительных работ, Отдел распорядительный по строительству, Центральная строительная лаборатория, Отдел главного механика, Технический отдел, Отдел распорядительный по монтажу, Отдел механо-монтажа, Отдел энерго-монтажа, Почтово-посылочная экспедиция, Отдел оборудования. Данная структура представляется типичной для того времени.

В марте 1941 года в структуре управления произошли изменения: административно-хозяйственный отдел был переведён на самостоятельный баланс и стал подразделением 1-го звена, а во II квартале 1941 года отдел оборудования был выделен из управления на правах подразделения 1-го звена. В остальном же структура осталась без изменений.

Структуру самого управления за весь период его существования проследить не удалось, т.к. штатные расписания сохранились не за все годы. Документы фонда Р-2064 ГАСО позволяют заметить, что в военный период определенные изменения, конечно же, происходили, однако они не были кардинальными и сводились, главным образом, к объединению служб, к слиянию структурных подразделений, отделов. Другой особенностью стало появление служб, отсутствовавших до начала военных действий. В 1944 году насчитывалось 13 отделов и служб: Руководство, Производственно-плановый отдел, Отдел главного механика, Учётно-финансовый отдел, Отдел кадров, Оперативно-чекистский отдел (до войны его не было), Почтово-посылочное отделение, Комендатура управления (отсутствовала до войны), Секретная часть, Канцелярия, Ветеринарная инспекция, Санитарный отдел, Политотдел (отсутствовал до войны).

Данная структура сохранилась до 1946 года, т.е. до расформирования УОС НКВД СССР (8).

Сокращение структуры управления произошло, главным образом, из-за сокращения объёмов работ.

Особый интерес вызывает состав подразделений Управления особого строительства, конкретных производств.

В начале своего существования, в связи с прекращением работ по строительству Куйбышевского гидроузла, Управление особого строительства приняло от строительства Куйбышевского гидроузла следующие объекты:

Безымянская ТЭЦ, Куйбышевская ТЭЦ, Центральный механический завод, Киркомбинат, Куйбышевский ДОК, Строительство жилых домов, Красноглинская железная дорога, Жигулевская контора нерудных материалов, Жигулевский

ДОК, Жигулёвская лесобиржа, Зубчаниновский участок, Ново-Семейкинский участок, Главная контора торговли и общественного питания, совхозы (9).

Помимо принятых предприятий, в Управлении особого строительства была утверждена сеть хозрасчётных подразделений 1-го звена общим числом 23 (9). Среди них – 1-й, 2-й, и 3-й районы, осуществлявшие строительство заводов и постройку межрайонных шоссейных дорог, 4-й район – занимавшийся работами по строительству рабочего посёлка, 5-й район, выполнявший работы по строительству теплоэлектростанций.

Контора подсобных предприятий объединяла все лесобиржи, подсобные предприятия по производству и выработке кирпича, камня, извести, алебаstra, песка и пиломатериалов.

Автотранспортная контора объединяла весь автопарк УОС.

Мехзавод и Цех металлоконструкций занимались изготовлением металлоконструкций, производством нестандартного оборудования и запчастей.

Отдел общего снабжения осуществлял обеспечение строительства продовольствием, фуражом, канцтоварами и вещевым довольствием.

Контора электроснабжения была организована как часть аппарата отдела главного механика.

Сельско-хозяйственный отдел объединял животноводческие, овощные и растениеводческие совхозы. Он был ликвидирован в 1941 году, а функции его переданы отделу общего снабжения.

Красноглинский отдельный участок являлся санитарным городком на строительстве.

Отдел железнодорожных перевозок выполнял перевозки по железнодорожным ветвям УОС. Перевозками занималась также контора водных перевозок.

Комбинат технической учёбы был создан для подготовки квалифицированной рабочей силы.

Ремонтно-строительная контора занималась ремонтом и переоборудованием служебных и подсобных помещений. Была ликвидирована на основании приказа УОС № 72/У от 8 февраля 1941 года.

Контора механизации – возникла в декабре 1940 года и просуществовала до 4 марта 1941 года. В ведении её находились все строймеханизмы. После ликвидации конторы строймеханизмы были возвращены строительным районам и конторе подсобных предприятий.

В 1942 году в структуре подразделений 1-го звена произошли значительные изменения, главным образом из-за сокращения объёмов работ, а также ввиду окончания работ на отдельных строительных площадках. С 1-го июня 1942 г. были объединены 1 и 2 строительные районы и цех металлоконструкций в одно хозяйственное подразделение – трест «Промстрой». Трест «Промстрой» просуществовал до 1 сентября 1942 года и был ликвидирован с выделением из него самостоятельных подразделений 1-го звена: 1, 2, 3, и 4 строительных контор.

На базе 4-го района 1 июня 1942 года был организован трест «Жилстрой». Трест занимался строительством жилищных и культурно-бытовых учреждений.

5-й строительный район 1 июня 1942 года был реорганизован в трест «Монтажстрой», на который возложили ведение всех монтажных работ.

Можно проследить и другие реорганизации хозяйственных подразделений УОС НКВД в течение военного 1942 года.

В соответствии с приказом УОС № 182/У от 27 мая 1942 года контора подсобных предприятий была реорганизована в Жигулёвский район.

В июле 1942 года, в соответствии с приказом по УОС № 188/У от 3 июня 1942 года, путем выделения из трестов «Промстрой» и «Жилстрой» части работ был создан трест «Доркоммунстрой», который просуществовал до 1 декабря 1942 года. В связи с ликвидацией трестов «Промстрой» и «Доркоммунстрой» не законченные строительством объекты были переданы тресту «Монтажстрой», сосредоточившему всё промышленное строительство.

С 1 сентября 1942 года начала действовать гужтранспортная контора, созданная на основании приказа по УОС № 324/У от 29 августа 1942 года. В состав конторы вошли конные парки стройрайонов, трестов и Жигулёвского района. В ноябре 1942 года Управление особого строительства передало строительному тресту № 25 строительные конторы № 1, 2, 3, 4, а из ведения отдела общего снабжения ему были переданы совхозы «Пионер» и «Жигули».

Административно-хозяйственный и жилищно-коммунальный отделы были реорганизованы в один хозяйственно-жилищный отдел.

В числе действующих на 1 января 1943 года значились следующие подразделения 1-го звена: трест «Жилстрой», трест «Монтажстрой», Главная контора технического снабжения, Отдел общего снабжения, Строительство № 15, Жигулевский район, Контора электроснабжения, Отдел железнодорожных перевозок, Контора водных перевозок, Автотранспортная контора, Гужтранспортная контора, Отдельный Зубчаниновский участок, Отдельный Красноглинский участок, Хозяйственно-жилищный отдел, Главная контора торговли и общественного питания – всего 15 подразделений.

Таким образом, по сравнению с довоенным временем, число хозяйственных подразделений сократилось с 23-х до 15.

В 1943 году, в связи с сокращением объёмов капиталовложений, была вновь пересмотрена структура подразделений и сокращено их число (11). Ряд подразделений 1-го звена были ликвидированы. Так, автотранспортная контора с подразделениями, гужтранспортная контора с 5-ю конебазами, контора водных перевозок, предприятия Жигулевского района влились в состав Главной конторы технического снабжения.

Часть хозяйственных объектов вышли из ведения УОС. Объекты промышленного и жилищного строительства, как законченные, так и незаконченные, расположенные на территории Безымянской площадки, полностью были переданы 11-му строительному тресту и сняты с баланса Управления особого строительства. Теплоэлектростанции были переданы Куйбышевэнерго. Водопровод, канализация, очистные сооружения и трамвайные линии, обслуживающие Жилпоселок, были полностью переданы в эксплуатацию Куйбышевскому горкомхозу.

В составе самого УОС в декабре 1943 года был ликвидирован Жигулёвский район.

Произошедшие изменения, реорганизации привели к тому, что к 1 января 1944 года из действующих подразделений 1-го звена свои расчетные счета в Гос-

банке имели только Отдел общего снабжения и Ново-Буянский лесозаготовительный район.

В декабре 1944 года для выполнения строительно-монтажных работ по объектам Куйбышевского нефтекомбината в малообжитых месторождениях нефти был создан Самаро-Лукский район, который имел 7 строительно-монтажных участков (Губинский, Печерский, Ставропольский, Зольненский, Отваженский, дорожный и электромонтажный). К концу II квартала 1945 года главнейшие объекты нефтеперегонного завода были закончены и сданы в эксплуатацию. Работы велись в основном в районе Самарской Луки. В марте 1940 года все незавершенные строительством объекты были переданы на баланс заказчиков (частично) и в ведение Главнефтегазстроя.

Все вышесказанное позволяет судить, насколько многообразны были функции УОС НКВД СССР, действовавшего в г. Куйбышеве и Куйбышевской области, а также о значимости его в формировании инфраструктуры Куйбышева и экономического облика нашего региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960: сборник документов // Под ред. Акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров.- М., 2002. – С. 6-7.
2. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-2491. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 6.
3. Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 1-7.
4. Там же. Д.23. Л. 74.
5. А.П. Лепилов в 1925 г. окончил Московский институт народного хозяйства имени Плеханова, в системе ГУЛАГа работал с сентября 1939 г. За строительство оборонительных и авиазаводов, а также завода № 443 Наркомата нефтяной промышленности СССР в бытность свою начальником УОС НКВД СССР в г. Куйбышеве был награжден тремя орденами Ленина. – См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 830.
6. ГАСО. Ф. Р-2064. Оп. 2. Д. 141. Л. 3-6.
7. Там же. Предисловие к описи 1. Л. 3.
8. Там же. Л. 4-5.
9. Там же. Л. 5-6.
10. Там же. Л. 6-8.
11. Там же. Л.9-11.

Н.Н. Кабытова*

ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСКИЕ СЪЕЗДЫ В 1917 ГОДУ

крестьянские съезды 1917 г. в Поволжье сыграли исключительно важную роль в регулировании взаимоотношений местной администрации Временного правительства с органами самоуправления и другими общественными организациями. На всероссийских, губернских, уездных крестьянских съездах обсуждался весь комплекс вопросов революционного времени. Постановления губернских и уездных съездов оказывали непосредственное влияние на местную власть. Являясь наиболее представительными массовыми общественными объединениями, крестьянские съезды выступали инициаторами изменения партийно-социального состава губернской и уездной администрации Временного правительства. Они разрабатывали правила организации власти, самоуправления, аграрных отношений. На крестьянских съездах разгорались острейшие дискуссии по всем политическим вопросам, в ходе которых делегаты от крестьянских обществ противостояли организаторам от политических партий.

В советской исторической литературе было распространено мнение о наличии факта классового сотрудничества буржуазии и крестьянства в первые месяцы после Февраля 1917 г.¹ В настоящее время восстанавливается историографическая тенденция двадцатых годов нашего столетия, рассматривавшая крестьянские комитеты, советы, съезды как организующую силу аграрной революции 1917-1918 гг. Современные исследователи не только доказали наличие самостоятельных требований крестьянских комитетов по политическим вопросам², но и начали выявлять основные способы и методы их влияния на формирование власти в ходе революции³.

Уже первые губернские крестьянские съезды взяли на себя правотворческую миссию, разрабатывая и утверждая инструкции по формированию самоуправления, его взаимодействия с местной администрацией на переходный период. Материалы губернских и уездных съездов, проходивших в марте-апреле 1917 г. на территории Поволжья, показывают, что на местах проявилась тенденция к более глубоким социально-политическим преобразованиям. Этим, кстати, воспользовался В.И. Ленин, призвавший не оказывать «никакой поддержки Временному правительству»⁴, чем внес раскол в лагерь революционной демократии.

Все крестьянские съезды непременно поддерживали Временное правительство, но часто на словах, а не на деле. Поэтому необходимо не только рассмотреть решения съездов по политическим вопросам, но и проследить сам процесс их обсуждения. В резолюциях различных форумов многие важные нюансы того или иного вопроса не находили отражения и тем самым выхолащивалось его содержание. Особенно это заметно при обсуждении на крестьянских съездах вопросов о власти, войне и мире, будущем государственном устройстве. Под де-

* © Кабытова Н.Н. – профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2008

мократией крестьянские делегаты съездов вообще понимали нормы обычного общинного права, в связи с чем поддерживали Временное правительство, которое объявлялось демократическим.

В процессе обсуждения вопросов организации местного управления на первых губернских крестьянских съездах наглядно проявилось стремление к обособлению низовых крестьянских комитетов от органов местной администрации Временного правительства. Так, Самарский губернский крестьянский съезд, обсуждавший 28 марта 1917 г. вопрос о принципах формирования губернского комитета народной власти, выразил доверие Временному правительству вообще, но не его губернской администрации. Делегаты съезды приняли «Наказ Временного Самарского Комитета Народной власти», который рассматривал себя, а не комиссара представителем власти Временного правительства в губернии⁵. Споры на съезде разгорелись лишь о нормах представительства крестьянства в исполкоме Комитета народной власти, члены которого предложили делегировать в него 10 человек. Это не устраивало уездных делегатов съезда, настаивавших на нормах пропорционального представительства от всего населения в губернском Комитете народной власти.⁶ После объявления всего состава съезда временным Советом крестьянских депутатов его организаторам удалось увеличить представительство в Комитете Народной власти до 21 человека. Такое конструирование губернской власти было неустойчивым, аморфным, создававшим предпосылки для разобщенных действий различных общественных сил.

Объявив о создании Совета крестьянских депутатов, губернский съезд заложил основу организации новой представительной структуры для координации действий крестьянских комитетов. Так, рассматривая обязанности сельских, волостных, районных и уездных комитетов народной власти, съезд вменял им в обязанность охрану «частной собственности, личных и имущественных интересов частных граждан твердо и властно»⁷. Под давлением крестьянских сходов, придерживавшихся прямо противоположных принципов по вопросу частной собственности на землю, сельские и волостные комитеты народной власти стали обращаться за поддержкой в Совет крестьянских депутатов⁸.

Анализируя решения крестьянских съездов, проходивших в марте 1917 г., необходимо отметить царившую на них атмосферу энтузиазма в связи с началом демократических преобразований в стране. Однако уже в первый месяц революции на крестьянских съездах проявилось стремление к созданию, поддержке, а иногда и обособлению низовых структур сельского самоуправления. Эта тенденция получит дальнейшее развитие в ходе крестьянской борьбы за землю. Руководители и организаторы крестьянских съездов, проходивших в поволжских губерниях в апреле-мае 1917 г., будут ее поддерживать с целью расширения социальной базы своих политических партий и союзов.

Крестьянские съезды, собиравшиеся в Поволжье в апреле 1917 г., вопросам организации власти в деревне уделяли более пристальное внимание. В ходе прений по строительству местной власти на новых демократических началах делегаты съездов развивали идею необходимости сосредоточения управления сельским миром в низовых крестьянских организациях. Именно на них крестьянские съезды возлагали проведение в жизнь своих решений.

Апрельский кризис Временного правительства привел, как известно, к созданию нового коалиционного его состава. Это событие по-разному оценивалось различными общественно-политическими силами в центре и провинции. Большевики, единственные из четырех крупных политических партий, не представленные в новом составе Временного правительства, продолжали резко критиковать его политику. Они упрекали в соглашательстве с классовыми врагами, обвиняли в предательстве интересов трудящихся министров-социалистов и партии, к которым те принадлежали. В.И. Ленин оценивал с трудом достигнутое между Временным правительством и исполкомом Петросовета соглашение⁹ как начало «медового месяца бракосочетания «социалистов», эсеров и меньшевиков с буржуазией в коалиционном правительстве»¹⁰. Однако совсем не таким «сладким», как казалось большевикам, был этот месяц для коалиционного Временного правительства – на местах различные общественные объединения все чаще выступали с условной его поддержкой.

Оценивая через месяц деятельность первого коалиционного состава Временного правительства, его критики справа, кадеты и октябристы потребовали «вести стремление масс в рамки законности и планомерного осуществления»¹¹. Недовольные деятельностью министров-социалистов, они упрекали их за мягкотелость и терпимость к проявлениям бунтарских действий масс и поддерживавших их общественных организаций. Характерно в этом отношении заявление В.А. Маклакова на совещании членов IV Государственной Думы 3 июня 1917 г. Он обвинил всех социалистов в потворстве беззаконию и углублении революции: «Они получили право создавать законы и поэтому должны беспощадно карать за беззаконие. И поэтому нужно, чтобы они отделились, я не говорю от революционной фразеологии, пусть способ выражения остается какой угодно, но от революционной идеологии»¹². Умеренные социалисты, сотрудничавшие с Временным правительством, и сами понимали опасность всеобщего бунта, но сдерживать революционную инициативу на местах были не в состоянии. Рабочие, солдаты, крестьяне обращались к таким общественно-политическим структурам, которые поддерживали, пусть даже декларативно, их требования. Это способствовало углублению раскола между властью и обществом.

В Поволжье недовольство масс политикой Временного правительства было использовано местными лидерами эсеров для вхождения во власть, либо для укрепления своих позиций в органах самоуправления. Все крестьянские съезды, проходившие здесь в мае 1917 г., выражали поддержку Временному правительству, но далеко не безоговорочную. На сельских сходах и волостных собраниях, уездных и губернских съездах составлялись наказы делегатам, избиравшимся на Всероссийский крестьянский съезд.

Новая расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 года кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы. Массы испытывали все более острое чувство разочарования. Надежды получить от Временного правительства мир, землю и свободу обнаружили свою несостоя-

тельность. В связи с этим увеличились проявления анархизма и стихийные экстремистские действия отчаявшихся людей: «голодные бунты» рабочих, неорганизованные солдатские выступления, крестьянские погромы имений и хуторов. Правительство пыталось одновременно сделать невозможное: навести порядок в стране и соблюсти демократические принципы управления.

Местные органы власти осенью 1917 года переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Провозглашение советской власти в губернских и некоторых уездных центрах еще не означало победы нового строя на местах. Более того, передел власти вызвал обострение социальной напряженности в крае и без того охваченном крестьянской войной за землю. Все политические силы после захвата власти большевиками сосредоточили свое внимание на крестьянских организациях, надеясь привлечь их на свою сторону. В конечном итоге окончательное решение вопроса о власти в революционной России зависело от поддержки социального большинства, которое представляло крестьянство.

Для обеспечения материальной силы своей власти большевики обратились к крестьянству, декретируя его главное требование в революции – уравнительный земельный передел. На Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов сформировался блок большевиков и левых эсеров. Последние осудили позицию Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовавшего «восстановления законного Временного правительства».¹³ II Всероссийский крестьянский съезд избрал новый состав ЦИК, который совместно со ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов второго созыва должен был провести в жизнь его постановления. Здесь же окончательно оформился раскол партии социалистов-революционеров.

Очередные губернские крестьянские съезды, созывавшиеся в Поволжье в ноябре-декабре 1917 года, решали, как и всероссийский, прежде всего вопрос об организации новой власти на местах. Эсеры, монополизировавшие в регионе руководство крестьянскими организациями, стремились не допустить участия большевиков в работе съездов, но оградить крестьянских депутатов от общения с представителями рабочих и солдатских советов они не могли. Так губернские крестьянские съезды стали ареной яростного противоборства радикальных и умеренных политических сил, отстаивавших принципиально различные формы осуществления политической власти. В охваченном крестьянской войной за землю Поволжье победить могли лишь радикальные политические силы, но делегатов съездов предстояло убедить в преимуществах той формы власти, которые они предлагали.

На всех губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в Поволжье в связи с установлением советской власти в деревне, была одобрена тактика большевиков в отношении Учредительного собрания В.И. Ленин впоследствии констатировал: «В России в сентябре-ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента»¹⁴. Действительно, крестьянские съезды, сначала условно поддерживая Учредительное собрание, затем не только не сожалели, но и одоб-

рили его роспуск большевиками. Советские историки считали это следствием успешной агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии¹⁵, политики-эмигранты первой войны – коллективным помрачением массового сознания¹⁶, современные исследователи активно эксплуатируют тезис о победе традиционализма над модернизацией по западному образцу.¹⁷ Скорее всего, мимикрия большинства социума в отношении идей и практики Учредительного собрания в России объяснима всем комплексом названных причин, которые требуют специального непредвзятого изучения.

Поддержка на местах роспуска Учредительного собрания советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов способствовала укреплению советской власти. Ее легитимность была подтверждена в ходе совместных заседаний III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, начавшего работать 10 января 1918 г., и III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, открывшегося 13 января 1918 г. Предварительно между ЦК большевиков и ЦК левых эсеров была достигнута договоренность об этом объединении.¹⁸ Здесь были одобрены «все декреты и постановления новой народной Советской власти»¹⁹. Съезд подвел итог ожесточенной борьбе политических партий за крестьянство, развернувшейся в провинции после захвата власти большевиками. В ходе ее не только демократические, но и умеренно-социалистические партии потеряли опору сначала среди рабочих, солдат, а затем и крестьян. Они вынуждены были признать, что «стоило большевикам усилить работу в массе крестьян, как и не трудно стало сделать их большевиками»²⁰.

На III Всероссийском съезде произошло объединение советов, что привело к созданию единообразной системы советской власти. Таким образом была законодательно оформлена новая форма российской государственности. На местах этот процесс в ряде случаев опережал центр. В Поволжье объединение советов обычно осуществлялось на губернских и уездных крестьянских съездах, к началу работы которых приурочивались съезды советов рабочих и солдатских депутатов.²¹ На объединенных заседаниях создавались совместные исполнительные органы советской власти, которые должны были выполнять директивы ВЦИК Советов «по коренной ломке старых буржуазно-бюрократические учреждений, полном разрыве с буржуазией и беспощадной борьбе с капитализмом до полного его уничтожения»²². В Казанской, Саратовской и Пензенской губерниях объединение советов произошло в ходе установления советской власти еще до III Всероссийского крестьянского съезда, а в Самарской и Симбирской губерниях на основе его решений в январе 1918 года.

В течение января-марта 1918 года в Поволжье завершился процесс слияния советов в губернских и уездных центрах, шло интенсивное образование волостных и сельских советов. Первоначально большинство советов, взяв власть, пытались использовать органы местного самоуправления, лишь ограничивая их деятельность «ведением хозяйственной части»²³ под своим контролем. При этом они постоянно подчеркивали, что «политическим строем ведают советы».²⁴ После объединения губернских советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими не только в центре, но и на местах усиливается тенденция к ликвидации дум и земств как чуждых новой власти общедемократических структур.²⁵ По

инициативе местных советов и съездов принимались решения о соединении функций администрации и самоуправления в единой структуре советской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Осипова, Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции/Т.В.Осипова – М., 1974. – С. 76.

² Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России/ Г.А.Герасименко – М., 1990; Седов, А.В. Крестьянские комитеты в 1917 году: Идея, организация, статус/А.В.Седов – Саратов, 1990; Кабытова, Н.Н. Временное правительство и его органы местной власти в 1917 году/Н.Н.Кабытова // Русский язык, культура, история. – М., 1997. – С. 266-270.

³ Герасименко, Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты (1917)/ Г.А.Герасименко – М., 1992; Орландо Файджес. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции. – М., 1994. – С. 230-237.

⁴ Ленин, В.И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17 апреля) 1917 г. /В.И.Ленин// Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 107.

⁵ Самарская летопись.– Самара, 1994. – Т. II. – С. 144.

⁶ Щелков, А.Б. Местные органы власти в России в 1917 году (На материалах Самарской губернии) /А.Б.Щелков// Историко-археологические изыскания. – Вып. I. – Самара, 1996. – С. 26.

⁷ Известия Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 30 марта.

⁸ Государственный архив Самарской области (ГАСамО). – Ф. 823.– Оп. 1. – Д. 13. – Л. 66.

⁹ Милюков, П.Н. Воспоминания. /П.Н.Милюков. – М., 1990. – Т. 2. – С. 19.

¹⁰ Ленин, В.И. Государство и революция /В.И.Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 13.

¹¹ Ненароков, А.П. 1917: Краткая история, документы, фотографии / А.П.Ненароков – М., 1988. – С. 109.

¹² Там же.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 3875. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1 об.

¹⁴ Ленин, В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме /В.И.Ленин// Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 43.

¹⁵ Городецкий, Е.Н. Рождение советского государства. 1917-1918 /Е.Н.Городецкий. – М., 1987. – С. 281; Знаменский, О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения/О.Н.Знаменский – Л., 1976. – С. 348; Минц, И.И. История Великого Октября/И.И.Минц – М., 1977. – Т. 3. – С. 829; Трапезников, С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос/С.П. Трапезников. – М., 1967. – Т. 1. – С. 350 и др.

¹⁶ Деникин, А.И. Очерки русской смуты /А.И. Деникин – М., 1991. – С. 177; Записки белогвардейца лейтенанта N.N. // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 10. – С. 62 и др.

¹⁷ Булдаков, В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997.. – С. 183; Леонов, С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг./С.В.Леонов – М., 1997. – С. 159; Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели /Л.Г.Протасов – М., 1997. – С. 224; Красильников, В.А. Вдогонку за прошедшим веком / В.А.Красильников – М., 1998. – С. 57.

¹⁸ Ионкина, Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры/Т.Д.Ионкина – М., 1974. – С. 88.

¹⁹ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 2. – Д. 15. – Л. 8.

²⁰ Наш путь. – Пенза. – 1917. – 19 декабря.

²¹ См. подробнее: Кабытова, Н.Н. Роль крестьянских съездов в объединении советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов/ Н.Н.Кабытова// Великий Октябрь и гражданская война в Поволжье. – Куйбышев, 1986. – С. 90-96.

²² ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 2. – Д. 15. – Л. 8.

²³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 25.

²⁴ Там же.

²⁵ Леонов, С.В. Рождение советской империи.../С.В.Леонов – С. 149.

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Ю.Н. Смирнов*

САМАРСКИЕ КОРНИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Происхождение и прошлое оренбургского казачества тесно связаны с двумя обширными историко-географическими регионами России, уральским и поволжским. Преимущественная и почти исключительная привязка истории этого казачьего войска к Южному Уралу в научной литературе – результат хозяйственных, военных и административных изменений середины XIX века. Однако ранние страницы этой истории нельзя понять без учета материалов по Самарскому Заволжью, что и определило тему настоящей статьи, написанную по материалам Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге, а также по различным опубликованным источникам.

Официальное старшинство Оренбургского войска велось с 1574 г. и было привязано ко времени строительства острожка Уфы. Данное решение обосновывалось тем, что в уфимском гарнизоне служили казаки, «большая часть которых в 1742 году была переселена в город Оренбург и впоследствии вошла в состав Оренбургского казачьего войска»¹. Между тем такое обоснование приложимо и к городу-крепости на Самаре, ровеснику Уфы, и его казакам, которые сыграли не менее значимую роль в формировании оренбургского казачества².

При определении в 1912 г. официальной точки отсчета старшинства Оренбургского войска сказались реалии второй половины XIX – начала XX вв. Выбор между Самарой и Уфой в пользу последней сделан с учетом отсутствия в то время постоянного казачьего населения на территории Самарского края, а также подкреплялся исторической традицией длительного (с 1744 по 1865 гг.) пребывания Оренбурга и Уфы в составе одной губернии³.

* © Смирнов Ю.Н. – профессор, декан исторического факультета Самарского государственного университета, 2008

Хотя самарские земли во второй половине XVI в. стали одним из центров складывания вольного русского казачества, но благоприятная для него ситуация длилась недолго. Московское правительство смогло установить контроль над волжским путем. Возможности для казаков укрепиться на берегах великой реки в качестве самостоятельной силы были окончательно утрачены уже по окончании Смутного времени в начале XVII в. Хотя уходившие с Волги на восток вольные казаки попадали зачастую в состав тех территориальных казачьих обществ (Яицкого, Исетского), которые впоследствии приняли участие в формировании Оренбургского войска⁴, но ядро последнего все же складывалось в иных военно-административных условиях и ближе к волжским берегам, где казачество не исчезло совсем, а приобрело иные формы быта и организации.

С 1620-х – 1630-х гг. казаки являлись частью населения приволжских городов и при этом оказались на государственной службе. В 1728 г. в гарнизоне Самары насчитывалось 100 служилых казаков. После основания укрепленного самарского пригорода Алексеевска в 1704 г. и там появились служилые казаки⁵.

Значительный рост казачества в Заволжье произошел после того, как в 1736 г. по инициативе руководителя Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, видного государственного деятеля и ученого, началось сооружение Самарской укрепленной линии. Кирилов, проложив от р. Яика к г. Самаре, где пребывал штаб экспедиции, новую дорогу, которая была названа Московскою, назначил на ней места под крепости и «станции нерегулярных людей». Первая станция «охотников-казаков» была основана на Бузулуке, притоке р. Самары, и сначала заселялась выходцами с Яика и из служилых иноверцев Уфимского уезда⁶.

Самарская линия стала частью укреплений, протянувшихся от Волги до Тобола, на юго-восточных землях России, которые вошли в 1744 г. в состав Оренбургской губернии. Наряду с ней были сооружены другие линии (дистанции): Нижнеяицкая, Верхнеяицкая, Сакмарская, Красногорская, Орская, Верхнеуйская, Нижнеуйская. Именно в крепостях и слободах этих линий, а также в городах Самаре, Уфе, Оренбурге проходило формирование военных команд и общин нового казачьего войска⁷.

По ведомости от 27 октября 1736 г. значатся заложенными или намеченными к закладке по реке Самаре 5 крепостей. По мнению Кирилова, было необходимо иметь в каждой крепости от 100 до 500 постоянных жителей-казаков. С заселением крепостей были связаны большие трудности. К 27 октября поселенцев еще не было в Борской и Сорочинской крепостях. В Тоцкой числился один казак. В Красносамарскую в казаки было записано 30 чел. из числа ссыльных. Больше всех (156 чел.) было определено в Бузулуцкую (78 из яицких и сакмарских казаков, 12 из калмык, 41 из «разночинцев», 19 из татар и 6 из ссыльных)⁸.

Ссыльных широко использовали на военной службе и в качестве земледельцев или работников. В указе 11 февраля 1736 г. было установлено «вместо Сибири ссыльных в Оренбург посылать, коих распределять в казаки, на пашню и в шахты»⁹. Кроме ссыльных, остальные легальные источники пополнения людьми пограничных поселков оказались малодейственными, в связи с чем встала проблема самовольных переселенцев, которых называли «сходцами».

Правительство разрешило поселять в новые городки тех беглых, кто добровольно возвращался с Яика. Одновременно оно дало указание прекратить приток беглецов из других районов страны учреждением застав в городах Самаре и Сызрани. Однако власти не выполнили это поручение, что не было случайностью или плодом бюрократической неразберихи. Фактически на местах поощрялся прием беглых из губерний коренной России. Такая практика была не нова, но Кирилов сделал ее настолько общепринятой, как никто до него.

Кирилов вообще не стал делать на Яике оповещения о наборе на службу скрывавшихся там беглецов. Зато соответствующее объявление было сделано во внутренних областях государства, население которых не подлежало легальному верстанию на новую казачью службу. Именно после публикации этих «милостивых указов» (так их в один голос именовали сами беглые), сделанной вопреки закону, в Самару потянулся самый разный люд для записи в казаки¹⁰.

Сомнительные рассказы о происхождении в Оренбургской экспедиции не подвергались проверке, и многих бывших крестьян и горожан, дворовых и служилых людей писали при приеме на службу «разночинцами», хотя никакого позволения набирать «разночинцев» ни в одном указе Кирилову не содержалось. Одни, в лице руководства экспедиции, делали вид, что такое разрешение существует, а другие, в лице беглых, считали, что оно прямо относится к ним. Под именем «разночинцев» т.о. подразумевались, прежде всего, русские гулящие и беглые люди. И.И. Неплюев, один из будущих преемников Кирилова, а затем первый оренбургский губернатор высказался откровенно и предельно ясно, что казаками Кирилов называл и по крепостям расселял именно беглых крестьян¹¹.

По новым укрепленным линиям, как вода в руслах каналов, растекался поток вольной колонизации. «Каналы» эти были прорыты с санкции правительства, но шлюзы для потока беглых открыл по своей инициативе Кирилов.

После смерти Кирилова на его место был назначен В.Н. Татищев, выдающийся администратор, инженер, историк. Застройка новых крепостей, их заселение продолжались при нем на прежних основаниях. К 1 июня 1737 г. в крепости по р. Самаре был определен необходимый комплект поселенцев-казаков, по 200 чел. были записаны в Красносамарскую, Борскую, Тоцкую, Сорочинскую крепости и 300 чел. в Бузулуцкую. Кроме того, за р. Самарой в степи была основана Мочинская казачья слобода, куда зачислили на жительство 86 чел.¹²

Вольные переселенцы из низших сословий, в основном из крестьян, составляли почти три четверти новоприборных казаков (858 чел.) С учетом принудительно переведенных ссыльных (157 чел.) доля представителей этих общественных слоев в крепостях и слободах Самарской линии превысила 85%¹³. Однако в официальных рапортах Оренбургской экспедиции по-прежнему ничего не говорилось о приеме на службу лиц крестьянского происхождения.

Потомственные казаки и другие русские служилые люди находились среди переселявшихся на Московскую дорогу в меньшинстве (136 чел.) Их доля составляла 11,5% среди поселенцев на Самарской линии, и, как правило, именно из яицких казаков определялись в новые крепости атаманы и старшины.

При отправлении Кирилова в Оренбургскую экспедицию ему обещали передать в команду половину уфимских и мензелинских казаков. Однако в обязательном порядке в распоряжение экспедиции из казаков никого не перевели. Все природные казаки, оказавшиеся на новой пограничной линии, были добровольными переселенцами. На Самарской линии потомственные казаки были почти все из Яицкого войска (119 человек из 121), а в ближних к Оренбургу крепостях преобладали уфимские служилые казаки. На Самарской дистанции в казаках также оседали служилые городовые люди (бывшие пушкарки и стрельцы), а также выходцы из нерусского населения. Доля иноверцев (мусульман и буддистов) составляла здесь среди казаков всего 3% (35 чел.), но интересен сам факт участия в комплектовании здесь казачества с самого начала многонационального и многоконфессионального населения.

В точках зрения Татищева и правительства на тех переселенцев, что оседали на пограничной линии, проявлялось все больше разногласий. Первый был склонен к поддержке всех людей, которые объявляли себя при записи в службу вольными. Он просил Кабинет Министров распорядиться о безоговорочной отдаче им с мест прежних мест жительства жен, детей, скота, прочего имущества, поскольку воеводы, помещики и управляющие чинили препятствия в этом¹⁴.

Реакция Кабинета оказалась противоположной тому, на что надеялся Татищев. Указом от 15 февраля 1738 г. было предписано прекратить прием на поселение в крепости всяких жителей великорусских губерний, кроме не платящих подушную подать и не верстанных в службу «малороссиян»- украинцев, яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, уфимских мещеряков. Правительство исходило из того, что нельзя без освидетельствования верить никому, кто выдает себя за человека не крепостного и не платящего подушную подать. Оно же потребовало проверить всех, уже взятых на службу¹⁵.

Со ссылками на жалобы от землевладельцев, их управляющих, местной администрации Татищеву сообщалось, что среди уже принятых в новые поселения есть много заведомо беглых, которые затем и других своих родственников и соседей подговаривают к уходу в казаки¹⁶. Конечно, и Кирилов, и Татищев, и их сотрудники сами знали об этом. Однако когда интересы укрепления новых российских рубежей вступали в противоречие с крепостными порядками, эти деятели готовы были закрыть глаза на нарушение норм крепостного права, вовсе не будучи их принципиальными критиками или противниками.

Позиция Кабинета была последовательной в отстаивании жесткого крепостнического режима, но недостаточно гибкой для далекого пограничья. Кроме запрета принимать всех подозрительных добровольцев, Кабинет настаивал на высылке с линий на прежние места жительства и возвращении владельцам тех людей, кто уже сюда незаконно переселился¹⁷. Однако, реализовать правительственные распоряжения было невозможно, не обезлюдив при этом новые крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений. Тем самым подсказывался единственно возможный способ действия Татищева и его сотрудников в данной ситуации – игнорировать полученные из столицы указания. За время своего управления краем Татищев к высылке беглых, записавшихся на казачью службу, не приступил, хотя и не потворствовал уже так их притоку, как прежде.

При Татищеве начинается переселение под Самару крещеных калмыков. Центром управления ими стал новый город Ставрополь (ныне Тольятти). Из этих переселенцев было создано особое Ставропольское калмыцкое войско, организованное наподобие казачьего. Вместе с калмыками в Ставрополе разместили русский гарнизон, в который определили, кроме солдат, 60 казаков.

Еще одним источником формирования казачества были выходцы из народов Поволжья, считавшихся лояльными Российскому государству. Астраханский ногайский татарин Утуп Бекеев получил разрешение поселиться ему поблизости от г. Самары на р. Моче и набрать из других татар, уфимских мещеряков, калмыков до 200 семей на казачью службу. В ноябре 1738 г. Татищев просил Сенат дать мочинским казакам земли, рыбные и звериные ловли, которыми они будут пользоваться вместо казенного жалования за службу по охране Самары и рыбных промыслов по Волге, а также по обеспечению безопасного проезда на Яик. Мочинская казачья слобода стала смешанным русско-татарским поселением, среди жителей которой были и православные, и мусульмане¹⁸.

Вопрос о беглых среди казаков оставался нерешенным до отставки Татищева и назначения на его место В.А. Урусова. Последний предложил их прежним владельцам не возвращать, а зачесть их как взятых от хозяев в ходе рекрутского набора. Иначе, предупреждал он, нет никакой надежды, что удастся заменить этих беглых служилыми людьми. На сей раз такие аргументы на правительство подействовали. В указе от 23 января 1740 г. требование о высылке беглых на прежние жительства было снято, но с условием всех их переписать¹⁹.

Эта перепись была проведена весной 1740 года²⁰. Сведения собирались от глав семейств – «настоящих казаков». Всего в 14 крепостях по рекам Самаре и Яику (Красносамарской, Мочинской, Борской, Елшанской, Бузулуцкой, Тоцкой, Сорочинской, Татищевской, Тевкелевом Броде, Бердской, Озерной, Красногорской, Илецкой) было насчитано 2097 «настоящих казаков», 1567 чел. их родни мужского и 2343 чел. женского пола. Данные переписи позволяют определить районы выхода и происхождения переселенцев. Список прежних мест жительства беглых был очень широк. «Настоящие казаки» оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков и других территориальных единиц. В одной только Бузулукской крепости, например, переписаны выходцы из 36 уездов России. Схожая картина наблюдалась и в других крепостях.

Распределяя беглых по местностям, откуда они родом, на первый план следует поставить Среднее и Нижнее Поволжье (уезды Симбирский, Нижегородский, Казанский, Самарский, Сызранский, Свияжский, Саратовский, Чебоксарский, Курмышский, Тетюшский; города и пригороды Астрахань, Царицын, Санчурск, Малмыж, Ядрин, Билярск, Алексеевск, Кашпир, Петровск, Починковская волость) – 678 чел. За этой группой следует поставить уезды и города по бывшим пограничным чертам, соединявшим центр России с волжским Правобережьем (уезды Алатырский, Пензенский, Арзамасский, Саранский, Керенский, Ломовский, Инсарский, Кадомский, Норовчатский, Карсунский; г. Мокшан) – 410 чел. Преобладание выходцев из Поволжья и местностей, расположенных между Средней Волгой и старинными русскими областями, вполне понятно. Это был ближайший к Оренбургской пограничной линии край, где в XVIII в. уже было значи-

тельное оседлое население. Однако относительная величина цифр объясняется здесь еще другим обстоятельством. Через указанные районы проходили в XVIII веке беглецы из внутренних областей государства. Нередко оказывалось, что родители беглых сами были «сходцами», жили далее к западу, и мы имеем дело с переселением из внутренних областей государства, хотя и более медленным. В Самарское Заволжье вольные переселенцы часто попадали сложными и длинными путями. Им приходилось по несколько раз менять места жительства, переходить во все более отдаленные селения.

Таким образом, часть выходцев из Поволжья могла быть отнесена на долю центральных уездов и городов России, которые, впрочем, и сами по себе дают довольно значительное число переселенцев (уезды Костромской, Балахнинский, Пошехонский, Ярославский, Галицкий, Кашинский, Юрьевецкий, Романовский, Устюженский, Углицкий, Унженский, Кинешмский, Тверской, Муромский, Переяславский-Рязанский, Касимовский, Скопинский, Коломенский, Пронский, Темниковский, Михайловский, Каширский, Калужский, Сапожковский, Тульский, Елатемский, Суздальский, Владимирский, Московский, Переяславский-Залесский, Ростовский, Гороховецкий, Вязниковский, Луховский, Юрьев-Польский, Дмитровский, Звенигородский; г. Судиславль) – 458 чел. Несомненно, большое количество уроженцев местностей по Оке и Верхней Волге указывает, какое значение имели в передвижении населения речные пути.

Далее идут выходцы из Слободской Украины – 139 чел., к которым следует добавить и украинцев из бывшей Гетманщины – 55 чел. За ними следуют русские казачьи центры: Дон – 47 чел., Яик – 105 чел., Сакмарский городок – 2 чел. Соседний с пограничной линией Уфимский уезд дал 71 чел., преимущественно нерусского происхождения. Север, вместе с Новгородским краем и Прибалтикой представлен 46 выходцами. Своей родиной уезды Тамбовского и Воронежского края назвали 50 чел., а Прикамье – 11 чел. Общая картина завершается выходцами из далекой Сибири – 9 чел., Калмыцкой орды – 8 чел., Смоленской земли – 2 чел. и Речи Посполитой – 10 чел.

Т.о. подавляющее число беглецов на пограничные линии давали города и уезды по Волге (32%), старые засечные черты волжского Правобережья (20%), центральные районы страны (21%). Первые два региона иногда служили только дорогой, по которой проходили беглецы из центра страны. Исходной точкой побега нередко было плавание на волжских судах и вообще отхожие промыслы.

Почти 47% общего числа казаков (983 чел.) – бывшие дворцовые крестьяне. Значительное бегство с дворцовых земель вызывалось тяжестью государственных налогов и притеснениями в отношении раскольников. Второе место занимают крестьяне церковных учреждений. Их 327 или 15,6%. Видимо, надзор дворцовых управителей и монастырских приказчиков был недостаточно сильным, чтобы предотвратить побег. С другой стороны, именно крепким надзором следует объяснить сравнительно малое число беглецов из помещичьих крестьян (159 чел. или 7,6%), хотя их в стране было гораздо больше, чем дворцовых или монастырских. За ними идут (135 чел. – 6,4 %) крестьяне из потомков служилых людей (пахотные солдаты) и ямщики. Выходцы из нерусского земледельческого населения Поволжья и Приуралья составляют 89 чел. (4,2 %), посадские люди –

28 чел. (1,4 %). В количестве 366 чел. представлены природные казаки (17,4 %), как русские с Дона и Яика, так и украинские.

Положение беглеца, скрывавшего свой самовольный уход, было тяжким. Положение укрытого другими было не лучше. Стоило только сказать слово, донести, и беглый крестьянин попадал в критическое положение. Сотники, старосты, посадские люди, духовенство и, наконец, воеводы, принимая и укрывая беглых, получали в свои руки практически даровой труд батраков, которых держали в повиновении угрозой выдачи. Набор в казаки для наиболее смелых из беглецов открывал выход из невыносимого положения. Служба на пограничной линии была тяжела, но давала легальное положение людям, давно его потерявшим, что было для многих желанным концом долгой скитальческой жизни. Для беглого поверстаться в казаки означало приобрести устойчивый социальный статус, а с ним защиту от произвола.

Сведения о казаках в поселениях на юго-восточной границе, полученные по данным переписи 1740 года, могут быть существенно дополнены на основании Табели о состоянии в новопостроенных от Самары до Оренбурга и в других местах крепостях казаках и прочих всякого звания нерегулярных людях (1741 г.)²¹ Штатами предусматривалось помещение казаков в 13 крепостях по Самаре и Яику (Красносамарской, Борской, Бузулуцкой, Тощкой, Сорочинской, Тевкелевой, Переволокской, Татищевой, Черноречской, Бердской, Оренбургской, Озерной, Орской). В трех поселениях (Ольшанская крепость на р. Самаре, слободы на рр. Моче и Илеке) жили казаки, которые служили сверх или вне штата. Но и в других крепостях служившие из жалованья казаки составляли только половину количества, положенного по штату. Недостаток людей, положенных по штату, восполнялся за счет казаков, жалованья не получавших. Они обеспечивали себя сами с предоставленных им сельскохозяйственных угодий.

Рядовые казаки в рассматриваемой Табели делятся на «русских» и «иноверцев». Указана также группа «черкас», то есть украинцев. Речь идет о делении не столько по этническому, сколько по конфессиональному признаку. Под «русскими» (вместе с «черкасами») понимается православное население вообще. В «иноверцы» включены те представители народов Поволжья и Приуралья, которые исповедовали ислам (татары, ногайцы и т.п.), буддизм (калмыки), язычество (некрещенные чуваша). Подсчеты по группам казаков, у которых указаны конфессиональные признаки, показывают что рядовые казаки с жалованьем насчитывали 968 «русских» и 93 «иноверца», рядовые казаки на своем содержании включали 565 «русских», 150 «черкас», 114 «иноверцев», среди казачьих родственников и свойственников были 17 «русских» и 21 «иноверец».

При преобладании православного населения в крепостях Московской дороги, доля иноверцев (мусульман, ламаистов, язычников) была довольно значительна. На Самарской линии «иноверцы» составляли большинство в Мочинской слободе (68%), заметную группу – в Борской крепости (24%), имелись также в Бузулуцкой (8%) и Красносамарской (4%) крепостях. Из казачьих командиров указан один татарин – хорунжий в Мочинской слободе, остальные были русскими или украинцами. Среди казаков отмечены два «толмача»-переводчика.

Наряду со служилыми казаками в крепостях находились лица, зачисленные в казаки, но оказавшиеся неспособными к службе, которых стали считать за комплект. Оставались на новых местах жительства также казаки, которых освобождали от службы за старостью, ранами и болезнями. Значительную часть жителей новых крепостей составили члены семей служащих и неслужащих казаков. Вместе с их женами и обоюбого пола детьми числились другие родственники и свойственники, а также работники, жившие в этих семьях. Не состоявшие на службе закомплектные и отставные чины, малолетки и женщины были вовлечены в мирное хозяйственное освоение новоприсоединенных территорий.

До поры до времени именно лица, записанные в казачье сословие, независимое от реального отношения к военной службе, пола и возраста, составляли первоначальное оседлое население протяженной полосы земель в Заволжье и Приуралье. Все постоянное население 16 поселков Московской дороги в 1741 г., через пять лет после закладки первых из них, превышало 6 тыс. чел.

Об обживании новоприсланных казаками этих 16 поселков представление дает и число жилых домов, которых там было поставлено более 1,5 тыс. В среднем один дом приходился на 4 жителей. В отдельных крепостях средняя численность жителей в одном доме различалась незначительно: от 3,4 до 4,4 чел.

Для оценки хозяйственного состояния казаков-переселенцев наиболее наглядными из имеющихся в источниках являются сведения о наличии у них скота. Небольшая часть этого скота была получена казаками в счет жалованья. В основном же скот был приведен переселенцами с прежних мест жительства или приобретен на новом месте самостоятельно. В среднем же на один дом (семью, хозяйство) приходилось примерно по одной голове рабочего скота и одной корове, а также до двух голов мелкого скота, который состоял в основном из овец. Общее количество скота в это время у казаков следует признать минимальным для обеспечения себя самым необходимым.

В системе пограничных укреплений Самара заняла наиболее безопасный фланг, что отразилось на составе и на численности ее гарнизона. Новый руководитель Оренбургской комиссии И.И. Неплюев поддержал прежнее предложение Татищева о переводе казаков из Самары и Алексеевска в Оренбург²².

Таким образом, самарские казаки составили основу Оренбургского казачьего войска, как в свое время казачьи отряды, ушедшие с Самарской Луки, положили основание войску Яицкому (Уральскому). Не случайно, что первыми командирами оренбургских казаков также стали выходцы из г. Самары: сначала бывший самарский станичный атаман сотник Матвей Шилов (1744-1748), затем бывший сотник самарских городских дворян (позже войсковой атаман и полковник) Василий Могутов (1748-1778)²³.

Правда, в Самаре вскоре пришлось набирать новую казачью сотню, т.к. преследовать степных грабителей без легкой конницы было нельзя. В 1738 г. самарские казаки разбили и переловили волжских калмыков, ограбивших купеческий обоз, шедший из Самары на Яик. В 1750 г. они отбили у калмыков между Красносамарской и Борской крепостями обоз с товаром на 70 тыс. руб., в т.ч. с 57 пуд. серебра²⁴. Служба самарских казаков продолжалась также в конвоях при казенных грузах, разъездах вдоль пограничной линии, дальних походах.

Неплюев не хотел допустить ослабления воинских сил и в окрестностях Самары. Он обратил внимание на Мочинскую слободу, в которой более никакой потребности не имелось, предложив поселенных там русских казаков перевести в самарский пригород Алексеевск и лежащий неподалеку г. Ставрополь. Казаков-иноверцев из той же слободы было решено поселить между Алексеевском и Красносамарской крепостью для охраны Московской дороги²⁵. Новое поселение казаков-мусульман на пограничной линии сохранило имя прежнего их места жительства. Оно продолжало называться Мочинской слободой, хотя стояло теперь не при р. Моче, а на р. Самаре (современное с. Красносамарское).

Эти передислокации казачьих команд имели примечательное административное следствие. Когда в 1744 г. на карте Российской Империи появилась новая Оренбургская губерния, в ведении ее первого губернатора Неплюева остались казаки Самары и Алексеевска, не включенных в эту губернию, а также ставропольские калмыки. Соответственно все казаки и крещенные калмыки Заволжья оставались частью Оренбургского казачьего войска, даже если они проживали за пределами одноименной губернии.

Численность находившихся на службе казаков в Самаре и в Алексеевске в третьей четверти XVIII в. составляла до ста человек в каждом из этих населенных пунктов. Еще одним казачьим поселением в Самарском уезде была Мочинская слобода, где на казачьей службе находились более 50 чел.²⁶ Общая численность казаков в этом уезде, учитывая служащих вместе с отставными и малолетними, превышала 500 душ мужского пола.

В крепостях по р. Самаре выше Мочинской слободы к 1772 г. состояло на службе: в Красносамарской – 50 чел.; Борской – 50; Ольшанской – 50; Бузулуцкой – 71; Тоцкой – 50; Сорочинской – 50; Новосергиевской – 49; Переволоцкой – 45. Всего в этих крепостях на казачьей службе было 415 чел., а численность всех казаков мужского пола была около 1200 чел.

К ним можно добавить ставропольских казаков, которых находилось на службе в начале 1770-х гг. 34 чел., а в начале следующего десятилетия – 29 чел.²⁷ С отставными и детьми их было немногим менее 100 чел. м.п.

Казаки Самарского края занимались хлебопашеством и скотоводством, промыслами и торговлей, мало отличаясь по своим занятиям от посадских людей. Некоторые из них переходили в городские сословия. В 1768 г. оренбургский губернатор подписал приказ, по которому пятнадцатилетний «самарский казак малолеток» А. Хопренинов переводился в купеческое сословие, т.к. имел оборотного капитала более чем на 1000 руб. и желал устроить мыльный и кожевенный заводы, а потому было признано, что купцом он будет более полезен, чем казак²⁸. У богатых казачьих командиров имелись даже крепостные. Так, атаман самарских казаков А. Углицкий в 1763-64 гг. купил 7 дворовых людей²⁹.

Несмотря на административные преобразования в конце XVIII – начале XIX вв. казаки Заволжья с их землями остались вне ведения гражданских властей, подчиняясь непосредственно военному начальству в Оренбурге. Это население делилось на кантоны, расписание которых было составлено в 1798 г. Кантоны делились на станицы, которые здесь не были отдельными поселениями, а являлись казачьими общинами в общих местах жительства с горожанами

и крестьянами. Крещеные же калмыки в военно-административном отношении распределялись по ротам или улусам.

Однако потеря линией оборонительного значения делала земли по р. Самаре привлекательными для лиц неслужилого происхождения, а удержание их за казаками утратило военную необходимость. Попытки казаков и калмыков отстоять исключительное право на владение землями и угодьями по Самарской линии больше не встречали понимания у властей³⁰. Выселение казаков отсюда на новую пограничную линию далеко на восток началось в 1838-1839 гг. и продолжилось по указу 1841 г. Та же участь постигла крещеных ставропольских калмыков, включенных в Оренбургское казачье войско. Дальнейшие судьбы оренбургского казачества со второй половины XIX в. почти исключительно оказались привязаны к землям Урала и Зауралья. Его тесная связь с Самарским краем осталась достоянием истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С.7-8.

² Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М., 2003. С.21; Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004. С.19.

³ Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С.9,13; Злобин Ю.П. Изменения в административно-территориальном устройстве Оренбургской губернии во второй половине XVIII - начале XX века // Проблемы истории Оренбургского края XVIII - XX веков. Оренбург, 2004. С.14-15,23.

⁴ Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 44-47.

⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI - первая половина XIX века. М., 2000. С.34,74,79.

⁶ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С.26; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.323.

⁷ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С.38.

⁸ Рычков П.И. История. С.27.

⁹ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.16.

¹⁰ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С.44.

¹¹ Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693 - 1773). СПб., 1893. С.135.

¹² ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.75об.-76; РГАДА. Ф.248. Оп.5. Д.312. Л.41об.

¹³ Смирнов Ю.Н. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье // Самарский земский сборник. Вып.3. Самара, 1996. С.58.

¹⁴ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.3. Л.12.

¹⁵ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.47-47об.

¹⁶ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.3. Л.12об.

¹⁷ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.51об.

¹⁸ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.134. Л.1069 и об.,1072об.

¹⁹ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.6. Л. 8об.-9, 35об.; Д.9. Л.47.

²⁰ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д. 144; Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII веке //Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских.1908. Кн.1. Отд.4. С.1-26.

²¹ См.: ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.13; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция. С.124-132.

²² Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция. С.154-155.

²³ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Указ. соч. С.38,424; Кобзов В.С., Шадрин В.М. Указ. соч. С.36.

²⁴ История Самарского Поволжья. С.81.

²⁵ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.134. Л.1071об.-1072.

²⁶ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. VII. С.185.

²⁷ Материалы. Вып. VII. С.185, 247.

²⁸ Материалы. Вып. VII. С.144-145.

²⁹ История Самарского Поволжья. С.138.

³⁰ См.: Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1999. №1.

А.А. Рогач*

**МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГОРОДСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
ПО БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЯМИ В ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНАХ
ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Являясь одним из элементов проблемы повседневности, система здравоохранения отражает уровень развития общества, его социальную зрелость. Советской исторической мыслью был внесен серьезный вклад в изучение военно-политической истории гражданской войны. Однако, система здравоохранения, наряду с другими социальными сферами незаслуженно оставалась в тени.

В условиях войны, краха экономической системы огромные людские массы пришли в движение. В уездные и губернские центры резко усилился приток беженцев. Самарская и Саратовская губернии, находились на пересечении сухопутных и водных транспортных артерий. Все это порождало быстрое распространение всевозможных вирусных заболеваний. В связи с отсутствием целостной системы медицинского обслуживания населения представляется актуальным изучение мероприятий властей, пытавшихся справиться с волной эпидемий.

В Самаре в этот период функционировало 5 больниц, с общим количеством коек – 705, а также 7 амбулаторий со специальными отделениями: хирургическим, ушным, венерическим, глазным и зубным. В течение 1918 года во все больницы поступило 13094 больных, из них выздоровело 11325 и умерло 1169². Средств на достойное содержание больных не хватало. Например, со стороны больных Самарского местного лазарета раздавались жалобы на плохое питание. Но улучшить его было невозможно, поскольку на довольствие больных в день отпускалось всего 94 коп. на человека, а фунт мяса стоил около 2 руб.³. Нередко медицинский персонал воровал еду у пациентов. Однако в тяжелых условиях находились не только больные. Служащие и санитары 246-го эвакуационного госпиталя жаловались на то, что их начали кормить тухлой рыбой с червями⁴. Грязь, обилие вшей, отсутствие нормального питания и медикаментов, скученность больных, грубое отношение к ним со стороны персонала были частыми явлениями в работе здравоохранительных учреждений города. В 1918 г. на территории восьми уездов функционировали 145 врачебных участков, 65 фельдшерских пунктов, немногим более 1600 больничных коек. Для улучшения качества медицинских услуг организовывались различные курсы для подготовки санитаров, сестер милосердия.

В Саратове в рассматриваемое время лечебная помощь населению оказывалась тремя больницами на 600 коек и шестью амбулаториями, где работало по одному врачу. Однако уже к 1920 г. в Саратове функционировало 4 больницы, травматологический институт, 2 гинекологические лечебницы, детская больница, электролечебница, пастеровская станция, психлечебница. Была открыта стан-

* © Рогач А.А. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета

ция скорой медицинской помощи. Возникла новая форма обслуживания больных – помощь на дому, увеличилось число зубоучебных кабинетов. Всего в стационарах было развернуто более 3300 коек⁵.

Настоящей проблемой для губернских и городских органов здравоохранения были эпидемии, вспыхивавшие независимо от времени года из-за большой скученности населения, значительная часть которого проживала в невероятно тяжелой санитарной обстановке. Для борьбы с эпидемиями Самарским Врачебно-Санитарным советом городских врачей предпринимались определенные меры: с 15 апреля 1918 года запрещалось дальнейшее переселение в Самару на жительство. Разрешался въезд в город временно, только по служебным делам, по командировкам и удостоверениям правительственных мест, учреждений и общественных организаций. Предполагалось открыть ночлежные дома, улучшить питание населения и ввести свободную торговлю продуктами по губернии, увеличить отпуск мыла для граждан, привести в порядок вокзал, ввести санитарный контроль в хлебопекарне Городского продовольственного комитета, необходимо было прекратить дальнейшее уплотнение квартир, улучшить надзор за санитарным состоянием чайных и столовых, увеличить число бань (при банях устроить дезинфекционные камеры). Для уничтожения бродячих собак, была организована специальная группа людей, которая производила отлов животных в присутствии милиционеров с 11 часов вечера до 6 часов утра⁶.

В 1919 году была создана комиссия по очистке города с чрезвычайными полномочиями из представителей жилищно-земельного отдела, начальника гарнизона, медико-санитарного отдела и от милиции⁷. На противоэпидемические мероприятия Губернским исполнительным комитетом Самарскому губернскому отделу народного здравоохранения был отпущен 1000000 рублей⁸. Как показало время, данных мер было недостаточно. Это не удивительно – при борьбе с эпидемиями городская администрация нередко руководствовалась классовыми принципами. Так, отделу народного здравоохранения предписывалось «всеми доступными средствами помогать беднейшему населению уничтожать вшей... рабочим по предъявлению карточек первой категории бесплатно выдадут по 1/4 фунта на 5 человек мыла представителями здравотдела»⁹.

Развитие эпидемий брюшного и сыпного тифа, сопровождалось заболеваниями врачей, что говорило о серьезности положения. По данным газеты «Коммуна» на 11 мая 1919 года в городе числилось больных тифом: врачей-1, фельдшеров-2, сестер милосердия-8, служащих-54, приезжих-177, беженцев-64, воинских чинов-43, местного населения-155, германцев-3, австрийцев-9 и вернувшихся из плена-63, а всего – 580. Брюшным тифом болели 36 человек, возвратным-165 и неопределенным-114¹⁰. В отличие от холеры и дизентерии, сыпной тиф имел наибольшее распространение в зимние месяцы. Это было связано с тем, что главный возбудитель данного заболевания – платяная вошь, приобретала наибольшую активность в условиях скученности, грязи, редкой смены белья. Как раз такие условия и создавались в холодное время года. Все места скопления людей являлись рассадниками «сыпняка», в том числе вокзал, вагоны, столовые, бани, театры, даже очереди у лавок. Всего же от сыпного тифа с октября 1919 года по октябрь 1920 года заболело 12 332, умерло 687¹¹.

Саратовская губерния до революции не раз являлась ареной эпидемий, инфекционных заболеваний. Не оставляли эпидемии в покое Саратовскую губернию и в первые годы Советской власти. В 1919 году вспыхнула эпидемия сыпного тифа, охватившая все уезды губернии. Особенно высока она была в Саратове. Широкое распространение получили тиф и другие инфекционные заболевания.

Первые случаи заболевания холерой в Саратове были зафиксированы в апреле 1918 г. Однако, холодная погода препятствовала широкому ее распространению. Уже тогда медико-санитарным комиссариатом были приняты меры по борьбе с эпидемией. Было собрано совещание врачей и представителей советских организаций, а также были привлечены научные силы Саратовского университета. Совещанием был намечен целый ряд мер по борьбе с холерой в городе и губернии. Случаи заболевания холерой увеличивались с середины июля. Борьба с недугом велась в тяжелых условиях. Самые энергичные меры не могли приостановить эпидемию. Виной этому была царящая разруха. Ощущался недостаток необходимых медикаментов, отсутствовали инструменты. Саратов находился в тяжелом санитарном положении. Жилища, как социализированные, так и несоциализированные, находились в ужасном санитарном состоянии. Изданные приказы об очистке жилищ от нечистот не исполнялись.

Как и в Самаре, в Саратове была создана санитарно-техническая комиссия, в состав которой кроме медицинского персонала вошли представители от жилищного отдела, чрезвычайного штаба по борьбе с контрреволюцией и других советских организаций. Комиссия должна была исполнять меры, вырабатываемые медико-санитарным комиссариатом. 22 июля 1918 г. состоялось заседание Саратовского исполкома, на котором большая часть времени была отведена для разработки экстренных мер для борьбы с холерой. Первоочередными мероприятиями были намечены: предоставление в распоряжение медико-санитарного отдела перевозочных средств (автомобилей) в достаточном количестве; усиление ассенизационного обоза. Для госпитализации больных в Саратове тогда имелось до 700 коек при городской и Александровской больницах, число которых должно было быть доведено до 1000¹². В качестве профилактики заболевания медико-санитарным комиссариатом неоднократно выпускались листовки и воззвания к населению, в городе работали семь пунктов, где желающим делались противохолерные прививки. За всю эпидемию медико-санитарным комиссариатом было зарегистрировано 530 случаев заболевания. Данные эти неточны, в связи с тем, что нередко населения скрывало заболевших. В начале эпидемии смертность была в 60 %, к июлю она снизилась до 30 %¹³.

Остро стоял вопрос о похоронах умерших от холеры. Погребение совершалось по всем правилам обрядностей: умершие находились в открытых гробах, ближние прикладывались к зараженному трупу, покойник вносился в церковь. Все это способствовало распространению холеры. Перед обычаем власти были бессильны.

В отличие от губернского центра в самих губерниях случаев заболеваний холерой было меньше. Опасным являлся Камышинский уезд. В уездах принимались меры по борьбе с холерой. На Волге был усилен надзор за подозрительными больными. На каждом пароходе имелось два лица с медицинским образова-

нием. Кроме того, был усилен надзор за водопроводами и фильтрами. Ежедневно вода в фильтрах проходила обследование.

Главными очагами холеры являлись железная дорога и берег Волги, где наблюдается громадное скопление беженцев, не имеющих приюта. К разгрузке этих пунктов должны были быть приняты меры¹⁴. Несмотря на нехватку медикаментов, неуккомплектованность лечебных учреждений медицинским персоналом, благодаря энергично принятым партийными и советскими органами власти мерам, уровень заболеваемости к концу 1919 г. снизился, эпидемия была ликвидирована. Была ликвидирована и вспыхнувшая в 1920-1921 г. очередная эпидемия холеры¹⁵.

Эпидемии были большой, но не единственной проблемой. После возвращения с фронта солдат резко увеличилось количество заболевших венерическими заболеваниями. Для решения этой проблемы Самаре Врачебно-Санитарный совет постановил открыть в городе 2 амбулатории и пригласить для приема больных двух врачей-специалистов. В силу того, что организовать новые амбулатории было достаточно сложно, решили для приема венерических больных приспособить имеющуюся у города успенскую амбулаторию¹⁶.

Медицинский надзор, наряду с другими сферами социального обеспечения, находился в тяжелых условиях. Разрушив старую систему медицинского обслуживания населения, большевикам не удалось в кратчайшие сроки создать новую, способную в условиях всеобщего хаоса адекватно справиться со своими обязанностями. Новая система складывалась очень медленно за недостатком квалифицированного медицинского персонала, денежных средств, помещений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

² ГАСамО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 24. Л. 67 об.

³ Коммуна. -1919. -3 августа.

⁴ Саратовская область за 70 лет. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1987. – С. 403.

⁵ ГАСамО. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 17. Л. 24.

⁶ ГАСамО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 10. Л. 23 об.

⁷ Коммуна. -1919. - 9 августа.

⁸ Цит. по: Кабытова, Н.Н. В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917 – 1920 годах) / Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов. – Самара: Самарский университет, 1997. – С. 68.

⁹ ГАСамО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.

¹⁰ Вестник Самарского губернского статистического бюро. – Самара, 1921. – № 1. – С. 72-73.

¹¹ Саратовский совет рабочих депутатов (1917-1918). Сборник документов; под. ред. В.П. Антонова-Саратовского. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 593.

¹² Саратовский совет рабочих депутатов (1917-1918). Сборник документов; под. ред. В.П. Антонова-Саратовского. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 593-594.

¹³ Саратовский совет рабочих депутатов (1917-1918). Сборник документов; под. ред. В.П. Антонова-Саратовского. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 595.

¹⁴ Саратовская область за 70 лет. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1987. – С. 403.

¹⁵ ГАСамО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 20. Л. 236.

А.Б. Бирюкова*

СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В начале XIX века на территории Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний находилось 37 городов, в конце 1840-х годов – 40. К середине XIX века в них проживало 10% населения Поволжья. Прирост городского населения (72,3%) здесь был выше, чем в целом по стране (58,9%)¹. Наиболее интенсивно росли торговые города: Саратов, Симбирск, Пенза, Сызрань, Самара, Вольск. Типичным же городом региона в середине XIX века был уездный центр с численностью 5 тыс. жителей. В большинстве городов сохранялся патриархальный образ жизни. В городском сообществе были сильны сословные и корпоративные связи. С другой стороны, в городах региона наблюдался рост социальной мобильности населения, как горизонтальной, так и вертикальной.

Таблица

Сословный состав городского населения поволжских городов в 1842 г. (%)²

Название губернии	дворяне и чиновники	духовенство	почетные граждане	купечество			
				1 гильдия	2 гильдия	3 гильдия	всего
Саратовская	3	1	0,05	0,04	0,09	8,9	9,07
Симбирская	4	1,3	0,009	0,1	0,03	5	5,13
Пензенская	3,5	1,6	0,004	0,02	0,03	2,1	2,2
В среднем	3,5	1,3	0,021	0,05	0,05	5,3	5,4
	мещане и цеховые	учащиеся	рабочие	остальное население			
Саратовская	66,5	2	1	17,7			
Симбирская	42	1,4	0,6	40,5			
Пензенская	19,8	2,6	0,3	69,9			
В среднем	43	2	0,6	42,7			

В поволжских городах были представлены все законодательно определенные сословия. Как внутри сословий, так и между ними существовали разнообразные сословные группы. Помимо «городских граждан» в городах проживали чиновники, часть духовенства и определенная доля крестьян. Провинциальный город, выступая сосредоточием власти, в общественном сознании позиционировался как территория, населенная чиновниками. Дворяне и чиновники зачастую объединялись в административной документации в одну графу³. Подобная источниковая ситуация отражала, с одной стороны, тенденцию бюрократизации дворянского сословия, с другой « наличие в рамках сословия определенных подгрупп. Правительство пыталось ограничить доступ в ряды дворянства представителей других сословий. В то же время, апеллируя к личной инициативе своих

* © Бирюкова А.Б. – доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета

подданных, власть подспудно стимулировала карьерные претензии чиновников. Это противоречие между правами и обязанностями чиновника способствовало, на наш взгляд, появлению негативных черт в менталитете госслужащих.

По подсчетам В.М. Кабузана, в XIX века почти 50% дворян в стране имели личное дворянство. В Пензенской губернии в начале XIX века личное дворянство было у 70,1% дворян, а к 1850-м годам – у 35,2%. В Симбирской губернии, наоборот, преобладало потомственное дворянство (72% в 1816 г.), численность которого значительно сократилась в конце 1850-х годов (53,7%). В Саратовской губернии распределение дворян между этими категориями было более равномерным⁴. К середине XIX века в Поволжье количество личных дворян в сословии сократилось. Аристократия и дворянство средней руки предпочитали проводить время в поместьях или в столицах, появляясь в городе зимой. Только с 1830-х годов потомственные дворяне стали оставаться в городе на более длительное время. К примеру, в городах Пензенской губернии в 1808 г. на долю дворян и чиновников приходился 1% всех жителей, а в 1842 г. «уже 3,5%»⁵.

Отметим, что большинство проживавших в городах дворян имели личное дворянство и существовали за счет государственной службы. Начиная с 20-х годов XIX века, чиновничество постепенно превращалось в своеобразное «бюрократическое сословие». На статской службе значительно возросло число «обер-офицерских детей», а среди чиновников Пензенской губернии увеличилось количество выходцев из купеческого сословия. В Симбирской губернии подобной тенденции не наблюдалось. Это объясняется сложившейся здесь экономической ситуацией. Волжские города в торговом плане развивались динамичнее городов Пензенской губернии, поэтому симбирское купечество аккумулировало в своем сословии самые лучшие силы, пензенское же постепенно разорялось и пополняло ряды госслужащих. Среди чиновников, проживавших в городах Пензенской губернии, было много выходцев из духовного сословия. В Симбирской епархии, которая была больше Пензенской, духовенство имело больше шансов найти место⁶.

В первой половине XIX века постепенно трансформировался социальный состав провинциального чиновничества. За десятилетие число потомственных дворян, занятых на государственной службе, в Пензенской губернии снизилось в 4,6 раза, в Симбирской губернии «в 1,3 раза»⁷. Основная часть провинциальных чиновников относилась к 14-9 классам «Табели о рангах». Серьезным препятствием для выходцев из податных сословий стал указ 1809 г., который определял, что для получения чина коллежского асессора (8 класс) и статского советника (5 класс), необходимо было предъявить свидетельство об окончании университета⁸. С 1827 г. вообще запрещалось принимать на службу лиц из податных сословий, исключая выпускников высших учебных заведений. Тем не менее, около 65% получивших 8 чин с 1836-1843 гг. были выходцами из купечества, мещанства, почетных граждан, духовенства.⁹ Чтобы достичь этого, многие годы приходилось упорно трудиться, раболепствовать и интриговать. Карьерный рост чиновника во многом зависел от наличия важного покровителя из местных богатых и знатных дворян¹⁰. Чинопочитание было неременной чертой провинциального общества. Чиновник посещал тот же храм, что и началь-

ство, непременно поздравлял с праздниками, соблюдая при этом устоявшуюся иерархию, всех вышестоящих начальников. В среде чиновников действовала жесткая субординация и корпоративность. Уже в 1840-е годы провинциальное чиновничество ощущало себя как целостное сообщество, до определенной степени противопоставляя себя родовому дворянству¹¹.

Доля духовенства от числа всех горожан была наибольшей в Пензе и Симбирске. В 1826 г. в Пензе она составляла 2,1%, а в 1842 г. « 1,6% от числа горожан. С конца 1820-х годов, в связи с открытием Саратовской епархии и перемещением туда некоторых священников, численность проживавшего в Пензе духовенства несколько уменьшилась. Из этого сословия частично происходил отток лиц в чиновничество¹².

«Городское гражданство» было представлено следующими сословными группами: гильдейское купечество, мещане и цеховые. Принадлежность к нему закреплялась внесением в городскую обывательскую книгу. Купечество не облагалось подушной податью и не подвергалось рекрутской повинности. Купцы платили ежегодный налог с объявленного капитала, а в случае его неуплаты опять переходили в разряд податного сословия. На протяжении 1775-1821 гг. сбор с объявленного капитала периодически увеличивался с 1% до 5,25%, но с 1824 по 1861 гг. ценз и гильдейский налог с купечества даже снизился в 1,4 раза. Вместе с изменением налоговых выплат возрастал и размер капитала, требуемый для причисления к каждой из гильдий. В 1775 г. к 1-й гильдии относились купцы, имевшие капитал 10 тыс. руб., ко 2-й – 1 тыс. руб., к 3-й – 500 руб., в 1807 г. эти суммы были увеличены в несколько раз¹³. Права на принадлежность к купеческому сословию приобретались через гильдейское свидетельство с обязательной уплатой повинностей по прежнему состоянию. Лицо, не выполнившее этих условий, называлось «временным купцом». Если свидетельство в срок не возобновлялось, право купца на торговлю аннулировалось, и он переходил в мещанство. Купец 3-й гильдии постоянно балансировал между опасностью разориться, перейти в мещанство или остаться в купеческом сословии. В третью гильдию записывались выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев.

Численность купечества в городах была нестабильна. В ходе Отечественной войны 1812 года финансовое положение страны пошатнулось. К тому же в феврале 1812 г. вышел указ о торгующих крестьянах, которые облагались меньшими, чем купцы налогами. Эти два фактора привели к разорению многих купцов. Доля купечества в городском гражданстве с 1808 по 1823 гг. не повысилась ни в одной из поволжских губерний. Сложившаяся ситуация вынудила правительство защитить интересы этого сословия, изменив торговое законодательство. После гильдейской реформы 1824 г. количество купцов стало постепенно возрастать. В Пензенской губернии этот рост был менее интенсивным, чем в остальных губерниях Поволжья¹⁴. В городах Пензенской губернии первые две гильдии были немногочисленны, преобладало купечество третьей гильдии. В городах Саратовской губернии (Саратове, Вольске, Кузнецке, Балашове) количество купцов, особенно первой и второй гильдий, было значительно больше. Заметным был прирост купечества в Самаре¹⁵.

В поволжских городах периодически возникали конфликты из-за недовольства «городских граждан» конкуренцией со стороны иногородних купцов и крестьян. В начале XIX века саратовские купцы жаловались на то, что иногородние конкуренты перебивают их торг. Пришлое купечество имело больше экономической свободы, так как не платило сборов в казну города, по крайней мере, до конца 1840-х годов. К этому времени в купеческое сословие проникло немало разбогатевших крестьян, «которые не были связаны с общественными городскими интересами». Они оттесняли на второй план исконное купечество и даже становились городскими головами¹⁶. Для поддержания статуса купечества с 1832 г. правительство ввело сословную группу почетных граждан. В городах Поволжья почетных граждан было незначительное количество. В начале 1840-х годов в Пензенской губернии их было 4 человека, в Симбирской « 7, в Саратовской « 68¹⁷.

Мещане и цеховые платили подушную подать, казенные и городские сборы, несли ряд повинностей. Ремесленники разделялись на «вольных» и цеховых. В Пензе в 1829 г. значилось 217 «вольных» и 87 цеховых ремесленников.¹⁸ Вольные ремесленники, к которым относились крестьяне, проживавшие в городах и крестьяне-отходники, покупали лишь свидетельство, позволяющее им заниматься ремеслом.

Основным источником пополнения податных «граждан» были различные категории крестьян. После реформы 1824 г. «городские граждане» платили меньше налогов с торговой деятельности, чем крестьяне. Это обстоятельство способствовало росту мещанского сословия в общероссийском масштабе. В городах Пензенской губернии во второй четверти XIX века увеличение численности мещан и цеховых, наоборот, несколько замедлилось. В середине 1840-х годов мещане составляли здесь примерно 20% от всего городского населения. В то же время, доля мещан и цеховых от всего населения городов Саратовской губернии равнялась 66,5%, а в Симбирской губернии – 42%¹⁹. В «городском гражданстве» изучаемого региона с 1820-е по 1850-е годы численность мещан и цеховых сократилась на 5,7% и возросло количество купцов²⁰. В крупных городах Саратовской и Симбирской губерний (Саратове, Вольске, Сызрани, Самаре) купечество и мещанство составляли большинство населения. Здесь купцы и, в частности, купцы-старообрядцы играли заметную роль в формировании социокультурного пространства. В качестве примера можно привести деятельность купца-миллионщика В.А.Злобина, которому город Вольск был обязан своим возвышением²¹.

Отметим, что некоторые мещане и купцы жили в сельской местности. В начале XIX века в уездах Пензенской губернии проживало 11% мещан и 4% купцов. К примеру, в Нижнеомовском уезде количество мещанских душ превышало их численность в городе более чем в 3 раза, купцов « в 15 раз. Здесь были более выгодные условия торговли (торговая сеть на селе развивалась быстрее, чем в городе), не надо было вносить деньги на благоустройство, выполнять постоянную повинность. С 1846 г. с мещан и купцов, проживавших на селе, подати и повинности стали взиматься «и по поселянскому званию», и по основному сословию²².

В поволжских городах проживало много крестьян. В конце XVIII века они

составляли от 59% до 95% населения городов. В городах Пензенской губернии их доля оставалась значительной вплоть 30-40-х годов XIX века. В 1808 г. из всех горожан здесь на долю крестьян приходился 64,7%, в 1837 г. « 55%²³. В городах Поволжья (за исключением Саратова) преобладали казенные крестьяне. Этот факт объясняется происхождением поволжских городов, которые прежде были селами. Многие крестьяне, проживавшие в них, не желали переходить в городское гражданство²⁴. Среди крестьян-горожан выделялось две категории: крестьяне, живущие здесь постоянно и крестьяне-отходники, приходившие в города на некоторое время. Среди первых были государственные, дворовые, яшашные крестьяне (Чембар, Саранск), вольноотпущенники и однодворцы. Они платили в городскую казну налог с недвижимых имуществ и городские сборы. В больших городах, таких как Саратов и Самара, было много беглых крестьян. Здесь они «кормились сезонными и длительными работами на различных промыслах или судах, в батраках и прислуге, на время, обзаводясь собственным хозяйством»²⁵.

В городах Пензенской губернии проживало много однодворцев и казенных крестьян. В 1826 г. они составляли 18,8% всех горожан. Однодворцы, разоряясь, вливались в ряды городского населения. Помещичьих крестьян здесь почти не было, за исключением дворовых людей. В Саратове картина была иной. В 1820-е годы все группы крестьян составляли здесь 17,7% от всего населения города. Половина проживавших в Саратове крестьян были частновладельческими, в том числе, дворовыми. Заштатные города Поволжья были заселены крестьянами и пахотными солдатами. Исключение составлял Верхний Ломов, в котором в 1842 г. жили 51 купец и 1007 мещан²⁶.

Большинство промышленных предприятий в Поволжье находились в сельской местности, поэтому количество «работных людей» в городах региона было незначительно. В начале 1840-х годов данная категория населения преобладала в городах Саратовской губернии (1%)²⁷. Особую сословную группу составляли казаки, которые жили в Самаре, Саратове, Камышине, Царицыне, посаде Дубовска. Между казачьим населением и гражданами иногда возникали конфликтные ситуации, в основном из-за пользования землей и угодьями. Между самарскими казаками и мещанами на протяжении более десяти тянулось дело о земельных владениях²⁸. Еще одной социальной группой были разночинцы. Законодательство запрещало принимать в гражданскую службу детей купцов, мещан и крестьян, кроме тех, кто получил образование. Поэтому они стремились повысить свой социальный статус путем приобретения высшего образования и дальнейшей службы. В то же время, правительство не поощряло допуск этой социальной прослойки в университеты. Количество разночинцев в городах Поволжья постепенно уменьшалось. Среди городского населения Пензенской губернии их численность сократилась с 4,2% в 1826 г., до 0,4% в 1837 году²⁹.

В городах проживали также инвалиды, отставные солдаты, кантонисты, солдаты, нижние воинские чины, пахотные солдаты. Население города пополнялось за счет расквартированных войск. В Пензенской губернии маневры проводились в 1824 г. и в 1835-1839 гг., в Саратовской « с 1822 по 1827 гг. Более чем в половине городов этих губерний были расквартированы войска. Присутствие военных влияло на течение повседневной жизни. Приход войск неизбежно при-

водил к ужесточению постоянной повинности. Для местной элиты он сопровождался множеством балов, интриг и скандалов³⁰.

Социальная среда поволжских городов не была однородной. Тесные контакты между различными социальными группами – купцами, мещанами, крестьянами, духовенством и разночинцами, их общая профессиональная деятельность, брачные отношения приводили к формированию особой социальной среды русского провинциального города дореформенной поры. Состав городского населения Саратовской губернии отличался от облика городов Пензенской или Симбирской губерний. В городах Пензенской губернии преобладали крестьяне, а «городских граждан» было чуть более 20%. В городах Саратовской губернии мещане и цеховые составляли более половины жителей. Среди купечества поволжских городов доминировали купцы третьей гильдии. В Саратове «дух» города был совершенно иным, нежели чем в Пензе и Симбирске. Саратовское купечество наиболее активно способствовало созданию образовательных учреждений, больниц, первых книжных лавок.

Существовавшая сословная система не препятствовала вертикальной сословной мобильности горожан, хотя темпы ее были невысоки. Об этом свидетельствовала возрастающая роль чиновничества. Выходцы из городских низов и разночинцев приносили элементы той субкультуры, в который они воспитывались, преобразуя, таким образом, мир чиновничества. Численность дворян и чиновников в составе городского населения Поволжья постепенно возрастала. Несмотря на то, что дворяне и чиновники в 1840-е годы составляли лишь 3,5%, они сыграли значительную роль в формировании социокультурной среды городов Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Водарский, Я.Е. Население России за 400 лет/ Я.Е. Водарский. – М.: «Просвещение», 1973. – С.68; Рындзюнский, П.Г. Городское гражданство дореформенной России / П.Г. Рындзюнский. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Таблица.20.- С.257.

² Таблица составлена на основе данных: Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндии и царства Польского, составленные в статистическом отделе Совета министра внутренних дел. - СПб.: тип. Карла Крайна, 1842. – С.24-35.

³ См.: Там же. С.24-33.

⁴ Кабузан, В.М. Изменение в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1792-1858 гг. / В.М. Кабузан, С.М. Троицкий // История СССР.- 1971.- №4. – С.153-161.

⁵ Таблица; ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.260, 261, 1223.

⁶ Таблица.

⁷ Ломизова, Н.И. Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1801-1825 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Н.И. Ломизова. – Пенза, 2003.- С.146.

⁸ ПСЗ-I. – СПб., 1830.-Т.30.- №23771.

⁹ Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг. / А.П. Корелин. – М.: Наука, 1979. – С.26.

¹⁰ Инсарский, В.А. Половодье / В.А. Инсарский. – СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1875. – С.71;

Мешков, Г.И. Из воспоминаний / Г.И. Мешков // Русская старина.- 1903.- №6.- Т. XXXIV.- С.556.

¹¹ Мешков, Г.И. Указ. соч.- С.555; Шомпулев, В.А. Провинциальные типы сороковых годов / В.А. Шомпулев // Русская старина.- 1898.- Август.- С.326.

¹² Таблица; Духовников, Ф.В. Саратовская летопись / Ф.В. Духовников, Н.Ф. Хованский // Саратовский край. – Вып.1.- Саратов: Саратов. Общ. вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. – С.64.

¹³ ПСЗ.-1.-Т.20.-№14327; Т.29.- №22678; Рындзюнский, П.Г. Указ. соч.- С.42.

¹⁴ Подсчитано по: ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.260, 261, 627, 1223, 1502, 1820, 2225; Статистические таблицы... С.24-33; Рындзюнский, П.Г. Указ. соч. – С.97, 260, 261.

¹⁵ Леопольдов, А. Статистическое описание Саратовской губернии в 2ч. / А. Леопольдов. – СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1839. Ч.1-С.37; Ч.2.- С.12-13, 79; Статистические таблицы... С.26-27.

¹⁶ ГАСарО. Ф.3. Оп.1. Т.1. Д.399. Л.5; ПГВ.- 1849.- №21; Кушева, Е. Саратов в третьей четверти XVIII века / Е. Кушева // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения.- Вып.35.- Ч.2.- Саратов, 1928.- С.14.

¹⁷ Таблица.

¹⁸ ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.1502. Л.305.

¹⁹ Таблица; ГАПО. Ф.5. Оп.1. д.1128. Л.19.

²⁰ Подсчитано по: Рындзюнский, П.Г. Указ. соч. -С.260-261.

²¹ Таблица.

²² РГИА. Ф.571. Оп.1. Д.1474. Л.69-70; ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.260. Л.39,42; ГАСарО. Ф.3. Оп.1. Д.295. Л.6; Миронов, Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX века / Б.Н. Миронов. – Л.: Наука, 1981.-С.62-63.

²³ Подсчитано по: ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.260. Л.4об.,-6; Д.261. Л.5-10об.; Д.2225. Л.12-60; Булыгин, И.А. Об особенностях городов Среднего Поволжья во второй половине XVIII века / И.А. Булыгин // Города феодальной России / Отв. ред. В.И. Шунков. – М.: Наука, 1966. – С.492.

²⁴ Леопольдов, А. Указ. соч. – Ч.2. – С.115.

²⁵ Смирнов, Ю.Н. Население нижнего течения Иргиза в третьей четверти XVIII века / Ю.Н. Смирнов // Самарский земский сборник.- 2001.- №1 (5).- С.12-23.

²⁶ Подсчитано по: ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.1223; Рындзюнский, П.Г. Указ. соч. Таблица.23. – С.264; Статистические таблицы... С.26-27.

²⁷ Таблица.

²⁸ РГИА. Ф.1287. Оп.31. Д.309. Л.1-26об.

²⁹ Подсчитано по: ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.1223. Л.10-104; Д.2225. Л.12-60.

³⁰ ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.192. Л.16-21; Д.262. Л.32-32об.; Д.442. Л.7-7об.; Духовников, Ф.В. Саратовская летопись... С.63.

А.И. Носков*

О СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «КОГДА Б НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ...»

17

августа 1833 года Пушкин выехал из Петербурга в дальнейшее путешествие в Поволжье и на Южный Урал по пугачевским местам для сбора материалов для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Это была первая долгая поездка поэта после женитьбы в 1831 году на горячо любимой женщине. На 17-ый день поездки, 2 сентября, находясь в Нижнем Новгороде, Пушкин пишет жене о своей любви и беспокойстве за благополучие семьи. «Пугачев не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну – и явлюсь к тебе» (XV,76).^{*} В дальнейшем, эти настроения усиливаются. Через две недели, 19 сентября из Оренбурга поэт пишет Наталье Николаевне: «Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взятся за гуж, не говори, что не дюж – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит – я и в коляске сочиняю, что же будет в постели?» (XV,81).

Произведением, которое Пушкин начал сочинять в коляске, в пути из Симбирска в Оренбург, было, видимо, стихотворение «Когда б не смутное влечение...»

Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждающей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал –
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал. (III, 316)

* © Носков А.И. –

Это стихотворение имеет авторскую помету «1833, дорога, сентябрь» (III, 914). Она носит памятный характер. Известно, что беловой автограф стихотворения был написан в октябре 1833 года в Болдине (III, 1247). Помета, мы считаем, говорит о времени (1833, сентябрь) и месте (дорога) сочинения стихотворения.

«Когда б не смутное влечение...» – одно из непростых стихотворений Пушкина. Казалось бы в нем все ясно – поэт влюбился в пути и хочет остаться с возлюбленной, чтобы «наслажденье вкушать в неведомой тиши», но ему мешает это сделать «смутное влечение чего-то жаждущей души». Таково первое впечатление от стихотворения. Его выразителем оказался «верховный цензор» Пушкина император Николай I, который запретил в 1850 году публиковать это стихотворение «как совершенно пустое»¹.

Однако, в стихотворении при внимательном, вдумчивом чтении ощущается и другой, глубокий смысл. В стихотворении говорится не о мимолетном увлечении, а о серьезной и сильной любви, ради которой поэт был бы готов «забыть всех желаний трепет», назвать «мечтою» («пустой мечтой» – так в черновике, III, 914) «целый мир». И сильнее этой всепоглощающей любви оказывается «смутное влечение чего-то жаждущей души».

Чего же жаждет душа поэта? Ответ на вопрос находим в настроении и мыслях Пушкина во время путешествия 1833 года, выраженных в его письмах к жене. Мы цитировали эти письма в начале статьи. Из них видно, что в настроении Пушкина в сентябре 1833 года отражалось противоречие между чувством творческого долга, увлекшего поэта в дальнюю дорогу, и чувством любви поэта к жене и детям, оставленным в столице. * «Смутное влечение чего-то жаждущей души» – это непреодолимая жажда творчества, определяющая в конечном счете поведение поэта.

«Неизмеримо большую глубину» рассматриваемого стихотворения, скрытую под его кажущейся легкостью, отмечала в 1989 году О.С.Муравьева².

Некоторые авторы предлагают объединять стихотворение «Когда б не смутное влечение...» с фрагментами «Она глядит на вас так нежно...» и «Зачем я ею очарован?»³

Она глядит на вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувства,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Свою мне ножку подала.
Зачем я ею очарован?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнью моей (III, 443)

Далее в объединенном стихотворении предлагается читать все восемь строк стихотворения «Когда б не смутное влечение...»

Конечно, в обоих фрагментах и рассматриваемом стихотворении есть внешнее сюжетное сходство, употребляются одинаковые слова «лепет», «ножки», обо-

рот «когда б». Но в отличие от фрагментов, носящих легкий лирический характер, стихотворение «Когда б не смутное влечение...» имеет глубокое содержание, выражающее суть творческой личности поэта. Предложение об объединении этого стихотворения с приведенными фрагментами, из-за их разнохарактерности представляется необоснованным. Сам Пушкин не объединял их и не давал повода для этого. Поэт не публиковал «Когда б не смутное влечение...», вероятно, не считая это стихотворение законченным или опасаясь ложного его понимания. Оно впервые было напечатано в 1857 году.

Для нас, самарцев, стихотворение «Когда б не смутное влечение...» представляет особый интерес.

Прибыв в Оренбург, Пушкин написал жене: «Насилу доехал, дорога прескучная...» (ХУ,81). Однако, несмотря на это, а, может быть, и благодаря этому, в дороге 15-18 сентября 1833 года в заволжской или оренбургской степи, Пушкина посетило вдохновение, и он начал сочинять стихотворение – «Когда б не смутное влечение...» Возможно, это стихотворение сочинялось в самарском крае, через который поэт проехал 16-17 сентября 1833 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Пушкин. Исследования и материалы. Т.ХII. Л., 1986. С. 342

² Там же. Т.ХIII. Л., 1989. С.30.

³ Там же. Т.ХII. С.350.

Т.И. Ведерникова*

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
САМАРСКОГО ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ
И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В 20-Е ГГ. XX В.**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 07-01-26101 а/В

еобходимость этнографической работы в начале XX в. была обусловлена целым рядом обстоятельств:

1. Этнический состав населения Самарской губернии в конце XIX в. представлял очень пеструю картину: большинство (70%) составляли русские и украинцы, более 10% – татары и башкиры, 8,7% – немцы, 7,6% – мордва, 3% – чуваш¹.

2. Национальная политика в первые годы советской власти предусматривала свободное развитие всех этнических образований. В проведении государственной национальной политики в Самарском крае в 1920-е гг. наметился круг проблем: разрешение ситуации тяжелейшего голода 1921 г., пропаганда советского строя, культура и образование многонационального населения. В сложных условиях 1921 г. при Самарском Губкоме РКПб существовали 12 национальных секций – белорусская, венгерская, еврейская, китайская, латышская, мордовская, немецкая, польская, татарско-башкирская (бюро), турецкая, украинская, чувашская, эстонская. В этом же году национальным секциям было предоставлено общее помещение – Дом нацмена (здание Русско-Азиатского банка на пересечении улиц Петроградской и Саратовской), где под одной крышей объединились все народы края.

В 1922 г. в Самаре была организована научно-практическая конференция «Национальный вопрос и практическое проведение его в жизнь».

3. Одновременно с национальными секциями при Губкоме ВКП(б) существовал подотдел национальных меньшинств при Губернском отделе народного образования (ГубОНО).

Культурно-просветительная работа требовала подготовки кадров для национальных школ и партийных организаций на местах. С этой целью в 1923 г. в Самарском государственном университете была открыта кафедра сравнительного финно-угорского языкознания и этнографии, которую возглавил профессор бывшего Казанского Археологического института, преобразованного в Восточную Академию, Емельянов. Однако «Наркомпрос» «признал излишним для Самарского университета чтение краевых наук по финно-тюркологии»².

Объективно оценивая роль научных знаний в практике национальных отношений и место ученых в решении национальных проблем, преподаватели Самарского государственного университета в рамках созданного в ноябре 1919 г. Общества истории, археологии и этнографии (СОАИЭ) в числе четырех комис-

* © Ведерникова Т.И. – профессор Самарской государственной академии культуры и искусств

сий – археологической, исторической, библиографической, организовали и этнографо-статистическую. Одним из положений Устава СОАИЭ было «изучение духовной и материальной культуры прошлого и настоящего народов, населяющих Самарский край и прилегающие к нему области, содействие в распространении знаний»³.

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области (ГАСО), свидетельствуют о широкой этнографической работе Общества, проводимой учеными разного профиля – историками, филологами, социологами. С момента образования СОАИЭ под председательством профессора социолого-исторического факультета Алексея Степановича Башкирова, в этнографической секции активно сотрудничали: Н.А.Архангельский, А.П.Баранников, Д.Ф.Богданов, Т.А. Лучинский, В.Н. Перетц, И.С. Поздьяев, П.А. Преображенский, С.А. Хованский, Ф.Т. Яковлев.

Перед этнографической комиссией ставились конкретные задачи: составление диалектологической и этнографической карт губернии по материалам последней переписи, карт движения «инородческого» населения по материалам бывшей казенной палаты; организация этнографических и диалектологических экспедиций силами членов Общества.

В деятельности Общества в целом его руководством отмечены два периода: первый – с 1919 по 1922 гг. и второй – с 1922 по 1925 гг.: «Первый период, совпадающий со временем развития Самарского Университета и, в связи с этим, наличия в Самаре крупных научных сил, можно считать организационным в жизни Общества. Работа велась не столько углубленная, сколько широкая. В это время при Обществе создан был ряд учреждений вспомогательного характера, как библиотека, музей, Высшие Этнолого-Археологические курсы, художественная студия. . . . Второй период – это время отлива научных сил из Самары и изменения характера работы: сужая в общем масштабе поле своей научной деятельности, Общество углубляет ее в сторону изучения Самарского края и получает почти чисто-краеведческий характер. Учитывая тот факт, что в работах своих Общество не ограничивается областью гуманитарных наук, но и зачастую затрагивает вопросы естествознания, оно в 1922 г. принимает на себя задачу изучения природы края и прибавляет к своему первоначальному названию: «и Естествознания». Высшие Этнолого-Археологические курсы, в зависимости от изменения характера Общества, также получают краеведческий уклон»⁴.

Общество имело несколько отделений по уездам – в Пугачеве (бывшем Николаевске), Бузулуке, Бугуруслане, Абдулино Бугурусланского уезда, Ставрополе.

К 1922 г. была подготовлена группа исследователей края, однако и в 1924 г. отмечалось, что этнографическая секция работала слабее других по причине недостатка специалистов.

Здесь также нельзя не учитывать изменений в «сталинской» государственной национальной политике, сориентированной на формирование «новой исторической общности – советский народ», и в этой связи – негативное отношение к науке этнологии (этнографии), документально оформленное к концу 20-х гг. XX столетия. Так, одной из задач Совещания этнографов Москвы и Ленинграда в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИКМ) в 1929 г.

ставилось «определение роли и места этнологии в советском строительстве». В резолюции Совещания четко прозвучала критика «буржуазных направлений в этнологии»; сама «этнология» была объявлена буржуазной наукой; единственно приемлемой для отечественной науки оставалась «этнография». В 1932 г., в решениях Всероссийского археолого-этнографического Совещания в Ленинграде было закреплено отрицание этнографии как самостоятельной науки, отнесение ее к истории; задачей этнографов определялось «служить истории и обеспечить ее источниками»⁵.

Не имея специального образования, ученые СОАИЭиЕ внесли огромный вклад в становление этнографического краеведения и развития науки в целом. Сегодня их работы являются ценнейшим источником по реконструкции культурного облика этнических групп Самарского края на уровне конца XIX – нач. XX вв.

В этнографической деятельности Общества можно выделить несколько направлений:

1. Обобщение накопленного опыта в исследованиях народов края и его пропаганда через копирование, доклады, сообщения на конференциях Общества⁶. В распоряжении ученых оказались изданные Самарской Ученой Архивной Комиссией (СУАК) «Памятные книжки», «Адреса-Календари» Самарской губернии по отдельным годам. Многочисленные статьи в указанных изданиях, а также в «Самарских епархиальных ведомостях», «Самарских губернских ведомостях», «Сборниках статистических сведений по Самарской губернии» содержали ценные сведения по религиозной и культурно-этнической специфике народов региона.

В архивном фонде Общества удалось обнаружить разосланную в 1890 г. анкету Императорского Общества любителей истории, археологии и этнографии при МГУ (за подписью ординарного профессора МГУ Всеволода Миллера) о крестьянской одежде населения России. Известно, что ответы на анкету хранятся в архиве Русского Географического Общества (РГО) в Санкт-Петербурге, однако, «Сведения об одежде крестьян Новоузенского уезда Самарской губернии» оказались в фонде СОАИЭиЕ в ГАСО⁷. Представленные учителями земских школ уникальные описания народного костюма русских, мордвы, украинцев, населявших в XIX в. южные районы Самарского края, доступны современными исследователям. Это – ценнейший этнографический источник по реконструкции традиций в национальной одежде на уровне конца XIX в. Примечательно, что описания содержат информацию по генезису костюма – от традиционных форм до бытовавших в период их описания. Содержащиеся в источнике сведения фиксируют переход от крестьянской одежды к городской, что проявлялось и в материале – самодельная ткань считалась признаком бедности, и в конструкции; в женской одежде происходил окончательный переход к общераспространенному варианту – «юбка с кофтой». Поражает скрупулезное отношение авторов к теме изучения – в местной терминологии, относящейся к одежде, выявляются и взаимодействия этносов, живших в этноконтактной зоне Поволжья, выходящей в Азию.

В фонде Общества обнаружена и «Программа изучения нацменьшинств», выполняя которую, самарские краеведы собрали ценный материал в виде этнографической информации с мест, представленной членами уездных подотделов

этнографической секции, земскими учителями и просто «любителями старины».

2. В научной работе Общества в области этнографии было выделено несколько приоритетных тем: этническая история народов региона, этническая специфика населения, проявляющаяся в материальной и духовной культуре.

Весомым вкладом в самарское историко – этнографическое краеведение стали опубликованные работы П.А. Преображенского: «Беглые крестьяне Самарской губернии в XVIII в.» (1922), «Колонизация Самарского края» (1923), «Очерки истории Самарского края» (1919) и «Из истории башкирского землевладения»⁸. Примечательно, что в указанных работах при характеристике этнокультурной специфики народов края звучит научный принцип **географического детерминизма** (зависимости культуры этноса от среды его обитания), детально разработанный к этому времени в трудах «буржуазной» немецкой этнологической школы диффузионизма. Можно с уверенностью сказать, что ученый подошел и к определению научной проблемы **хозяйственно-культурных типов**, четко сформулированной в советской этнографии лишь в 70-е годы XX в. Г.Е.Марковым, М.Левиным, Н.Н.Чебоксаровым. На примере эксперимента, проводимого в Самарском крае в начале XVIII в. по приобщению кочевников – калмыков к оседлому земледелию, П.А.Преображенский в работе «Колонизация Самарского края» делает вывод: «блага оседлой жизни видимо не казались таковыми кочевникам; переход от кочевой жизни к оседлой совершается веками».

Подробные этнографические очерки представляют собой рукописные материалы, посвященные отдельным этническим группам края. Так, «Свадебные народные обычаи села Большая Ивановка Пугачевского уезда»⁹ и «Свадебный обряд в Студенцах Самарского уезда»¹⁰, записанные жителями указанных селений, фиксируют бытование русского обряда на уровне начала 1920-х гг., когда этнические традиции отличали народы края; более того, обрядовая специфика проявлялась и в локальных вариантах. Указанные описания могут служить прекрасным источником для современного изучения темы.

Мало разработанной в российской науке остается этнография детства. Тем выше ценность редко встречаемых материалов, каковыми можно считать хранящиеся в архиве Общества тексты «Игр и развлечений взрослых и детей в с. Кривая Лука Самарской губернии» Ф.Т. Яковлева 1920 г.¹¹, в числе которых подробно описаны «Бабки (козны)», «Каретка», «Плоцки», «Гусек», «Кон за кон», «Салки». Особое внимание Ф.Т.Яковлев уделил и музыкальной народной культуре, исследуя «Народные музыкальные инструменты, употребляемые в Самарской губернии»¹².

«Материалы по обследованию чувашей» селений Каменка и Саперкина Микунинского района Бугурусланского округа 1930 г.¹³, составленные местными учителями, представляют национальную специфику этноса в сравнении с рядом живущими русскими и татарами.

Наиболее подробными являются описания мордовских молянов (озксов), осуществленные И.О. Поздеевым в ходе его поездок в 1920-х гг. по отдельным селениям Бугурусланского уезда – Ново-Домосемейкино, Ново-Борискино, Секретарка¹⁴. Исследователь, не будучи по специальности этнографом, оставил в на-

следство профессионалам уникальные материалы по языческой обрядовой культуре мордовского этноса края, где отражается аграрная специфика жизни мордвы и в этой связи – магия плодородия, выходящая своими корнями в общечеловеческую практику. Среди многочисленных обрядов детально описаны «Юртава-озкс» (моление богине дома), «Озимь-озкс» (моление выезда на осенний сев), «Айгор-озкс» (моление жеребца), «Межа озкс» (моление на меже), «Кардо сярко-озкс» (моление богу двора) и т.д.

В «Известиях СГУ» за 1926 г. И.С.Поздьяевым опубликованы «Древние обряды самарской мордвы»¹⁵. Среди них – «Грань озкс» – моление на грани и «Ломанин стака мор озкс» – тяжелое моление по случаю появления холеры или другой повальной болезни.

Однако, самобытность этноса зачастую оценивалась И.С.Поздьяевым экзотическими явлениями. В качестве примера можно привести описание со слов старожилка деревни Ново-Домосемейкино Бугурусланского уезда мордовского моляна «Бабань каша озкс» (моление старушечьей каши), организуемого в прошлом на неделе после Троицы¹⁶. По информации, полученной Поздьяевым, «на площадку для общественных молений привозили старуху, завернутую с головой в покрывало, сажали в центре площадки, ножом проводили вокруг ее шеи, после увозили и 2-3 дня ее не показывали. На площадке резали и варили курицу».

В конце записей Поздьяев делает вывод о функции обряда жертвоприношения, как «имитации человеческой жертвы». Естественно, что с позиций сегодняшней разработки в науке вопросов, связанных с календарно-обрядовыми традициями всех народов России, подобное умозаключение представляется наименее и ненаучным¹⁷. Современные исследования на Самарской Луке свидетельствуют о сохранении обрядовых традиций «хоронить весну» в послетроицкий период в русско-мордовской среде региона.

К числу этнографических публикаций следует отнести и работу А.С.Говорова «Ивановка», написанную по материалам экспедиции слушателей Этнолого-Археологических курсов в указанное селение чувашей – язычников. В качестве приложения к монографии служат комментарии автора к церковной летописи села Ивановка, в которой представлена история крещения ивановских чувашей священником Антонием Ивановым¹⁸.

В архивном фонде Общества в ГАСО сохранились переписанные Ф.Т.Яковлевым из дореволюционных изданий труды И.Красноперова «Самарские чувашы»¹⁹ и «Самарская Башкирия»²⁰. В первом из них на хорошем профессиональном уровне автором представлена этноконфессиональная специфика чувашей.

«Самарская Башкирия» И.Красноперова остается до сего дня единственным и уникальным исследованием по этнографии башкир, населявших в конце XIX в. Юмуран-Табынскую волость Бузулукского уезда Самарской губернии. Хозяйственно-экономический уклад жизни самарских башкир охарактеризован автором как переходный от кочевого скотоводства к оседлому земледелию.

И.М.Красноперова можно считать единственным этнографом – исследователем народов Самарского края на уровне конца XIX века. В его творческом наследии нельзя не назвать публикацию «Меннонитское хозяйство в Самарском уезде», профессионально представляющую быт и культуру жителей 10 немецких

колоний, объединенных в Александертальскую волость на севере Самарской губернии (ныне – часть территории Кошкинского района). Примечательно, что автор этой работы четко характеризует немцев с позиции современной этнопсихологии, отмечая ментальные черты этноса, акцентируя внимание на проблемах этнической и конфессиональной идентичности²¹.

Иргизские старообрядческие монастыри – история их возникновения и превращения в единоверческие – стали предметом исследования Н.А. Архангельского «К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии»²². В фонде Общества содержатся материалы по обследованию указанных монастырей²³.

На конференциях Общества звучали доклады, актуализирующие этнографические исследования в крае; среди них: Богданов Д.Ф. «Статистические данные о национальном составе Самарской губернии в связи с ближайшими задачами Общества А.И. и Э.»; его же. «Этнографические особенности Самарской губернии и задачи этнографического исследования этого края»²⁴.

Ценность перечисленных источников состоит в фиксации уникальных национально-культурных явлений, в основной массе исчезнувших к настоящему времени. Материал, собранный в ходе полевых этнографических исследований, составил богатейший «банк данных» для современной науки. Авторы этнографических очерков в хороших традициях эволюционистской школы на примерах материальной и духовной культуры выявляли этнодифференцирующие свойства народов края, пытались сравнивать объект своего изучения с иноэтничными группами.

3. Музейно-краеведческая работа. Понимая ценность вещественных источников для исторической реконструкции, ученые СГУ при СОАИЭ создали музей. «Начало музею было положено вскоре после образования Общества, весной 1920 г. В это время в Самаре не функционировало ни одного музея, так как Губернский Музей, находившийся в совершенно беспорядочном состоянии, был закрыт». Основу музейных фондов составили «некоторые бывшие частновладельческие коллекции, хранившиеся до тех пор на Складах Совнархоза, откуда они были переданы в Общество».

Почти 10 лет работы этого музея – с 1920 по 1929 гг. – его возглавляла археолог и музейный работник, профессор В.В. Гольмстен. Ею были детально систематизированы музейные фонды²⁵.

Из документов и личных вещей С.Т. Аксакова была оборудована Аксаковская комната. Кроме того, в музее был создан отдел «Старая Самара», экспозиция которого включала орудия труда и предметы быта народов, населявших губернию, которые были собраны в результате этнографических экспедиций.

Источники поступлений в музей приводятся в отчете Общества за 1919 – 1920 гг.: «Все перечисленные предметы поступили от Совнархоза – 556 номеров, от Ф.Т. Яковлева – 184 номера, зав. Детским домом – 111 номеров, Просвет. Ассоциации – 85 номеров, от Реввоенсовета – 59 номеров, от А.С. Башкирова – 95 номеров, от В.Н. Перетца – 9 номеров, от комиссии по отделению церкви от государства – 110 номеров»²⁶.

В состав этих коллекций вошло довольно обширное собрание египетских древностей, предметы восточного и западноевропейского прикладного искусства и этнографии и т.п. После того, как в 1921 г. была образована коллегия для заведывания и приведения в порядок Самарского губернского Музея, между последним и Музеем Общества был произведен обмен экспонатов. Губернским Музеем были переданы в Общество археологические и этнографические коллекции, не имевшие самостоятельного значения ввиду их случайного характера».

В отремонтированном в 1926 г. помещении Музея Общества располагались только 2 отдела – первый – археологии и первобытных культур, второй – высоких культур²⁷.

К сожалению, судьба этнографических коллекций краеведческого характера в этом музее до сих пор остается белым пятном для науки. Весьма отрывочные сведения об этнографических экспонатах представляет «Список старинных и редких предметов, отысканных и доставленных Самарскому Городскому музею действительным членом Самарского Археологического Общества Феодором Тимофеевичем Яковлевым», обозначенный в Книге поступлений 1917 – 18 гг., хранящейся ныне в Архиве Художественного музея. В числе других предметов восьмой коллекции в списке числятся за №№ 1143-1145 «Кокошник старинный, шитый золотом и украшенный камнями, шелковый старинный платок, затканый серебром, тканая золотая материя (парча)»²⁸. Отсутствие информации о месте приобретения этих экспонатов не позволяет нам идентифицировать их с самарскими русскими.

Как указывалось выше, в губернии существовали филиалы Общества. В числе первых – в октябре 1919 г. был создан Пугачевский отдел, членами и кураторами которого от Самары были избраны И.Ф.Елагин, М.Н.Тихомиров, Ф.Т.Яковлев. В Пугачеве появился краеведческий музей, основанный силами местного общества. В 1919 г. М.Н.Тихомиров с Ф.Т.Яковлевым совершили ряд экспедиций по Иргизским (основанным старообрядцами в XVIII в.) монастырям с целью сбора музейного материала.

В архиве музея г. Пугачева Саратовской области хранится опись книг Нижне-Воскресенского монастыря, подписанная М.Н.Тихомировым. Кроме того, здесь же находится опись имущества Средне-Никольского монастыря за подписью местного краеведа Г. Чернышевского. Многие из указанных в этой описи предметов составляют сегодня один из основных фондов Пугачевского музея. Среди них – церковная утварь, облачения священников, крестьянская старообрядческая одежда. Передача монастырского имущества в Пугачевский музей происходила в присутствии М.Н.Тихомирова и местного музейного работника Константина Журавлева²⁹.

Значительную роль в сборе и систематизации предметов церковно-монастырской культуры сыграл активный член Общества, академик В.Н.Перетц. На заседании 30 апреля 1920 г. председатель СОАИЭ профессор А.С.Башкиров сообщил, что «В.Н.Перетц, осматривая склады церковных предметов, отобрал на этих складах очень ценные богослужебные книги и иконы, которые были потом принесены в дар Обществу. Собрание постановило выразить благодарность В.Н.Перетцу за труды по осмотру весьма ценных книг и икон»³⁰. В отделе редких книг Самар-

ской областной универсальной научной библиотеки есть несколько экземпляров палеографических работ В.Н.Перетца.

Подойти к каким-либо научным обобщениям теоретического характера ученым СОАИЭИ не удалось по причине отсутствия специалистов-этнографов; такая задача, как правило, и не ставилась перед исследователями. Это был этап накопления знаний в этнографическом краеведении. Сбор, систематизация и сохранение для будущих исследователей уникального материала – в этом величайшая заслуга самарских краеведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. – Т.8. – Вып.1. – Самара, 1892. – С.14

² ГАСО. – Ф.1. – Оп.1. – Д.1214. – Л.36.

³ ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.16. – Л.2.

⁴ Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Сам. Гос. Унив-те // Бюллетень Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при Сам. Гос. Ун-те. – 1925. – №1. – С.2-3.

⁵ Совещание этнографов Москвы и Ленинграда // Советская этнография. – 1929. – №2; Всероссийское археолого-этнографическое совещание в Ленинграде // Советская этнография. – 1932. – №3.

⁶ Общество археологии... – С.4.

⁷ ГАСО. – Ф.558. – Д.301 – 303.

⁸ Преображенский, П.А. Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в. / П.А. Преображенский // Известия СГУ. – Вып.3. – Отд.2. – Самара, 1922. – С.3 – 13; Он же. Колонизация Самарского края. – Самара, 1923; Он же. Очерки истории Самарского края. – Самара, 1919; Он же. Природа и население Среднего Поволжья. – Самара, 1928; Он же. Из истории башкирского землевладения // ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.235.

⁹ ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.70. – Л.1-11.

¹⁰ ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.200.

¹¹ ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.43.

¹² ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.245.

¹³ ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.222.

¹⁴ ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.70. – Л.12 – 39.

¹⁵ Поздьяев, И.С. Из материалов комиссии по изучению нацменьшинств – Древние обряды самарской мордвы / И.С. Поздьяев // Известия СГУ. – Вып.5. – 1926. – С.13-18.

¹⁶ ГАСО. – Оп.1. – Д.70. – Л.11 – 13.

¹⁷ Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – М., 1991.

¹⁸ Говоров, А.С. Ивановка / А.С. Говоров. – Самара, 1926.

¹⁹ Красноперов, И. Самарские чуваша / И. Красноперов // Русская мысль. – 1884. – №3. – Разд.12. – С.46 – 52; ГАСО. – Ф.558. – Д.262.

²⁰ Красноперов, И. Самарская Башкирия / И. Красноперов // Труды Вольного экономического общества. – 1885. – Т.2. – Отд.3. – С.192 – 205, 368 – 382; ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.234.

²¹ Красноперов, И. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде / И. Красноперов // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. – Т.1. – Самарский уезд. – Самара, 1883.

²² Архангельский, Н.А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии / Н.А. Архангельский // Известия СГУ. – Вып. 4. – 1923; Архангельский, Н.А. Иргизские скиты / Н.А. Архангельский. – Самара, 1928.

²³ ГАСО. Ф. 558. Оп.1. Д. 44.

²⁴ Общество археологии. – С.5.

²⁵ Алексушина, Т.Ф. Коллекционеры старой Самары / Т.Ф. Алексушина. – Самара, 2005. – С. 377 – 381.

²⁶ ГАСО. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д.15. – Л.1.

²⁷ Музей Общества А.И.Э.и Е. при С.Г.У. // Бюллетень Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при Сам.Гос. Ун-те. – 1926. – № 4. – С. 1 -2.

²⁸ Там же. – С.302 – 303.

²⁹ Архив краеведческого музея г. Пугачева Саратовской области.

³⁰ Мартиновская, А.И. В.Н.Перетц и Самара / А.И. Мартиновская // Краеведческие записки. – Вып. VIII. – Самара, 1996. – С. 99 – 116.

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин*

ЭКСКУРСИОННЫЙ КОМПОНЕНТ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА В СТЕНАХ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Не секрет, что одной из важнейших тенденций существования современной цивилизации являются стремительное развитие сферы туризма и сервиса. Регион Среднего Поволжья не является исключением в общемировых процессах. Туристский потенциал Поволжья огромен, наш край богат своими природными и культурными достопримечательностями, уникальными объектами и красотами. При этом, массовости и высокой рентабельности внутреннего туризма в нашем регионе не достиг. Объяснений этому факту множество – отсутствие поддержки и понимания властей, слабость транспортной инфраструктуры, нехватка грамотных и толковых специалистов в сфере туризма.

На проблеме подготовки молодых кадров хотелось бы остановиться подробнее. Менеджеру в сфере регионального туризма необходимо доскональное знание Среднего Поволжья, его истории, характеристик культурных и природных ресурсов. Кроме того, данный специалист должен обладать навыками правильного «преподнесения» туристских ресурсов, умения сформировать на их основе туристическую программу или маршрут.

Потенциал Самарского государственного университета позволяет успешно решать эти задачи. Более 30 лет исторический факультет СамГУ является признанным центром поволжского краеведения и ресурсоведения. В его стенах сформировались научные школы, изучающие разные аспекты истории нашего региона.

* © Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тюрин В.А., 2008

Кабытов П.С. – профессор, зав.кафедрой российской истории Самарского государственного университета

Дубман Э.Л. – профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета

Тюрин В.А. – доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета

Реагируя на потребности нового, меняющегося российского общества, ориентируясь на потребности современного рынка труда, Самарский университет с 2004 года обучает студентов в рамках специализации «Историко-культурный туризм». В этой деятельности максимально задействован научный и педагогический потенциал высшего учебного заведения. Помимо солидной общегуманитарной подготовки студентам читаются специальные курсы по теории и практике туристского дела: «Введение в историко-культурный туризм» (профессор Э.Л. Дубман), «Историко-культурные достопримечательности Самарского края» (доцент В.А. Тюрин), «СМИ и реклама в историко-культурном туризме» (профессор Г.А. Широков), «Профессиональная этика и сервисная деятельность» (доцент З.М. Кобозева), «Организация историко-культурного туризма и его документационное обеспечение» (доцент Н.А. Санникова) и ряд других.

В настоящее время старшим курсом на специализации «историко-культурный туризм» является четвертый. В среднем на каждом из 4-х курсов обучается от 16 до 25 студентов. Немаловажной особенностью контингента учащихся является тот факт, что более половины его составляют иногородние студенты. Это требует выработки особых подходов к педагогическому процессу, заставляет делать акцент на знакомстве слушателей с региональными туристскими ресурсами.

Стоит отметить высокий интерес и, как следствие, высокий конкурс среди абитуриентов при поступлении на данную специализацию Самарского университета. Особенностью нашей образовательной программы является ее опора на солидный уровень подготовки специалиста-гуманитария на историческом факультете, постоянное использование богатого наследия университетских научных школ и высокий уровень профессорско-преподавательского состава.

Общую координацию учебно – методического процесса у студентов, обучающихся на специализации «историко-культурный туризм» осуществляют первый проректор, заведующий кафедрой российской истории П.С. Кабытов, декан исторического факультета Ю.Н. Смирнов, руководитель специализации Э.Л. Дубман.

Немаловажно, что в учебную программу специализации входят многочисленные экскурсии, археологическая экспедиция и полноценные туристические программы, разрабатываемые и проводимые специалистами Самарского университета, например, знакомство с музеями и архитектурными достопримечательностями Самары, Тольятти, Ульяновска, красотами городов Золотого кольца России.

В рамках экскурсионного компонента на первом курсе обучения традиционными являются следующие мероприятия. В мае студенты посещают филиал Самарского областного краеведческого музея им. П.В. Алабина «Дом Курлиной». Огромный интерес группы вызывает, конечно же, само здание – лучшее воплощения стиля модерн в Самаре. С интересом ребята слушают лекцию профессионального экскурсовода по истории края, рассматривают экспонаты. Наибольшие эмоции вызывает осмотр экспозиции, расположенной в подвале здания и рассказ о расстрелах красноармейцев, происходивших в его стенах.

Следующим учебным компонентом является пешая экскурсия по центру города Самара. Маршрут ее традиционно начинается от площади Революции. За-

тем студенты знакомятся с разнообразными архитектурными стилями и достопримечательностями улицы Куйбышева (Дворянской), классицизмом здания Волжско-камского банка, эклектикой особняка Клодта, конструктивизмом Дома Промышленности, неоклассицизмом особняка А.Н. Наумова, модерном Крестьянского поземельного банка и здания Общественного собрания, русским «краснокирпичным» стилем драматического театра, «промышленной» архитектурой завода А. фон Вакано, конструктивизмом Дома Красной Армии. Завершается экскурсия рассказом о Струковском парке и трагической судьбе Кафедрального собора.

В конце мая студенты–первокурсники отправляются в село Ширяево, располагающееся на Самарской Луке. По одной из версий название села связано с живописной долиной, в которой оно находится. «Ширяй» можно трактовать как «ширь», «простор». Более старые название села говорят сами за себя – Ширяев буерак (овраг) и Богоявленское (по храму).

Вот уже три «поколения» студентов побывали в столь ожидаемой ими поездке, безусловно, эта традиция будет продолжена. За целый день пребывания на природе экскурсанты с палубы теплохода «Москва» любуются красотами Жигулей, Жигулевскими воротами, Царевым курганом. После высадки на берег маршрут туристической группы лежит к горе Верблюды, крутые склоны которой являются излюбленным местом тренировок скалолазов со всей России.

Рядом с горой Верблюды расположены знаменитые Ширяевские штольни. В глубь горы параллельно друг другу уходят тоннели сечением 4Ч4 метра. Они были пробиты для добычи известняка в начале XX века. В зимнее время в штольнях находятся в спячке огромные колонии летучих мышей, по оценкам специалистов, это самые большие скопления данного вида в Европе.

Далее маршрут приводит нашу туристическую группу в дом–музей И.Е. Репина. Именно в Ширяеве Репин в 1870 году делал наброски к знаменитой картине «Бурлаки на Волге», которая и явилось стартом его карьеры. Приведем воспоминания молодого художника: «Первый же мой рисунок с группы детей на берегу окончился скандалом. Дети были довольны, получив по пятак за свое смиренное сидение, но сбежавшиеся матери пришли в ужас; они поколотили детей и заставили их бросить деньги»¹. Среди именитых персон, побывавших в этом музее, стоит отметить В.В. Путина (асфальтовую дорожку к музей делали всю ночь накануне приезда) и короля Швеции Густава XVI.

Заключительным пунктом поездки в Ширяево является посещение источника «Каменная Чаша». Это место образовано слиянием двух отрогов Ширяевского оврага. Целебные свойства этой живительной чудотворной воды были хорошо известны издавна. До революции в России значилось 300 святых источников, в их числе была и «Каменная Чаша». Небесным покровителем этого источника считается Николай Чудотворец, самый почитаемый на Руси святой.

Экскурсии по городу Самара; посещения музея «Дом Курлиной», дома–музея И.Е. Репина, села Ширяево являются важным компонентом спецкурса «Историко–культурные достопримечательности Самарского края».

На втором году обучения, в начале лета студенты совершают двухдневную поездку на университетском автобусе в Ульяновск. Они знакомятся с достопри-

мечательностями этого старинного губернского города, его историческим центром – Венцом, зданиями педагогического университета, Ленинского мемориала, набережной. Особый интерес вызывает посещение многочисленных музеев Ульяновска – историко-архитектурного комплекса «Симбирская засечная черта», музея «Градостроительство и архитектура Симбирска – Ульяновска», музея городского быта «Симбирск конца XIX – начала XX веков», музея современного изобразительного искусства им А.А. Пластова и других. Переночевав в гостинице, на следующий день экскурсанты отправляются в Ундоры, село и курортный центр, расположенное, примерно, в 40 км к северу от областного центра, на правом живописном берегу Волги. В окрестностях этого старинного русского они осматривают территорию палеонтологического заказника, комплекс знаменитых Ундорских городищ, археологических памятников относящихся к эпохам раннего железного века и средневековья; совершают экскурсию к минеральным источникам. Завершает этот туристский маршрут посещение местного палеонтологического музея. Уже традиционно, второй год в роли экскурсовода по маршрутам Ульяновска и области выступает бывший выпускник Самарского университета, а ныне доцент Ульяновского педагогического университета, археолог Юрий Анатольевич Семькин.

Логичным развитием образовательной программы для будущих специалистов сферы историко–культурного туризма явилась поездка студентов–третьекурсников в Рязань и Москву, с 26 по 29 июля 2007 года. Она стала возможной благодаря финансовой поддержке деканата исторического факультета и любезного приглашения рязанских коллег–историков. Принимающей стороной явился исторический факультет Рязанского государственного университета, взявший на себя бремя хлопот по размещению, обеспечению транспортом, питанию, организации культурной программы. Сразу отметим, что все вышеперечисленное было организовано на высочайшем уровне.

Теперь несколько слов о культурной программе. 26 июля, в 4.41 утра самарский десант высадился на рязанской земле. Коллектив состоял из двух руководителей (доцент Тюрин В.А. и аспирант Голубинов Я.А.) и 11 студентов группы 832 (Галыгин А.А., Гаршина Е.А., Григорьева И.Г., Малинкин Е.М., Матюгина Л.С., Река А.В., Филькина И.Ю., Филькина М.Ю., Цыганова М.С., Чинчараули Н.В., Давыдкина О.).

Рассветное солнце осветило нас грустных и невыспавшихся на первой платформе ж/д станции «Рязань». Многие готовы были отчаяться, но теплилась надежда, что рязанские коллеги нас не подведут. Надежды наши оправдались, на обещанном месте группу ждал профессор Петр Владимирович Акульшин, который с удовольствием прочитал небольшую, но захватывающую лекцию об исторической части города Рязань. Затем мы заселились в уютное общежитие Рязанского педагогического университета.

После небольшого отдыха, началась «культурно–историческая» программа первого дня пребывания. Иоанно-Богословский монастырь в селе Пощупово, основанный на рубеже XII–XIII веков произвел на нас неизгладимое впечатление и познакомил с образцами русского культового зодчества самой разной датировки. Приятным сюрпризом явилась трапеза в Гостевых палатах. Окрестнос-

ти монастыря открывали нам красоты Мещерского края и замечательные виды на реку Оку и город Рязань.

После посещения монастыря наша группа отправилась в Константиново – родной край Сергея Есенина. Село расположено на живописном высоком правом берегу Оки, в 43 километрах к северо-западу от Рязани. Именно здесь, 3 октября 1895 (по новому стилю) родился великий русский поэт Сергей Александрович Есенин. В Константинове прошли детство и юность поэта. В центральной части села расположен Государственный музей-заповедник С.А. Есенина. Посещение этих мест позволило нам погрузиться в истинные красоты Средне-Волжской возвышенности. Мы побывали во вновь воссозданном доме родителей Есенина; земской школе, в которой поэт учился; доме помещицы Лидии Ивановны Кашиной, где бывал на дворянских вечерах Сергей Есенин.

Второй день нашей экспедиции был полностью посвящен Москве белокаменной. День начался с сильного дождя. Но едва мы добрались до центра столицы, как яркое солнце и погожий день осчастливили нас своим появлением. Программа этого дня была весьма насыщенной, вначале двухчасовая автобусная экскурсия по Москве (достопримечательности центра столицы, Воробьевы горы, Поклонная гора и т.д.), затем, отдавая долг профессии, мы подробным образом изучили экспозицию Государственного исторического музея. Во второй половине дня нас ждали Кремль, Красная площадь и, как ни странно, знаменитый Басманный суд г. Москва.

Третий день пребывания на рязанской земле был полностью предоставлен изучению достопримечательностей города Рязань. Экскурсионная программа включала в себя осмотр одного из старейших музеев России – архитектурного ансамбля Рязанского Кремля (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник). Особый интерес вызвал Успенский собор, так знакомый студентам из курса «истории русской культуры», крепостные стены и строения XV-XVI веков, музейные экспозиции.

После Кремля рязанские коллеги любезно провели интереснейшую экскурсию по центральной части города. Следующим пунктом программы этого дня явился Музей воздушно-десантных войск при Рязанском высшем десантном училище, единственном в России высшем учебном заведении данного профиля. Разнообразные виды и образцы военной техники, оружия, история российских десантных войск явились прекрасным дополнением к впечатлениям от древностей Рязани и Москвы.

Четвертый день пребывания был полностью посвящен археологическим памятникам. Мы отправились в Старую Рязань, на территорию одного из крупнейших древнерусских городов XII-XIII веков, столицы Рязанского Великого княжества. Само городище расположено в 60 км от современной Рязани. Впервые город упоминается в летописи под 1095 годом. Общеизвестна трагическая судьба Старой Рязани. В 1237 году, свой первый, жесточайший удар хан Батый обрушил именно на пограничное Рязанской княжество. Несмотря на героическое сопротивление жителей, город был полностью разрушен и более никогда не возродился. В итоге, вторая Рязань возникла совсем на другом месте.

И вновь нашему коллективу улыбнулась удача, практически одновременно с нами в Старую Рязань прибыла экспедиция московских археологов, которые уже не один сезон ведут здесь раскопки. Конечно же, москвичи не смогли удержаться и несколько часов увлеченно рассказывали нам об этапах изучения этого археологического объекта. Старая Рязань является удивительным местом – остатки крепостных валов окружают территорию площадью более 60 гектаров. На поверхности почвы практически повсеместно встречаются осколки керамики. Интерес вызывают фундаменты двух храмов, примерно датируемые XI-XII веками. В нескольких местах археологи сделали разрезы валов. На профилях эти разрезы отчетливо видны следы пожара 1237 года.

Особую благодарность за гостеприимство, сопровождение и интересные экскурсии хотелось бы выразить рязанским коллегам: профессору Петру Владимировичу Акульшину, доцентам Игорю Николаевичу Гребенкину и Игорю Анатольевичу Гагину.

Наступает 2008 г. и для студентов старшего, теперь уже четвертого курса, специализации «историко-культурный туризм» готовятся новые экскурсионные маршруты. Думается, что они будут не менее интересными и увлекательными чем те, о которых мы писали выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=115423>

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Кабытов П.С. Труды профессора Л.М. Артамоновой по истории родного края и Отечества, культуры и просвещения в России	3
Салугина Н.П. Слово об Учителе	12

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Артамонова Л.М. Проекты преобразования школьного дела России в 1760-1770-е годы	16
Леонов М.М. «Демонстративная дружба»: к характеристике неформальных отношений в салоне В.П. Мещерского	31
Дорошенко А.А. Консервативно-конституционная фракция центра в IV Государственной Думе Российской империи	46
Старков Д.А. Кадры местной администрации в годы первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья)	50
Санникова Н.А. Управление особого строительства НКВД СССР. Создание, структура, направления деятельности	56
Кабытова Н.Н. Власть и крестьянские съезды в 1917 году	63

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Смирнов Ю.Н. Самарские корни Оренбургского казачьего войска	70
Рогач А.А. Методико-санитарные мероприятия городских органов власти по борьбе с эпидемиями в прифронтовых районах периода гражданской войны	81
Бирюкова А.Б. Сословный состав населения поволжских городов в первой половине XIX века	86

САМАРСКИЙ АРХИВ

Носков А.И. О стихотворении А.С. Пушкина «Когда б не смутное влечение...»	93
Ведерникова Т.И. Этнографическое краеведение в деятельности Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания в 20-е гг. XX в.	96

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тюрин В.А. Экскурсионный компонент в подготовке специалистов в сфере туризма в стенах Самарского университета	105
---	-----